R 458/228

R 458/228

ПУТЕШЕСТВІЕ
ВЪ СМОЛЕНСКЪ,

ИЛИ

ВОСПОМИНАНІЕ 1812 ГОДА.

СОЧИНЕНІЕ

Никифора Бороградскаго.

Нѣтъ дѣлъ моихъ передъ Тобой:
Не сыпалъ злата я на бѣдныхъ —
Мнѣ злата не дано судьбой;
Но глазъ заплаканныхъ, лицъ блѣдныхъ
Не могъ безъ грусти замѣчать;
Дружился въ сердцѣ съ угнетеннымъ,
И жалобамъ его священнымъ
Любилъ съ прискорбіемъ внимать;
Любилъ суды правдивы рока,
Невинныхъ, добрыхъ торжество. —
«Есть гробъ, безсмертье, Божество!» —
Я мыслилъ, видя троиъ порока.

Карамзинъ.

МОСКВА.
ВЪ ТИПОГРАФІИ ИВАНА СМИРНОВА,
ПРИ ИМПЕРАТОРСКИХЪ МОСКОВСКИХЪ ТЕАТР
1839.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва. Марта 17 дня, 1839 года.

Цензоръ *В. Флеровъ.*

Государственная
Библиотека
СССР
им. В. И. Ленина
2364-85

2007113279

ЕЯ ПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВУ,

Милостивой Государынѣ,

СОФЬѢ ПЕТРОВНѢ

Апраксиной,

въ знакъ глубочайшаго высокопочитанія и безпредѣльной преданности посвящаетъ первый опытъ трудовъ своихъ,

Сочинитель.

КЪ ЧИТАТЕЛЯМЪ.

Одна только любовь ко всему отечественному, — одна только любовь къ отечественной Словесности, — даетъ мнѣ смѣлость стать на мѣстѣ подсудимыхъ.... Но всякое замѣчаніе просвѣщенныхъ читателей приму съ сердечною благодарностію, и всякій отзывъ падетъ на сердце мое—или убивающимъ камнемъ, или цвѣткомъ привѣтствія.

Если найдутъ смѣлость мою слишкомъ дерзкою, то я скажу, что просвѣщенные судьи мои сами виновны въ томъ — заставивъ меня полюбить родную намъ Словесность нашу.

Признаюсь — мнѣ, неопытному и неискусному въ дѣлѣ литературы,

не все печатаемое нравится.... Какого же приговора теперь ожидать мнѣ отъ просвѣщенныхъ читателей?... Но каковъ бы ни былъ онъ, я буду умѣть повиноваться ему.

Сочинитель.

ПУТЕШЕСТВІЕ
ВЪ СМОЛЕНСКЪ,
ИЛИ
ВОСПОМИНАНІЕ 1812 ГОДА.

I.

Старался я узнать людей;
Узналъ — и въ горести своей
Оплакалъ жребій ихъ ужасный....

Карамзинъ.

— «Другъ мой, голубчикъ, безцѣнный, сокровище! васъ ли я вижу?» — подобными восклицаніями я былъ осыпанъ при входѣ въ комнату моего друга и благодѣтеля, почтеннѣйшаго М. И. Т. — «Поѣдемъ, братъ, въ Смоленскъ.... сдѣлай одолженіе!... мнѣ надо побывать тамъ. Оттуда я поѣду чрезъ М—скъ; слѣдова-

тельно вы пріѣдете домой со мною: время вы нисколько не потеряете, а между тѣмъ мы съ вами проѣдемъ по той самой дорогѣ, по которой такъ отчаянно пронеслось столько языковъ земли, какъ смертоносная лава въ пучину ада!... Сдѣлай милость поѣдемъ, — и — не будь я М. И. Т., если вы будете жалѣть, хотя бы тысячу пожертвованій принесли вы этому путешествію! »

Признаюсь — въ головѣ моей чадѣло слишкомъ густо: поѣхать въ Москву, повидаться съ людьми, близкими душѣ моей; побывать то у того, то у другаго; отправиться къ Преп. Сергію; возвратиться въ Москву и тутъ опять разбросать гдѣ обѣщанія, гдѣ увѣренія въ преданности и дружбѣ, et cet. et cet. Я хотѣлъ отдохнуть въ Москвѣ душою и тѣломъ съ людьми, которые меня знаютъ и которыхъ я знаю.... Но гдѣ отдохнетъ душа человѣка, если не внутрь себя?... Или вы не поймете ближнихъ вашихъ,

или васъ не поймутъ, — и бѣда вамъ! — Кто имѣетъ душу, тотъ не ищи другаго сокровища; — кто имѣетъ сердце, тотъ бѣги отъ людей!... Но не подумайте впрочемъ, чтобы я проповѣдывалъ человѣконенавидѣніе.... нѣтъ! Вы любите людей, какъ они васъ любятъ; говорите съ ними, какъ они говорятъ; дѣлайте для нихъ, какъ они для васъ дѣлаютъ; обѣщайте имъ, какъ они обѣщаютъ.... и вы можете забыться на-время.... Кто наблюдалъ ближняго, наблюдалъ собственное сердце, тотъ, вѣрно, меня понимаетъ.... Не ищите тамъ золота, гдѣ найдете вы желѣзо — много мѣди: если есть золото, то оно не для васъ. — Сокровище, повторяю, въ душѣ вашей: найдите его, разработайте — и вы озолотите все окружающее васъ, для васъ; — вы будете Цари, счастливѣйшіе всѣхъ земныхъ Царей, тѣмъ болѣе, что это счастіе, эта власть, это могущество и слава окружатъ васъ безъ всякаго страдательнаго со стороны вашей

дѣйствія.... Таково назначеніе человѣка, опредѣленное ему въ Совѣтѣ вѣчной Мудрости и безстрадательной Силы!...

Но мы, очертя голову, вертимся, бѣгаемъ, мучимся, пробиваемъ утесы, ныряемъ въ пучины морей.... и сколько хитростей, сколько недостойныхъ имени человѣка средствъ употребляемъ для того, чтобы найти въ грязи злато — этотъ кумиръ идолопоклонническаго сердца нашего.... и рѣдко, рѣдко встрѣтите вы въ полчищѣ страстей людскихъ прямодушіе, повитое въ честность и правду; — по это-то природное достоинство человѣка и не найдетъ здѣсь ничего, кромѣ подозрѣнія, клеветы и, очень часто, самой гибели.... Но блаженствуютъ ли и тѣ, которые рабски служатъ страстямъ своимъ?... Конечно, они, повидимому, гораздо счастливѣе прочихъ; они рѣдко ошибаются въ своихъ предпріятіяхъ; чаще достигаютъ цѣли своихъ исканій.... но что же?... Нѣкоторые изъ нихъ томятся

жаждою новыхъ пріобрѣтеній; а нѣкоторые не наслаждаются, но пожираютъ исполненіе своихъ пожеланій инстинктомъ животныхъ.... Одни мученики страстей; другіе....

Я говорилъ, что я хотѣлъ отдыха.... жалкая ошибка!... искать отдыха на землѣ, среди этой странствующей жизни, въ этой многолюдной, вѣчно-суетной гостинницѣ; искать отдыха въ этой толкотнѣ страстей, слабостей, бѣдствій; требовать отдыха отъ близкихъ намъ.... О! бѣгите отъ самыхъ любезныхъ вамъ, если хотите любить ихъ больше, постояннѣе.... вѣчно!... Не требуйте отъ нихъ невозможнаго, — не требуйте отъ нихъ ничего, если не хотите, чтобы все ваше сдѣлалось грязью!... Не часто ли люди прижимаютъ къ груди своей изверга и отталкиваютъ сердце, преданное имъ всею жизнію?... Но кто виноватъ въ этомъ? Вѣдь человѣкъ все человѣкъ, пока не разоблачится изъ своей грубой, непроницаемой

одежды — плоти.... Будемъ же любить ближнихъ нашихъ для нихъ, а не для себя, — и мы найдемъ покой, если только будемъ искать покоя....

Тройка почтовыхъ мчалась, какъ быстрое время, едва оставляя за собою слѣдъ на свѣжей грязи С—ской дороги, который въ минуту изчезалъ въ потокахъ проливнаго дождя. Повозка была открыта и мы, укутавшись въ плащи, хотѣли переспорить ливень дождя.... Первые часы нашего путешествія были безмолвны, какъ часы покоя, или — какъ первыя минуты зрителей театра при поднятіи занавѣса. Это былъ первый ударъ мишувшаго, настоящаго и будущаго въ зеркала душъ нашихъ, до отраженія ихъ другъ другу!...

«Однако меня промочило до костей!» — И меня то же! — «Не закрыться ли намъ?» — Хорошо бы. — «Эй, Александръ! закрой насъ!... Вотъ мы и въ тюрьмѣ!» — Да, ничего не видать; однако луч-

ше, нежели купаться въ этомъ дождѣ; мы и то, кажется, иззябли порядочно! —

Мало помалу разговоръ нашъ становился живѣе. Накопецъ мой добрый и очень образованный М. И. такъ зачаровалъ меня своимъ разговоромъ, что я весь обратился въ слухъ и вниманіе.—Я всегда былъ восторженъ, читая гдѣ-либо дивныя событія 1812 года;—но ѣхать тѣмъ путемъ, по которому гордые народы полвсленной текли поработить увлекаемую рокомъ, по словамъ ихъ, смиренную Россію; — ѣхать тѣмъ путемъ, по которому со стыдомъ и отчаяніемъ пронеслась въ гибель себѣ вся безчисленная толпа гордаго побѣдами и безумнаго замыслами вождя.... Не Россія.... нѣтъ!... карающая Рука Промысла нещадно разила горделивыхъ, а смиреннымъ оставалось только очищать землю свою отъ труповъ ихъ.... Дивны судьбы Божія, смиряющія гордыхъ и возносящія смиренныхъ!... Такъ древле Дарій Истаспъ—гордый Царь

Персовъ — везъ съ собою цѣпи для окованія жителей Греціи, и множество мрамора для сооруженія въ ней себѣ памятниковъ.... и что-же?... цѣпями оковали плѣнныхъ Персовъ, а изъ мрамора воздвигнуты памятники Грекамъ!... «Не намъ, не намъ даждь славу, Господи, но имени Твоему!»

Кто не испыталъ чувствъ, читая описанія 12-го года?—чувствъ, которыя преисполнены опасенія и надежды, страха и мольбы ко Всевышнему, горечи и сладости, сожалѣнія и негодованія въ прошедшемъ.—Кто читая, не мечталъ, что и онъ членъ примавшихъ участіе въ столь дивныхъ событіяхъ, хотя и гораздо позже родился на свѣтъ, чтобъ быть сыномъ благословенной Россіи.... Но чтобы живѣе, безотчетнѣе предаться этимъ сладостнымъ и роднымъ для сердца чувствамъ, поѣзжайте по С—ской дорогѣ, и ко всему этому—съ такимъ же спутникомъ, каковъ мой добрый и образованный патріотъ

М. И. Онъ не былъ очевиднымъ свидѣтелемъ этихъ чудныхъ произшествій; но они такъ изучены имъ, такъ живъ и поразителенъ разсказъ его и такъ къ мѣсту, что вы забываетесь и думаете слышать звукъ цѣпей, несущихся для окованія Россіи; вы думаете видѣть мраморъ,—слышать скрипъ тяжелыхъ колесницъ, везущихъ чудовищные трофеи адской гордости; вы думаете видѣть поля, усѣянныя трупами братій вашихъ.... закрываете глаза.... Такъ и мы увлеклись говоромъ прошедшаго, забылись—и опомнились уже при подножіи памятника, воздвигаемаго на Бородинскомъ полѣ героямъ Россіи 1812 года.

II.

Святая Русь, Славянъ могучій родъ,
Сколь велика, сильна твоя держава!
Какимъ путемъ пробился твой народъ?
Въ какихъ бояхъ твоя созрѣла слава?

Жуковскій.

Тройка наша мчалась; деревья по обѣимъ сторонамъ мелькали мимо насъ тѣнями блуждающихъ бѣглецовъ — поработителей Россіи; шелестъ листьевъ, завываніе и визгъ вѣтра въ сучьяхъ неслись въ слухъ нашъ то ропотомъ бѣгущихъ, то дикимъ крикомъ отчаянія гибнущихъ, то послѣднимъ хрипѣніемъ умирающаго, то едва слышнымъ говоромъ полумертвеца при гробѣ, подъ звѣздистымъ покровомъ ночи....

Година искушеній и торжества Россіи!
Ты близка, родна сердцу Русскому: —
Мы родили тебя правотой;
Мы повили тебя кротостью;
Откормилась ты грудью Русскою.
Мы рѣкой лили въ тебя кровь свою

И созрѣла намъ ты красавицей —
Вѣчной славой Росса добраго. —
Дѣву юную мы осыпали
Драгоцѣннѣйшими перлами
Благодарныхъ слезъ къ Всевышнему....
Ты подъ мантіей надеждъ нашихъ
Станешь храмомъ Богу Вышнему.
Да не гаснетъ посреди тебя
Огнь молитвы сердца Русскаго
Къ Богу, спасшему отъ бѣдъ его!
Будемъ, Россы, вѣчно Россами,
Чтобы быть благословенными:...
Намъ не нужно иноземнаго,
Чтобъ любить свое Отечество;
Намъ не нужно иноземнаго —
Обожать чтобъ Царя-Батюшку;
Намъ не нужно иноземнаго,
Чтобъ остаться вѣчно Русскими!...
Богъ къ Россіи столько милостивъ!...
О! да будетъ ввѣкъ Россіею
Наше доброе Отечество!...

III.

Пусть на обросшій дерномъ холмъ
Пріидетъ путникъ и возсядетъ.

N. N.

Взоры наши жадно прозирали за неумолимый горизонтъ неба, сердца наши были уже въ С-скѣ.... но намъ оставалось еще много верстъ, и каждая изъ нихъ была длиннѣе нашего терпѣнія.... Дѣлать было нечего; не было болѣе предметовъ къ разговору: они до того изсякли подъ гнетомъ терпѣнія, что мы закрыли глаза и, кажется, не думали ничего, а только по временамъ выглядывали, чтобъ узнать сколько проѣхали верстъ, и спросить, сколько еще осталось, — и опять, нахлобучивши фуражки, мы дремали ожиданіемъ. «Ну вотъ и С—скъ!» Слыша это радостное восклицаніе М. И., я вскочилъ.... и храмы Божіи, красуясь на береговыхъ горахъ Днѣпра, предстали взорамъ моимъ,

какъ исполины, стрегущіе любимую имъ землю Россіи.... Вотъ мы наконецъ и въ стѣнахъ крѣпости древняго С—ска!.... Не скажу нечего о горахъ; не скажу ничего о Соборѣ, который чудною громадою висѣлъ надъ главами нашими; кто читалъ, кто слыхалъ разсказъ о С-скѣ, ступай въ С—скъ, чтобъ дополнить недописанное, дочитать невыразимое.... Есть на свѣтѣ происшествія,

Для которыхъ нѣтъ ни буквъ, ни словъ....
Холмъ, развалина и простой столбъ,
Или камень подъ ногой вашей —
Часто могутъ больше высказать,
Чѣмъ людское краснорѣчіе!

Въѣхавши на гору, мы остановились въ первой попавшейся гостинницѣ. — Гостинницы, ихъ исписанныя стѣны, ихъ — особосотворенная для нихъ мебель, особо для нихъ сотворенный мосьё-содержатель, или мадамъ-содержательница — все это описано давно, прежде меня и хорошо и отчетливо; а мнѣ остается сказать, что мы

отобѣдовши, чѣмъ Богъ послалъ, и выкуривши по трубкѣ табаку — принялись писать къ нашимъ знакомымъ письма, и отправя ихъ на почту, сами пустились путешествовать по С—ску.

IV.

Въ отечествѣ драгомъ, въ родимой сторонѣ,
Какъ мило сердцу все?...

N. N.

Часа за два до вечерни взобрались мы на соборную гору; обошли раза два знаменитый Соборъ, затверживая его въ нашей памяти; осмотрѣли развалины древней крѣпости, и сѣли на горѣ, дожидаясь вечерни. Предъ нами былъ путь, по которому вторглись и изчезли гордые побѣдители Европы, гонимые пламенникомъ праведнаго гнѣва Ангеля-Хранителя Россіи,

передъ нами былъ путь къ Москвѣ и изъ Москвы!.... Сядьте на наше мѣсто, смотрите на то, на что мы смотрѣли — и вы все забудете, забудете самое время, какъ бы оно ни было дорого для васъ; но въ вѣкъ не забудете тѣхъ минутъ, которыя вы проведете здѣсь: — вы не выскажите всего, что перечувствуете, вы не передадите вполнѣ того, что прочитаете на этихъ двухъ кровавыхъ строкахъ....

О, человѣкъ, человѣкъ! существо, умаленное малымъ чѣмъ отъ Ангелъ! ты не соблюлъ заповѣди Бога своего — и первенецъ твой былъ убійца брата своего!.... Чудное явленіе въ природѣ человѣка? Иногда подумаешь, что онъ ниже всѣхъ животныхъ, и тѣмъ болѣе, что онъ одаренъ умомъ — достояніемъ одной небесной природы, которое ставитъ его образомъ и подобіемъ Божества. Какая-же причина, что вся жизнь его не больше, какъ инстинктъ животнаго?... И кто прозираетъ въ горнія сквозь кусокъ земли?...., и кто

расплавилъ этотъ грубый кусокъ? кто передѣлалъ его въ стекло? кто видѣлъ изъ него небо, свою любящую его отчизну.... О! какъ рѣдкіе! это вѣнецъ благости, могущества и славы Творца — это тѣ, для коихъ изрекъ Всевышній: да будетъ свѣтъ!.... А вы, которыхъ плоть темна, какъ ночь, вы не увидите этого свѣта: для васъ довольно и того, который общъ всѣмъ животнымъ; — но вы и этотъ свѣтъ не очень жалуете. Вы любите ходить во тмѣ, не отъ того ли, что дѣла ваши злы, что ночь покрываетъ васъ, какъ дѣтей своихъ.... Сыны ночи, ночи адской! вы увидите свѣтъ, — но онъ сожжетъ васъ въ вѣчности, какъ вѣченъ тотъ талантъ, который глубоко закапываете въ землю.... — Македонскій Александръ однажды увидалъ Діогена на кладбищѣ: — одинъ изъ нихъ искалъ побѣдъ, другой — черепъ головы; страшно же, что они встрѣтились именно на этомъ пути; и вотъ любопытство заставило ихъ узнать, кто

чего ищетъ. «Чего ты ищешь, Діогенъ?»... Странный вопросъ! чего искать Діогену и на кладбищѣ!... однако-жь онъ искалъ. «Я ищу» отвѣчалъ онъ: «головы отца твоего Филиппа».... каковъ отвѣтъ!.... —За чѣмъ же она тебѣ, чудный человѣкъ?— «Да мнѣ хочется видѣть, не такова ли она какъ и всѣ, которыя я вижу теперь?» — Разумѣется такая же!» — Стало быть и ты такой же, какъ и я, какъ и всѣ, намъ подобные?... скажи же, на милость, почему ты больше нуждаешься, нежели я, нежели кто — нибудь? и какое право имѣешь ты отнимать у подобнаго себѣ его достояніе?.» .....

.....

Пождемте отвѣта отъ многихъ, а Македонскій герой сказалъ: «Если-бъ я не былъ Александромъ, то желалъ бы быть Діогеномъ!».... Только?.... И это довольно! не всякой и это скажетъ.

V.

О милосердый Богъ! Ты нашъ услышалъ гласъ;
Не до конца еще прогнѣвался на насъ,
И Русскихъ осѣнилъ Ты силою Своею!

N. N.

Раздался звукъ колокола, сзывающій церковь Христову на вечернюю молитву, и мы, пробудившись отъ думъ, побрели въ Соборъ.... Мы пали предъ образомъ Божіей Матери; души наши слились съ душами, для которыхъ, въ годину искушеній, единственною надеждою и щитомъ была эта родовая святыня Россіи. Мы предстояли какъ бы въ торжественную минуту общаго чаянія Божественной силы, поборающей по насъ.... «Благословенъ Богъ нашъ.»...пропесся возгласъ Служителя алтаря,—и мы увидѣли себя предстоящими святынѣ въ великолѣпномъ храмѣ, во дни мира, могущества и славы нашего отечества.... «Слава въ вышнихъ Богу и на

земли миръ, въ человѣцѣхъ благоволеніе!»... — Трудно было разстаться съ мѣстомъ, въ стѣнахъ котораго раздавались стонъ и рыданія братій нашихъ; трудно было разстаться съ мѣстомъ, куда тысячи скорбныхъ тѣлъ, исповѣдуясь, подъ вретищемъ и пепломъ, въ грѣхахъ своихъ, вслѣдъ души свои молить Всевышняго о помилованіи; трудно было разстаться съ мѣстомъ, гдѣ тяготѣющій крестъ Господа надъ главою Адама нашего, возсіялъ зарею славы и спасенія намъ!....

Мы въ послѣдній разъ взглянули съ молитвою и надеждою на образъ Пречистыя и поручивъ себя и любезныхъ намъ покрову Благодатной, вышли изъ храма и съ безотчетными думами возвратились въ гостиницу. — Лошади были готовы.... четверть часа — и мы уже оглядывались на С—скъ, дальше и дальше оставляя за собою его величественые храмы и древнія зубчатыя стѣны.

Прощай, С—скъ!... увижу-ль тебя

еще когда въ жизни своей?.... Но буду до гроба любить тебя, представлять въ мечтахъ моихъ.... Поставитъ ли меня когда сонъ на стогнахъ твоихъ, на стогнахъ, омытыхъ кровію братьевъ и враговъ Россіи — и этотъ сонъ мой будетъ записанъ неизъяснимо-пріятнымъ въ книгѣ дней моихъ....

VII.

Вихремъ бѣдствія гонимый,
Безъ кормила и весла,
Въ океанъ невозвратимый
Буря челнъ мой унесла!....
«Не скрывайся!» я взывалъ, —
Не преклонная сокрылась;
Якорь былъ — и тотъ пропалъ!....

Жуковскій.

Мы далеко уже были отъ С—ска, но мы все еще не разставались съ нимъ.... Подвиги героевъ нашихъ — нашего Архи-

стратига отечества — Князя Михаила Смоленскаго, нашего рѣшителя бранныхъ споровъ — Багратіона, Ермолова, Дохтурова, Тучкова и прочихъ — будутъ вѣчны въ сердцахъ Русскихъ!...

Кто безъ умиленія вспомнитъ битвы Смоленскія, гдѣ въ первую изъ нихъ было убито до семи тысячь нашихъ и до четырнадцати тысячь непріятелей? кто забудетъ бѣдствія С—ска, превращеннаго въ пепелъ и развалины?...

Не спѣшите, поплачемъ здѣсь! мы найдемъ врага по его кровавымъ слѣдамъ....

Дивны судьбы Божіи!... Возьмите Исторію отечества нашего; посмотрите на С—скъ — и скажите, какой изъ городовъ Россіи перенесъ столько бѣдъ?... Что же, богатство ли его причиною этого? — Но онъ едва ли не изъ бѣднѣйшихъ у насъ городовъ. — Или жители его не давали никогда и никому покоя? — Но они едва ли не смиреѣе прочихъ.... Скажите, что

же причиною скорбей ихъ?.... Непостижимая тайна Всеблагаго!.... Можетъ быть это кусокъ земли, обработываемый въ золото рукою. Премудраго Художника Не часто ли мы видимъ то же въ частности, между людьми?—Тысячи, съ несмѣтными сокровищами, перевозя ихъ съ мѣста на мѣсто, только увеличиваютъ богатства свои, и едва ли во всю жизнь одинъ разъ случится имъ охнуть и то развѣ подъ гнетомъ своихъ идоловъ.... а иной бѣднякъ съ самой первой минуты своего рожденія возрастаетъ вмѣстѣ съ бѣдствіями: отъ одной бѣды идетъ встрѣчать десять, отъ десяти сто!... и онъ въ рубищѣ!... и онъ смиренъ, какъ агнецъ!... Скажите же, за что это? — Не часто ли бѣдный странникъ за тощую котомку съ сухарями теряетъ жизнь свою подъ ножемъ убійцы?... Да! я не забуду одного человѣка, котораго самая минута рожденія была уже его бѣдствіемъ: мать его, бывши беременна имъ, упала съ лѣстни-

цы, и родила младенца съ поврежденною грудью,—но онъ остался живъ. Повитый въ нищету и горести, онъ пошелъ отъ бѣдствія къ бѣдствію, подобно какъ вы, любимцы счастія, на пышныхъ колесницахъ удовольствій, съ гордою улыбкой сибарита, несетесь отъ почести къ почестямъ.—Въ двадцать два года жизни своей мой бѣднякъ столько перечувствовалъ и перетерпѣлъ всего горькаго, что всю жизнь его можно принять за одинъ струпъ болѣзней съ тысячами мученій!... Его бѣдствія были такъ натуральны, что одно было слѣдствіемъ другаго; изъ другаго неминуемо вытекало третіе.... и какія были бѣдствія!... между тѣмъ, какъ самъ онъ былъ причиной этихъ несчастій не больше, какъ и своего рожденія....

Но мы замечтались на развалинахъ С—ска!... Пора! пойдемте дальше. Передъ нами дорога, устланная костями людей.

VII.

Различнымъ образомъ повержены тѣла:
Иной съ размаху мечь занесъ на супостата,
Но прежде прободенъ, удара не скончалъ.
Иной, забывъ врага, прельщаясь блескомъ злата,
Но мертвый на корысть желанную упалъ.
Иной, отъ сильнаго удара убѣгая,
Стремглавъ назадъ слетѣлъ и стопетъ подъ конемъ;
Иной пронзенъ упалъ, противника сражая;
Иной врага повергъ, и умеръ самъ на немъ.

Ломоносовъ.

Какъ было быстро мое путешествіе до С—ска, такъ быстро и поверхностно было и описаніе; но оно все будетъ казаться мнѣ поверхностнымъ, сколько бы ни написалъ я, тѣмъ болѣе, что перо мое слишкомъ ново въ выраженіи чувствъ.... И скажите, кто дастъ отчетъ въ чувствахъ своихъ, воспоминая такія великія событія любимаго имъ отечества?... и кто въ порядкѣ изложитъ ихъ вамъ на бумагѣ?... Не всякому ли изъ насъ, слушая какое-нибудь интереснoе повѣствованіе, случа-

лось обращаться назадъ съ вопросомъ, и тѣмъ портить порядокъ исторіи? — Кто подчинялъ чувства свои правиламъ, тотъ еще не чувствовалъ.

Никогда смерть не была такъ алчна и быстра на добычу, какъ въ это время общаго бѣдствія людей.— Отъ Смоленска до Дорогобужа, отъ Дорогобужа до Вязьмы дорога была вымощена трупами людей; отъ Вязьмы до села Бородина дорога, поля и лѣса, все было устлано трупами людей и животныхъ; отъ Смоленска до Москвы не только земля, но и деревья были упитаны кровію человѣка.— «При Бородинѣ безсмертный Полководецъ «нашъ, Князь Кутузовъ, укрѣпился, въ «намѣреніи дать здѣсь главное сраженіе, «со 108,000 человѣкъ войска. Непріятельское, простиравшееся до 180,000 «человѣкъ, приблизилось также къ этому «мѣсту, и тутъ на поляхъ Бородинскихъ «открылась битва кровопролитнѣйшая, со- «провождаемая всѣми ужасами рѣшитель-

«наго и отчаяннаго боя. Громъ 2,000 «орудій гремѣлъ непрерывно, земля дро«жала, огненныя рѣки разливались въ «воздухѣ; кровопролитіе продолжалось во «весь день.»... Не льзя безъ содраганія читать эти строки Исторіи нашей.

«Въ сей битвѣ пало до 10,000 храб«рыхъ сыновъ Россіи, и до 14,000 бы«ло ранено. Важнѣйшая потеря была «въ Багратіонѣ. Непріятелей убито до «40,000, и въ томъ числѣ такъ много «высшихъ чиновъ, что Бородинское сра«женіе названо битвою Генераловъ.» *

И ты и ты, Багратіонъ?...
Вотще друзей молитвы!
Вотще ихъ плачъ! во гробѣ онъ,
Добыча лютой битвы.
Еще дружинъ надежда въ немъ
Все мнитъ: съ одра возстанетъ,
И робко шепчетъ врагъ съ врагомъ:
Увы намъ! скоро грянетъ!...
А онъ?... навѣки взоръ смежилъ
Рѣшитель бранныхъ споровъ, —

* Исторія Кайданова, 3, 271.

Онъ въ область славныхъ воспарилъ —
Къ тебѣ, отецъ Суворовъ!

Жуковскій.

Какъ опасно честолюбіе человѣка!... Злобное и гордое животное! какое счастіе думаешь найти въ убійствѣ братьевъ твоихъ? Ты мечемъ хочешь заставить трепетать передъ собою!... Тысячи ближнихъ твоихъ падаютъ жертвами твоего адскаго честолюбія! и ты ли мечтаешь быть славнымъ? и ты ли жаждешь быть великимъ?... Будь и тѣмъ и другимъ въ діавольскомъ ремеслѣ своемъ! Но ты несчастливъ, ты не будешь счастливъ!... Стоны вдовицъ, вопль сиротъ, рыданія старца, лишеннаго сыновъ своихъ—единственной подпоры полуразрушеннаго существа его — эта музыка проклятій далеко проводитъ тебя, искатель величія!... А тамъ, среди стѣнъ, тобою разрушенныхъ, скитаются бѣдные, умирающіе граждане, лишенные домовъ своихъ, лишенные супругъ и дѣтей.... и кого прокли-

наютъ они?... Тебя, сынъ славы, упоеннаго своимъ величіемъ, торжествующаго среди побѣдныхъ кликовъ!... Но ты не слышишь ихъ въ громѣ торжества своего; ты не видишь ихъ, окруженный безсмысленно-радующеюся толпою льстецовъ своихъ.... А тамъ, подобно тѣнямъ, блуждаютъ супруги и дѣвы, поруганныя твоими воинами.... и на кого изрыгаютъ онѣ ярость свою, кого проклинаютъ?... Тебя, сынъ безсмертія, тебя!...

Я не стану описывать всѣхъ ужасныхъ картинъ безчеловѣчія честолюбца; не стану описывать ни страданія поселянъ, имъ разоренныхъ, ни жалобъ юныхъ дѣвъ, лишенныхъ любезныхъ своему сердцу, ни стоновъ матери, потерявшей дѣтей своихъ...., О человѣкъ, человѣкъ! страшись!... рано или поздно услышатся стоны и рыданія несчастныхъ жертвъ твоего честолюбія!... рано или поздно Небесное мщеніе постигнетъ тебя!...

VIII.

Гдѣ ты краса Москвы стоглавой,
Родимой прелесть стороны?
Гдѣ прежде взору градъ являлся величавой,
Развалины теперь одни!...

Пушкинъ.

Была пора: была святая брань:
Отъ запада узрѣли мы Батыя;
Народовъ тьмы прорвали нашу грань;
Пришлось поля отстаивать родныя!
Дошли къ намъ Царскія слова, —
И стала Русь стѣною трона;
Была то злая оборона:
Дрались за жизнь и за права....
Но загорѣлася Москва —
И нѣтъ слѣдовъ Наполеона!...

Жуковскій.

Москва, Москва, Москва - матушка, украшенная златыми вѣнцами, въ бѣлой одеждѣ своей — девизѣ твоей непорочности! ты, какъ Царская невѣста, стояла, дожидаясь брака съ возлюбленнымъ.... И вотъ сынъ гибели, прельстясь красотою твоею, по трупамъ сыновъ твоихъ

пришелъ осквернить святыню твою.... Одинъ часъ — и гласы служителей Божіихъ умолкли во храмахъ твоихъ, и въ обезображенныхъ преступною рукою подлыхъ разбойниковъ — раздавались ржаніе коней и буйные крики хищниковъ!... Одинъ часъ — и ты, мать милліоновъ, стояла, какъ сирая и безчадная вдовица, во власти свирѣпаго врага... Не стало слышно въ тебѣ брачныхъ пѣсней; куда дѣлись пышныя колесницы, живо и беззаботно катавшіяся по мостовымъ твоимъ. На мѣсто бальной музыки, въ тебѣ гремитъ музыка побѣды, обременяющей тебя постыдными цѣпями рабства. Умолкъ шумъ покупающихъ и продающихъ, — все умолкло, все погасло, все родное далеко замерло въ сердцѣ твоемъ; но въ немъ была искра — и эта искра превратила необозримый городъ въ огненное море!... Се жертва благопріятная Богу!.. Твое зарево возсіяло зарею свободы всей Европы. А любовь дѣтей твоихъ была

сильна къ тебѣ, какъ тотъ огнь, который такъ жадно пожиралъ тебя. — «Имѣніе и жизнь — все Царю въ ноги!» — говорили они.

Какое сословіе было бѣдно героями, чтобъ мстить за свою возлюбленную? . . . «Духовные явили въ себѣ Гермогеновъ, «Филаретовъ и Палицыныхъ; Дворяне ста- «рались превзойти другъ друга въ изъ- «явленіи опытовъ своей любви къ отече- «ству и преданности Монарху. Кроткіе «питомцы Музъ превратились въ воиновъ, «кипящихъ мужествомъ и праведнымъ «гнѣвомъ на общаго врага. Купцы, ре- «месленники и фабриканты стекались со «всѣхъ сторонъ на поле брани; поселяне «вооружались, сожигали свои жилища, «истребляли свои имущества и все, мо- «гущее служить къ подкрѣпленію или «продовольствію непріятеля; духъ рыцар- «ства возникъ въ Россіи и образовалъ «новый орденъ партизановъ, гибельныхъ для Наполеона и полчищъ его; наконецъ

«пламенная любовь къ отечеству произ-
«вела восхитительнѣйшее явленіе: жены и
«дѣвы всѣхъ сословій и состояній устре-
«мились къ славѣ — быть также въ семъ
«случаѣ полезными, и вмѣнили себѣ въ
«честь и обязанность служить раненымъ
«защитникамъ отечества.»

Въ низшемъ классѣ женщины воору-
жались чѣмъ кто могъ, и не рѣдко на ря-
ду съ мужьями и братьями отстаивали
свои селенія отъ набѣговъ непріятельскихъ
мародеровъ. «Добродѣтели женскаго пола
«явились во всей своей красотѣ; высокій
«же, величественный примѣръ оныхъ сі-
«ялъ на самомъ Престолѣ. И между тѣмъ,
«какъ во всѣхъ Губерніяхъ производилось
«всеобщее вооруженіе и войско Россійское
«ежедневно увеличивалось, новая гроза,
«долженствовавшая разразиться надъ На-
«полеономъ, находила отъ береговъ Дона,
«Урала и отъ странъ Сибири: страшные
«внезапными нападеніями и ударами, Дон-
«скіе и Уральскіе казаки, гибельные для

« непріятеля Башкирцы и Калмыки, дви-
« нулись изъ своихъ жилищъ, и неся смерть
« врагу, явились при войскѣ Россійскомъ.
« Такимъ образомъ Наполеонъ пришелъ
« въ Россію, увидѣлъ себя не въ Капуѣ,
« но въ огромной пустынѣ — среди огня,
« дыма и развалинъ селъ и градовъ. И
« тутъ-то онъ почувствовалъ », что развали-
ны Москвы отяготѣютъ надъ нимъ и
что мщеніе Божіе за попранныя имъ пра-
ва народовъ будетъ неминуемо и ужасно.
— « Вступая въ Россію, онъ увѣрялъ вой-
« ско, что этотъ походъ будетъ не продол-
« жителенъ, что даже и войны не будетъ,
« ибо все кончится — просьбою Россіи о
« мирѣ. »

Москва — « какъ много всего священ-
« наго подъ этимъ словомъ для Русскаго
« сердца! » — сказалъ одинъ изъ нашихъ
писателей.... кто Русскій не любитъ
всего Русскаго до слабости?... а я на
Москву никогда не могу взглянуть равно-
душно: сколько разъ она была погребена

подъ кучами пепла и развалинъ! сколько милліоновъ предковъ и братьевъ нашихъ погребено въ стѣнахъ ея! — и кто изъ иноплеменныхъ не былъ врагомъ нашего отечества?... Цѣлыя царства враговъ пали, стерлись съ лица земли, а Москва все стоитъ, какъ градъ Божій, какъ невѣста, уготованная жениху своему подъ знаменіемъ спасенія.

Толпы враговъ ея, какъ лютые звѣри, терзавшіе спокойствіе нашего отечества, теперь пресмыкаются предъ сынами ея, гладными взорами вымашивая изъ рукъ ихъ избытки достоянія. Но эти мирные иноплеменные пришельцы дѣлаютъ болѣе вреда, нежели дѣды ихъ — враги наши. Послѣдніе отнимали только жизнь, свободу и достояніе, — а первые не рѣдко нравственность — величайшее изъ благъ нашихъ.

Да! воспитатели нашихъ барчей съ, юныхъ дней набиваютъ ихъ только спѣсью и если удачно образуютъ ихъ умъ, то

главное почти всѣ и всегда упускаютъ. Кажется, никто не знакомитъ питомцевъ своихъ съ ихъ крестьянами.... Нѣтъ, таковые не воспитатели, а наемники!... Но уже мудрое Правительство приняло всѣ мѣры противъ сего зла.

Хочетъ ли кто дать Россіи-благодѣтельницѣ добраго сына и вѣрнаго слугу въ своемъ воспитанникѣ—откажись хотя на годъ отъ всѣхъ удобствъ жизни: въ рубищѣ странника, съ посохомъ въ рукѣ иди съ питомцемъ своимъ; обойди его имѣніе; сблизь со всѣмъ, о чемъ ни онъ, ни самъ ты не имѣете понятія, и что тогда предстанетъ глазамъ вашимъ. Такимъ образомъ ты дашь отца крестьянамъ и упрочишь собственное его состояніе. — Онъ не пойдетъ въ домъ игрока: зная откуда и какъ имѣетъ онъ рубли свои. Онъ не будетъ тратить тысячъ на пиршества: онъ знаетъ, что каждая копѣйка облита потомъ добрыхъ крестьянъ его. Сколько мученій совѣсти не будетъ зна-

Государственная
библиотека
СССР
им. В. И. Ленина

комо душѣ воспитанника твоего! Какъ будетъ онъ благословлять тебя, будучи счастливъ въ душѣ своей! Какое благодѣяніе сдѣлаешь ты цѣлому Государству!... Но умоляю тебя — не упускай никогда изъ виду вѣры отцовъ питомца твоего: пусть Завѣщаніе Мономаха превратится въ кровь сердца его, пусть оно умретъ вмѣстѣ съ нимъ!... О! вотъ человѣкъ — вѣчный благодѣтель своихъ подданныхъ! Онъ не учепъ у иноземцевъ; но, скажите, кто изъ ихъ воспитанниковъ сдѣлалъ болѣе добра? кто такъ свято исполнялъ свои обязанности — какъ этотъ истинно великій мужъ? Кто столько, какъ онъ, любилъ вѣру отцовъ своихъ? — Однако онъ и не неученъ, и другимъ совѣтывалъ учиться. — Если мы написали Завѣщаніе его въ сердцахъ нашихъ, то для чего не написать на всѣхъ стогнахъ градовъ и селъ нашихъ? для чего не написать на всѣхъ распутіяхъ путей нашихъ, да не споткнется нога шествующихъ?...

Никто столько не сдѣлаетъ зла, какъ воспитатель съ худою нравственностію, или безъ уваженія къ вѣрѣ отцовъ сго воспитанника. — Я говорилъ о высшемъ кругѣ воспитанниковъ—о воспитанникахъ, отъ которыхъ будетъ зависѣть участь нѣсколькихъ тысячъ душъ.... и вотъ, когда дошло дѣло до безнравственности воспитателей въ высшемъ классѣ, то мнѣ тотчасъ представилось, что все — что есть безправственнаго въ среднемъ состояніи нашихъ дворянъ, — все это есть слѣдствіе воспитанія высшихъ; другія причины вовсе сторонни; прямѣе и ближе этой нѣтъ: — стóитъ только взять Исторію, узнать Русскихъ и — убѣдиться въ этомъ.

Быть можетъ, мнѣ скажутъ — отъ необразованности; но, слава Богу и Батюшкѣ-Царю, мы имѣемъ для всѣхъ званій и низшія и среднія и высшія учебныя заведенія, — и большая часть средняго состоянія нашихъ дворянъ довольно

образованы для того, чтобы быть полезными и добрыми гражданами, — и большая-то часть изъ нихъ такъ безнравственны, такъ низки и злы, что, право, иногда сомнѣваешься: — точно ли это люди, или нѣчто средне-безобразное между людей..

Увлекаясь любовію къ своему отечеству, кто не отдалъ бы жизни своей, чтобъ быть полезнымъ ему? Кто не отдалъ бы своего сердца всѣмъ и каждому, чтобъ умягчить, облагородить ихъ и показать свѣту, что въ сердцахъ сыновъ Сѣвера не ледъ и не кровь звѣрей, что и они также способны къ чувствамъ человѣка? Увлекаясь этою любовію, я жертвую порядкомъ моего письма.... Пусть бранятъ меня тысячи, только бы облегчить участь хотя одного страждущаго; только бы возвратить хотя одного безнравственнаго къ чувствамъ человѣка!...

Въ самомъ дѣлѣ, какъ забывается человѣкъ, и какъ онъ иногда жестокъ къ подобнымъ себѣ!

Право, любо посмотрѣть; а между тѣмъ ни сколько не лестно быть въ числѣ этихъ счастливцевъ, которыхъ такъ милостиво жалуютъ господа ихъ. — Это, скажутъ, еще древнее варварство съ древними рабами.... совсѣмъ нѣтъ! то было и кончилось, а въ нынѣшнія просвѣщенныя времена это есть плодъ дурнаго, неправильнаго воспитанія, — и корень-то всего этого есть воспитаніе и примѣръ высшихъ—примѣръ, искаверкавшій часто въ смѣшныя, чаще въ жестокія, а всего чаще въ низкія-формы.

Но я уже слишкомъ заговорился; — все это такъ близко сердцу, что не льзя было не заговориться. Кто истинно любитъ свое отечество, тотъ пойметъ меня — и извинитъ.

IX.

Москва! сколь Русскому твой зракъ унылый страшенъ!
Изчезли зданія вельможей и Царей;
Все пламень истребилъ; вѣнцы затмились башенъ,
Чертоги пали богачей.

Пушкинъ.

Москва — древняя Столица Царей Русскихъ превратилась въ огненное море, и съ дымомъ ея уносились гордость и геній Наполеона.... Подступая къ Москвѣ, онъ ждалъ встрѣчи себѣ съ хлѣбомъ и солью. Онъ не зналъ, что Русскіе не любятъ встрѣчать такъ незванныхъ гостей. Онъ думалъ попировать въ Столицѣ Сѣвера, и чуть-чуть не изжарился самъ на ужинъ Московскимъ воронамъ, которыя во время общей эмиграціи однѣ оставались изъ царства пернатыхъ для принятія дорогаго гостя; можетъ быть, онѣ надѣялись на побѣдителя — и рѣшились остаться на своихъ старыхъ квартирахъ; а можетъ

быть и то, что онѣ до сихъ поръ будучи въ мирѣ и дружбѣ съ людьми и не видя никогда отъ нихъ обиды себѣ и не помня чтобы кто-нибудь изъ нихъ употребилъ, или скушалъ ихъ, хотя одну воронью лапку; можетъ быть, надѣясь на эти права свои, давностію освященныя, онѣ думали пробыть спокойно на своихъ мѣстахъ; но онѣ не знали, что Французы не люди, а Французы—и права ихъ улетѣли съ дымомъ огня, на которомъ онѣ жарились для гостей своихъ.

Вотъ вамъ и вороны Московскія! поминай ихъ какъ звали!.. То же было и всѣмъ, кто только, подобно воронамъ, разинулъ ротъ этому Корсиканскому выходцу.... Но, слава Богу, такъ оплошали только одинѣ вороны, и не даромъ величаютъ ихъ дурами, или дураковъ воронами: и тѣмъ и другимъ по шерсти кличка!

Дорогому гостю жарко стало въ бѣлокаменной, — и онъ, хвативши тутъ горячаго до слезъ, убрался въ Петровскій

замокъ. Онъ не зналъ, что Русскій изстари любитъ принять гостя на славу: съ дорожки въ банькѣ выпаритъ, напоитъ, накормитъ и спать положитъ.... И вотъ банька-то наша истопилась какъ-то жарконько, такъ, что едва не уходили дорогаго пріятеля; а слугамъ-то его задали пиръ на весь міръ, да такъ потчивали, что каждый день по десятыванось ихъ по тысячи, а безъ войны! — Всѣ колодези, погреба и рѣки были набиты ими, какъ бочки сельдями.... А Москва горѣла: кучи пепла и развалинъ болѣе и болѣе образовали ужасную картину разрушенія города; но каждый обломокъ развалинъ грозилъ смертію непріятелю, и подъ каждымъ обломкомъ гибъ дерзкій врагъ!...

« Война кончилась! » — сказалъ Наполеонъ. — « Война теперь только начинается! » — отвѣчалъ Главнокомандующій Россійскихъ войскъ.

Каково угостили! вотъ такъ на славу! это ужь чуть ли не по Сибирски! — У насъ въ Сибири есть народъ, называемый Бурятами — это остатки древнихъ Монголовъ, или другихъ народовъ, я не знаю, догадывайтесь сами, а скажу только, что этотъ народъ любитъ угощать другъ друга, и самое-то лучшее угощеніе у нихъ, что называется на славу — это баня, которую натапливаютъ по мѣрѣ важности гостя и по мѣрѣ нужды, которую въ немъ имѣютъ; и потому до того иногда натапливаютъ, что вы, вошедши въ нее, думаете вдыхать въ себя пламень печи, и если бы онѣ не были изкопаны въ землѣ, то самый камень, кажется, не могъ бы выносить этого жара подъ 35 мороза. Вотъ эдакая-то баня, именно, и готовится для важнаго гостя, да еще варится для него похлебка, наливается горячая въ большое корыто и ставится на полокъ. Не знаю, какова эта любимая похлебка добрыхъ Бурятъ; но знаю, что

если бы она была райскимъ кушаньемъ, то и тогда никто изъ самыхъ голодныхъ читателей моихъ ни за всѣ блага міра не согласился бы отвѣдать ее въ этой адской печи.

Хозяинъ съ гостемъ идутъ въ эту баню. Гость влѣзаетъ на полòкъ и начинаетъ пожирать похлебку, обдаваясь жиромъ и пóтомъ; хозяинъ въ это время безпрестанно поддаетъ на каменку; но гость не перестаетъ долго роптать на него: «Эхъ, братъ, а хотѣлъ на славу угостить, — и дровецъ-то пожалѣлъ! Ну за чѣмъ было звать? Только кожу раздразнилъ! Да не скупись: лей ужь больше хоть воды-то на каменку, такъ авось хоть немножко согрѣюсь!» Хозяинъ до тѣхъ поръ не перестаетъ поддавать, пока гость не скажетъ: «Ну, дружище, да ты на славу меня угощаешь! объ эдакомъ угощеньи я не слыхивалъ ни отъ батьки, ни отъ дѣда; поддай еще разокъ, да и довольно!... Уфъ, ты, Господи Боже

мой! что-то ужь и въ глазахъ темно становится.... Да полно, дружище, поддавать-то; я и такъ упарился и разварился, какъ Крымскій чай.» — Э, братъ, коль ужь пошло на угощенье, такъ воды-то намъ не занимать стать; — дай-ка еще подолью похлебки-то. — «Нѣтъ, братъ, ужь доволенъ — вотъ какъ доволенъ, что весь вѣкъ мой не былъ такъ доволенъ; да сдѣлай милость—пусти-же меня!... Ну, ужь угостилъ!... Проси у меня юрту, жену, дѣтей — все твое!» Въ это время хозяинъ все можетъ просить у гостя — и все будетъ свято исполнено.

Наконецъ гость до того употчивается, что въ безпамятствѣ сваливается съ полка и относится замертво въ свою, или въ хозяйскую юрту. Слава угощенія гремитъ въ цѣломъ народѣ, а угощаемый, какъ говорятъ, доотвалу, дѣлается рабомъ своего слова, купленнаго такимъ страннымъ угощеніемъ, и охотно пускает-

ся за это на такой подвигъ, на какой не купили бы его никакими тысячами.

Вотъ угощеніе! и такъ угощаютъ сыны отдаленнаго Сѣвера. Но мы еще лучше угостили нашего гостя, и онъ думалъ, жарясь въ нашей банѣ, что мы же будемъ просить пощады у него! Не тутъ-то было! Сколько ни сердился, а принужденъ былъ выдти изъ Москвы ни съ чѣмъ — и не только ни съ чѣмъ, но и оставить подъ развалинами ея всѣ свои надежды, гордость непобѣдимаго завоевателя и тысячи храбрыхъ воиновъ, съ которыми онъ такъ счастливо пріобрѣлъ славу во вселенной!

X.

Колеблютъ вихри, непогоды;
Чредой столѣтія летятъ;
Минуютъ поколѣнья, роды —
Палаты гордыя стоятъ!
Но пробилъ часъ: изъ вѣчной урны
Имъ жребій вынутъ въ небесахъ:
Твердыни рушилъ натискъ бурный!
На мѣстѣ ихъ обломки, прахъ....

Ѳ. Мещеров.

Цѣлые вѣки будутъ разсказывать бѣдствія Москвы—и все еще не разскажутъ всего; будутъ огромные томы въ тысячѣ экземплярахъ о варварствахъ Наполеонова войска въ нашемъ отечествѣ — и все еще останется много, чего не найдешь ни въ какой Исторіи....

Въ одно изъ путешествій моихъ я остановился отдохнуть въ городѣ Б.... Вечеръ былъ прекрасный, и я отправился бродить по городу; бродя безъ цѣли, безъ думъ, я шелъ куда глаза глядѣли; дома и городъ скользили мимо меня, не

оставляя ни горестнаго, ни пріятнаго впечатлѣнія въ душѣ моей; наконецъ, поворотивши въ одну улицу, я прямо уперся въ огромный каменный домъ, котораго обгорѣлыя стѣны, возвышаясь, казалось господствовали надъ цѣлымъ городомъ — и въ самомъ дѣлѣ, я въ жизнь мою ничего не видалъ величественнѣе, мрачнѣе и разительнѣе этѣхъ развалинъ. Обширный дворъ заросъ крапивой, изъ которой по мѣстамъ виднѣлись обломки камней и согнившихъ стропилъ, и разныхъ службъ, показывавшихъ, что въ этомъ домѣ не было недостатка ни въ господахъ, ни въ слугахъ.

Чрезъ кучи щебня, чрезъ крапиву, по обломкамъ, добрался я до главнаго строенія; большая часть проваливщихся сводовъ отняли всю возможность осмотрѣть хорошенько это зданіе: окна и стѣны были покрыты травой, березками и рябиной; я сѣлъ на обломокъ колонны, имѣя передъ собой такъ много разительно-по-

учительнаго!... Мы привыкли уже видѣть кладбище — и эта нива Божія сдѣлалась мѣстомъ модныхъ гуляній нашихъ, сдѣлалась сценою романическихъ произшествій и цѣлыхъ грѣшныхъ романовъ. Но не знаю, кто бы равнодушно прошелъ мимо развалинъ бѣдной хижины.... «Кто жилъ въ ней? куда перешелъ? и зачѣмъ оставилъ свое жилище?» — вотъ первые вопросы, которые навѣютъ думы на чело ваше при видѣ дома, предоставленнаго разрушенію!

Облокотившись на обломокъ, въ первыя минуты я не знаю о чемъ думалъ: мои думы были точно развалившееся зданіе:—обломки, запустѣніе, безпорядокъ— все это было въ нихъ покрыто, какъ мракомъ, безотчетною тоскою сердца.... И это зданіе было правильно, великолѣпно и, можетъ быть, удивительно пышно; все показываетъ, что оно воздвигнуто для пиршествъ, нѣги и покоя.... Но куда же дѣвались эти пиршества? гдѣ

богатство, и гдѣ теперь тѣ, которые думали, что для нихъ малъ и этотъ чудовищный домъ?...

Звучатъ кимвалы и тимпаны;
Столы подъ брашнами трещатъ;
Кругомъ Лукуллы, Гордіаны,
На ложахъ мягкихъ возлежатъ:
Имъ служатъ тмы невольницъ юныхъ;
Подвластны тысячи рабовъ;
Горація на звонкихъ струнахъ
Поютъ веселье и любовь;
Плоды въ хрустальныхъ вазахъ таютъ;
Цвѣты пестрѣютъ по коврамъ,
И сто кадильницъ разливаютъ
Въ чертогахъ чистый ѳміамъ;
Разгульно, шумно рѣчь струится
Изъ устъ счастливцевъ молодыхъ;
Фалернъ вскипаетъ и звѣздится,
Шумитъ въ бокалахъ золотыхъ.....
Но мигъ одинъ, — и гдѣ веселье?
Гдѣ радость, роскошь, шумъ пировъ?
На тѣсномъ, грустномъ новосельѣ,
Лукуллы — жители гробовъ:
Румянцемъ лица ихъ не рдѣютъ,
Огнемъ ихъ взоры не горятъ:
Они въ сырой могилѣ тлѣютъ,
Бесѣды дружней не дѣлятъ....

Ѳ. Мендровъ.

О, человѣкъ! человѣкъ! куда ты сокрылся? за чѣмъ оставлены тобой плоды многолѣтнихъ трудовъ и замыслы надеждъ, такъ холодно, такъ безвнимательно?... И вотъ предъ мною ужасный образъ разрушенія человѣка! Все то же сталось съ этимъ зданіемъ, что бываетъ и съ человѣкомъ; или — все то же бываетъ и съ человѣкомъ, что сталось съ этимъ зданіемъ: бывшее великолѣпнымъ, я вижу безобразнымъ; вмѣсто человѣка, я слышу тамъ шипѣніе змѣй и полеты нетопыря; гдѣ жизнь такъ тепло и роскошно кипѣла, что выходила изъ краевъ сосуда (т. е. благоразумія человѣка), и тутъ теперь такъ мертво. .. О! больше, нежели мертво!... Нѣтъ! я не могу говорить болѣе.... по я хотѣлъ бы вызвать весь міръ людей; я хотѣлъ бы заставить ихъ смотрѣть на этѣ развалины— и молчать вмѣстѣ со мною!...

Суета суетъ—и всяческая суета! И самъ человѣкъ не больше, какъ то же суета!...

И Царь и рабъ его, безумецъ и мудрецъ,
Невинная душа, преступникъ, извергъ злобы —
Имъ всѣмъ одинъ конецъ:
На всѣхъ грозится смерть, для всѣхъ отверсты
гробы!...

Смотря на чудовищныя развалины, я думалъ: каковъ долженъ быть домъ, когда онъ былъ жилищемъ богатства и роскоши, — и невольно вспомнилъ встрѣчу Гераклита съ Демокритомъ: — эти два философа были чудаки, каждый въ своемъ родѣ. — Гераклитъ обо всемъ сокрушался, а Демокритъ, напротивъ, находилъ все смѣшнымъ. Они чувствовали и видѣли совсѣмъ различнымъ образомъ. Вотъ и отправились они путешествовать: одинъ для того, чтобъ испытать, можетъ ли онъ быть, хоть одинъ разъ въ жизни, важнымъ; а другой — можетъ ли перестать, хоть на минуту, сокрушаться.

Исторія гласитъ, что они встрѣтились въ Персеполѣ. Гераклитъ, остановясь предъ дивнымъ дворцомъ Царей Персид-

скихъ и разсматривая огромность и великолѣпіе зданія, проливалъ горькія слезы: «Увы!» — вопилъ онъ, — «вотъ самое великолѣпнѣйшее дурачество человѣка! Не думаетъ ли онъ, что эти громады стѣнъ могутъ защитить его отъ лихорадки, подагры, злобы людей и самой смерти?»

Громкій смѣхъ прервалъ мечты его неутѣшной горести. Онъ оглядывается — и видитъ человѣка, который изъ всей силы хохоталъ, разсматривая тотъ же предметъ, который заставилъ его плакать. — «Вотъ» — говоритъ Гераклитъ — «одно изъ бѣдныхъ животныхъ, — и тѣмъ болѣе достойное жалости, что не чувствуетъ ни несовершенства, ни безумія своего! — Что ты находишь веселаго въ этомъ зданіи?» спрашиваетъ онъ хохотуна. — «Этотъ колоссальный домъ представляетъ мнѣ достойное скорби и слезъ безумія человѣка!» — «Ты ошибаешься» — отвѣчаетъ Демокритъ (это былъ онъ). — «Не смѣшно

ли, что человѣкъ, не имѣющій трехъ локтей росту, хочетъ, чтобъ жилище его имѣло болѣе тридцати саженей въ высоту, не видя, что эти чудовищныя палаты еще болѣе скрываютъ ростъ его?» — «Да! ты говоришь правду!» — отвѣчалъ Гераклитъ: — «должно признаться, что человѣкъ есть весьма безумное и слабое животное.... Я больше тридцати лѣтъ о немъ плачу—и все, что ни представляется глазамъ моимъ, увѣряетъ меня, что долго еще плакать мнѣ!» ...

Истинно, должно плакать и смѣяться! — сказалъ я, возвращаясь на свою квартиру.

XI.

Тотъ, кто словомъ и руками
Злобѣ не причастенъ былъ,
Въ рубищахъ и подъ вѣнцами
Самъ себя не позабылъ;
Кто ущедрилъ неимущихъ,
Защитилъ въ гоненьи сущихъ:
Тотъ одинъ на небесахъ
Можетъ съ Богомъ водвориться.

Шатровъ.

Какъ жизнь для смертнаго мятежна!
И мы еще желаемъ жить! —

N. N

— Скажите, любезнѣйшій, что это за обгорѣлый домъ у васъ въ городѣ? — такъ приступилъ я съ распросомъ къ своему хозяину, усадивъ его съ собою за кипящій самоваръ. — «А вотъ извольте видѣть:» — тутъ мой добрякъ разгладилъ свою бороду, приосамился, кашлянулъ и началъ свой разсказъ: — «Хозяинъ этого дома, который вы теперь

изволили видѣть, былъ капитальный купецъ Андрей Петровичь Щедровъ; домъ его былъ изстари полная чаша; а ужь какой добрѣйшій былъ—царство ему небесное! » — Тутъ онъ набожно перекрестился — и крупная слеза скатилась въ чашку, изъ которой онъ хотѣлъ прихлебнуть.

—«Да, батюшка, не могу вспомнить: такъ сердце и замираетъ, какъ подумаю, что было и что стало! Бывало этотъ домъ, что твой дворецъ, красовался въ нашемъ городѣ; бывало по вечерамъ точная иллюминація — не налюбуешься, такъ въ огняхъ весь и горитъ! Ужь кто не ѣдалъ хлѣба-соли Андрея Петровича?... А бывало каждую середу, субботу и воскресенье весь дворъ его биткомъ набитъ нищими; бывало, проходя мимо дома, часа три стоишь, а все не насмотришься на его милую дочку: стоитъ бывало, моя любушка, словно красное солнышко,—и каждому нищему подаетъ изъ своихъ ру-

чекъ, и каждому готово у ней слово ласковое и привѣтъ добрый. Бывало стоишь и думаешь: наградитъ же Господь Богъ человѣка такимъ сокровищемъ; — а у самаго слезы такъ вѣдь въ три ручья и льютъ; а о чемъ плачешь и самъ не знаешь. Любили-жь мы, горемычные, Андрея Петровича, пущс отца роднаго, да и было за что! — Падетъ ли, бывало, у кого корова, или лошадь, а онъ тотъ-часъ и провѣдаетъ; — глядишь, анъ онъ самъ, кормилецъ, идетъ къ тебѣ: — не тужи, братъ, Богъ далъ, Богъ и взялъ! придетъ пора Онъ же и утѣшитъ тебя:—вѣдь Онъ Отецъ нашъ, такъ кто пожалѣетъ насъ бѣдныхъ, какъ не Онъ? — А вслѣдъ за нимъ, глядишь ведутъ лошадь, или корову.... Пропади мой домъ, умри жена и дѣти — только будь Андрей Петровичь — все забуду, — такъ, бывало, сладко съ нимъ, такъ умѣлъ онъ утѣшать несчастныхъ!... А теперь?... Богъ прогнѣвался на насъ грѣшныхъ,

нѣтъ ужь больше съ нами нашего кормильца!»—Добрый старикъ залился слезами, да и я чуть не заплакалъ, глядя на него.

—«Вотъ, батюшка, подумаешь, да никакъ ума не приложишь: ужь пусть Богъ насъ наказываетъ за грѣхи наши:—иногда и заутреню проспишь, окаянный!... иногда въ воскресный день и обѣдню для работы оставишь,—а иногда, чего грѣха таить, и ближняго ни-за-что, ни-про-что обидишь,—а нищіе частенько съ нашего двора идутъ ни съ чѣмъ.... А Андрей Петровичь—дай Богъ ему царство небесное!... то-то праведникъ былъ: мы бывало въ будень на работу, окаянные, сломя голову бѣжимъ; а онъ, мой любушка, глядь—на своемъ гнѣдомъ труситъ, труситъ.—Куда это, батюшка, Андрей Петровичь, вы поднялись ранешько такъ? — Въ церковь, Гаврилушко, въ церковь! Надо прежде Богу помолиться, а тамъ—и работать пуститься. А въ ча-

стую, бывало, по городу бѣжитъ безъ шляпы, въ одной сибиркѣ, только волосы раздуваются. — Куда это вы, батюшка Андрей Петровичъ? — спросишь его. — Эхъ, Гаврилушко! у Акулинѣ-то Мушниковой одинъ сынъ и есть, сирота сиротой, горемычная! — а кормильца-то отнимаютъ Магистратскіе:—онъ-де парень видный, такъ славный солдатъ будетъ; — видно окаяннымъ сорвать-то съ нее нечего; а у другихъ кто кумъ, кто братъ, кто сватъ, у кого лапа мохната.... Да вотъ я ихъ пойду—хлѣба имъ въ клѣть! (такова была брань Андрея Петровича). Бывало глядишь, а Голова-то, а Бургомистры-то—кто куда изъ Магистрата!... такъ вотъ, бывало, животики и надорвешь!... а онъ-то кричитъ, а онъ-то кричитъ!... батюшки-свѣты!... вотъ какъ на ребятишекъ какихъ.» — Что-жь, отстоитъ ли онъ бѣдняка-то? — «Вѣстимо отстоитъ, да такъ, что больше ужь никто и не заикнется объ немъ; да и не

одного, бывало, отстоитъ.... сколько за него Бога молятъ!... А повинности-то, бывало, чуть какой неустой со стороны бѣдныхъ: Андрей Петровичь за все отвѣчаетъ!... То-то былъ отецъ родной, то-то былъ кормилецъ цѣлаго города; да уже любили и уважали его: бывало, Бургомистръ ли, Голова ли — всѣ безъ шапокъ стоятъ передъ нимъ; а Городничій-то, а Судья-то, куда, бывало, ѣдутъ? все къ Андрею Петровичу — поздравлять его съ праздникомъ. А бывало, только, что выдетъ изъ церкви съ дочкой своей, нищіе-то за нимъ, такъ вотъ полкъ полкомъ и валятъ; а онъ-то идетъ съ ними, точно отецъ съ дѣтками, и наведетъ ихъ полонъ дворъ; а на дворѣ-то столы ужь накрыты — и онъ всѣхъ усадитъ обѣдать и самъ потчуетъ: — кушайте, дѣтушки Божьи, кушайте! — А послѣ обѣда, дочка его одѣляетъ всякого деньгами. — То-то сокровище была Наталья Андреевна! что красива, какъ яблочко наливное; что

тиха, скромна, что богомольна, милосерда, что привѣтлива со всякимъ; кажется во всемъ бѣломъ свѣтѣ не было подобной ей,—вся въ матушку свою!... то-то была то же предобрая душа — царство ей небесное!... То-то было праведное семейство!... И за что Господь Богъ напустилъ такія напасти на него?... и что за напасти! вспомнить не льзя,—такъ сердце и замираетъ!... но кто укажетъ Богу? Онъ и грѣшника милуетъ, и праведника наказуетъ.»

— А давно ли Андрей Петровичь померъ, и какія бѣды были съ нимъ? —«Охъ, давно, батюшка, давно!... Дайте сердцу отдохнуть—все разскажу.»

XII.

На всѣхъ грозится смерть, для всѣхъ отверзты гробы.

Карамзинъ.

Меня оставилъ ты, мой нѣжный, вѣрный другъ!
Съ тобой оставило и счастіе меня! ..

А. Е.

« Несчастія Андрея Петровича начались съ кончины жены его. — Женщина была прекрасивая, предобрая, а хозяйка какая: бывало во все входитъ, все видитъ и на все мастерица.—Богъ благословилъ ихъ однимъ дѣтищемъ—это дочка, о которой я говорилъ. Отецъ съ матерью лелѣяли и блюли ее, пуще зѣницы ока. Съ малыхъ лѣтъ они учили ее умý-разуму: двухъ лѣтъ она уже протягивала ручку, чтобы подать милостыню нищему; бывало, держитъ ее матушка до тѣхъ поръ, пока всѣхъ бѣдныхъ одѣлитъ деньгами. Съ двухъ лѣтъ видѣли ее всякое воскресенье въ церкви за заутреней и обѣдней; а ужь рукодѣльница какая бы-

ла: у насъ въ городѣ не было еще подобной ей.—Истинно была благодать Божія на этомъ семействѣ.... но отъ горя, отъ бѣды кто уйдетъ?... Видно человѣку не суждено всегда быть счастливымъ въ этомъ мірѣ.... Прасковья Михайловна — такъ звали покойную хозяюшку Андрея Петровича — занемогла — и казалось, съ чего бы? — Какъ-то, сильно вспотѣвши, выпила стаканъ пива со льдомъ.... Занемогла, да занемогла, пуще, да пуще; ни лѣкарки, ни доктора, ничто не помогло! — и ровно черезъ двѣ недѣлички Богу душу отдала.

Всѣмъ городомъ похоронили ее; народу было и не вѣсть что; не столько плакалъ, кажется, самъ Андрей Петровичъ, сколько народъ — и было о чемъ плакать! Не нажить намъ такой кормилицы!... а объ дочкѣ ужь и говорить нечего: ее такъ мертвую и отнесли съ могилы. — Съ тѣхъ поръ она зачахла, точно травушка; никто ее съ тѣхъ поръ

не видалъ веселою; ранехонько осталась, моя голубушка, безъ родной матушки. Съ отцомъ дочь хороша, но все не то, что съ матерью.»

XIII.

Злодѣй! мечталъ онъ обольстить
Невинное творенье....
Но не воздремлетъ охранить
Святое Провидѣнье!...

А. Б.

«Съ Прасковьею Михайловною все счастіе Андрея Петровича на вѣкъ сокрылось отъ него. Какъ похоронили ее, съ тѣхъ поръ никогда не видали его веселымъ. Дочка его, послѣ матушки своей, осталась по четырнадцатому году, — и она была утѣшеніемъ своего родителя: бывало, не насмотрится, не налюбуется на свою красную ягодку.

«Знавали Андрея Петровича всѣ добрые люди: и изъ Москвы и изъ Питера милліонщики пріѣзжали свататься за дочку его, и онъ всѣхъ принималъ ласково и всѣмъ говорилъ, что дочка его еще не перестарокъ какой, что найдется еще суженой; что кто любъ ей будетъ, тотъ и суженой; а между тѣмъ, ему не хотѣлось разстаться съ нею, — онъ любилъ ее пуще всего на свѣтѣ.... и что же бы онъ былъ безъ нее?... бобыль бобылемъ: у него было только и свѣта въ очахъ, что Наташинька. Такимъ образомъ сваты пріѣзжали и уѣзжали, покушавши хлѣба-соли, ни съ чѣмъ.

«Однажды и остановись у насъ въ городѣ, проѣздомъ, какой-то Французъ и, говорятъ, будто Графъ, не то, Князь Французскій; а ужь какой пребогатѣйшій — золото такъ и сыплетъ, да и молодецъ собой — нечего сказать, — дѣтина кровь съ молокомъ! — Вотъ этотъ Французъ и познакомился съ нашимъ Городничимъ, да

какъ побывалъ съ нимъ у Андрея Петровича, какъ увидалъ дочку его — и про дорогу забылъ: бывало, не выходитъ отъ Андрея Петровича; а Андрею Петровичу хоть и не любо было, да все молчалъ: онъ былъ человѣкъ совѣстливый. А бывало, видно, когда уже нельзя идти къ Щедровымъ, Французъ этотъ только что и ходитъ взадъ и впередъ мимо дома ихъ, — только, будто, и дороги ему, окаянному!» — Вѣрно, онъ ухаживалъ все за Наташею? — «Вѣстимо, что такъ, да на бѣду его, она-то бѣгала отъ него, какъ отъ пугала какова. Слышно было, что онъ хотѣлъ ее и увезть, и соблазнялъ ее, пуще лукаваго: — Ты-де теперь купчиха, а то будешь Графиня, первая въ свѣтѣ богачиха, — и земля-то у насъ точно рай Божій, (рай Божій, а ѣдутъ къ намъ, окаянники!), все весна, а объ зимѣ знаемъ мы только по книгамъ. — Но не на ту наѣхалъ!... Наташа была умница, какихъ нѣтъ ужь у насъ въ городѣ; все слушала,

слушала, — плюнула ему въ харю, да и была такова! — Вѣрно она разсказала своему батюшкѣ, — и онъ, говорятъ, выгналъ его, съ тѣмъ, чтобъ и нога Французская не была въ его домѣ. Но злодѣй поклялся, что Наташа будетъ его, что онъ разоритъ весь домъ и весь городъ.

«Съ тѣхъ поръ около года не слыхать было о Французѣ ничего, — и все было по прежнему.» —

XIV.

Но видя, что у ней страхъ губы оковалъ,
Беретъ ее въ охапку
И поперегъ кладетъ сѣдла,
А самъ, надвинувъ шапку —
Припавъ къ лукѣ, летитъ, какъ изъ лука стрѣла!

Дмитріевъ.

«Однажды я сижу въ своей горенкѣ; вдругъ вижу, что народъ безъ памяти бѣгаетъ взадъ и впередъ мимо оконъ; я

испугался, думалъ, что пожаръ; выбѣгаю на улицу въ чемъ былъ — и слышу, что Наташу Щедрову увезъ Французъ. Свѣту Божьяго не взвидѣвъ, какъ сумасшедшій бросился я на дворъ Андрея Петровича; подбѣгаю, народъ такъ кишмя и кишитъ: на-силу продрался на дворъ, — глядь — а Андрей Петровичь держитъ свою милую Наташиньку, прижавши къ груди своей, и оба точно мертвые; а народъ-то, на нихъ глядя, такъ вотъ ревмя и реветъ.

« Наконецъ увели ихъ обоихъ въ хоромы, и я туда же продрался. Надо было посмотрѣть, какъ они цѣловали другъ друга; не знаютъ, гдѣ посадить одинъ другаго, не наглядятся другъ на друга, какъ будто они цѣлый вѣкъ не видались. — Какимъ же образомъ милая Наташа очутилась вдругъ въ объятіяхъ отца, когда всѣ почитали ее увезенною Французомъ? откуда и какъ очутился этотъ Француз, и увезъ ваше сокровище? — « А вотъ изволите видѣть: послѣ открылось, что этотъ зло-

дѣй проживалъ въ деревнѣ, въ трехъ верстахъ отъ нашего города, у одного бѣднаго помѣщика, который всѣхъ, почти своихъ крестьянъ проигралъ, а послѣднихъ заложилъ, разоривши ихъ, иуще Мамая: Французъ, какъ послѣ узнали, проживая въ этой деревни, ходилъ всякую ночь пачевать въ домѣ Андрея Петровича.» — Вѣрно, въ мужицкомъ кафтанѣ и въ парикѣ? — и вѣрно, изъ домашнихъ кто-нибудь былъ съ нимъ въ заговорѣ? — «Точно такъ, вы угадали! Проклятая пянька, — ужь, кажется, чего ей было хотѣть? чего не было у злодѣйки, по милости Андрея Петровича? — Всѣ дѣти ея, по милости его, были пристроены къ хорошимъ мѣстамъ. Одного сына ея за воровство хотѣли отдать въ солдаты, — и того Андрей Петровичъ застоялъ: — опъ де еще молодъ, исправится, а Сидоровна вдова, такъ надо пожалѣть ее бѣдную. — Вотъ и ужалѣлъ на свою голову!... Чего ей грѣшницѣ хотѣлось?...

*

Точно Іуда, прости Господи, продала своего покровителя!... Французъ ослѣпилъ ее золотомъ, — и правду сказать, кого не ослѣпляетъ золото?...

«Вотъ она, эта Сидоровна, и сказала, что къ ней ходитъ племянникъ, котораго лѣтъ двадцать она не видала, и который только что пришелъ съ работы изъ Петербурга. До племянника же, разумѣется, не было никому и дѣла; только, бывало, и видятъ его, иногда, какъ она встрѣтитъ его у воротъ и проводитъ въ свою свѣтлицу; а того и догаду не у кого не было, чтобъ заглянуть ему хорошенько въ рожу: какъ бы, казалось, не узнать? вѣдь видали его прежде всѣ. А если-бъ онъ проговорилъ съ кѣмъ-нибудь хоть слово, то тотчасъ бы его узнали; — да нѣтъ-ста! видно нашъ грѣхъ, а его не рокъ. Еще какъ Богъ сохранилъ Наталью Андреевну?... и она, моя пташечка, всякую ночь была почти въ когтяхъ ворона!... видно Ангелъ-Хранитель ея былъ

съ нею, видно родительскія молитвы — и молитвы бѣдныхъ покрывали ее, какъ щитомъ....

«Однажды нянька Наташина пристала къ ней: пойдемъ да пойдемъ, Наташинька, пройдемся; прогуляйся, мое дитятко: смотри-ка, какой вечеръ красный! ты и то какъ птичка въ клѣткѣ сидишь, — свѣта Божьяго не видишь. — Сколько разъ она зывала ее—мою любушку—и всегда, бывало отказывалась: — «Нѣтъ, нянюшка, не пойду; — сама не знаю, что-то страшно мнѣ.... такъ сердце и замираетъ!» — А тутъ, какъ будто что съ нею сдѣлалось, въ минуту одѣлась и выпорхнула, какъ рѣзвая птичка. — Прошедши улицы три, нянька уговорила ее идти загородъ, и, я думаю, не отошли они и ста шаговъ за заставу, въ виду нашихъ ребятъ, откуда не возмись проклятый Французъ (вѣдь у насъ и большой и малый — всѣ знали его—нехристя), верхомъ на лихомъ конѣ, въ охотничьемъ нарядѣ; соскочивъ съ ло-

шади, подбѣгъ онъ къ Наташинькѣ, ухватилъ ее за руку, а она такъ испугалась, что не могла отнять и ручки своей у супостата; но когда онъ и измѣнница-няпька стали ее уговаривать сѣсть съ нимъ на лошадь и ѣхать.... тутъ увидѣла, бѣдная, что попала въ когти діавола, въ безъ памятствѣ оглянулась вокругъ себя, — но никого не было, кто бы могъ подать ей помощь, кромѣ Бога. Вдругъ варваръ схватилъ ее съ собой на лошадь—и умчался, какъ изъ лука стрѣла.... Ребятишки, игравшія въ пустыхъ кирпичныхъ сараяхъ, слышали крикъ ея, видѣли, какъ она боролась съ извергомъ, но долго-ль слабая могла противиться ему?

Ребятишки безъ памяти прибѣжали на дворъ Андрея Петровича, крича, что Французъ увезъ Наталью Андреевну. Старикъ, какъ сидѣлъ, такъ и упалъ мертвый; — но, вѣдь, она была всѣмъ родная — такъ, кто успѣлъ и кто имѣлъ только лошадь—

всѣ поскакали въ погоню за похитителемъ.»—Не уже ли онъ былъ такъ плохъ, что не могъ ускакать отъ вашихъ наѣздниковъ? — Онъ можетъ быть и ускакалъ бы, но Богъ послалъ добраго человѣка избавителемъ несчастной. Учитель нашего училища возвращался въ это время съ охоты; онъ издали замѣтилъ верховаго, который несся къ нему съ необыкновенной быстротою; остановился и — самъ не зная для чего — зарядилъ ружье пулей, (вѣдь у насъ не льзя ходить въ лѣсъ безъ этого припаса: того и гляди попадешься либо волку, либо медвѣдю); собака была у него приужастенная; вотъ, когда подскакалъ къ нему злодѣй, то учитель тотъ часъ узналъ его и догадался, что за добычу онъ везъ съ собою. — Мигомъ ссадилъ голубчика съ лошади; убивъ ее подъ нимъ; но злодѣй не оробѣлъ: онъ выхватилъ охотничій ножъ — и можетъ быть, положилъ бы спасителя Наташи на мѣстѣ, если бы не вѣрная собака, — и

не подоспѣли бы на помощь наши городскіе.

«Злодѣй, увидавши, что скачетъ несмѣтное множество верховыхъ, бросился въ лѣсъ. Наши, прискакавши на мѣсто побоища, нашли Наташу безъ чувствъ, которая была во все время ея похищенія въ этомъ положеніи. Учитель и собака его были изранены во многихъ мѣстахъ.

Такимъ образомъ, я прибѣгъ на дворъ Андрея Петровича въ самую ту минуту, когда съ торжествомъ привезли похищенную, которая, пришедши въ себя дорогой, едва не повредилась въ умѣ, думая, что она все еще во власти своего врага, и насилу могли увѣрить ее въ противномъ; а ужь объ старикѣ-то и говорить нечего, когда услышалъ онъ, что милая Наташа его спасена, и когда увидѣлъ ее въ своихъ объятіяхъ.»

— А чтоже вы мнѣ ничего не сказали о вашемъ учителѣ? Неужели несчаст-

ный также былъ забытъ всѣми, какъ вы забыли его теперь въ вашемъ разсказѣ?

«О, нѣтъ, батюшка! его и тогда не забыли, — и я его въ вѣкъ не забуду; — но, позвольте, вотъ перекусить несутъ; прошу покорно, чѣмъ Богъ послалъ!... До смерти я люблю говорить съ добрымъ человѣкомъ о моихъ благодѣтеляхъ, — и право, батюшка, я говорю съ вами объ нихъ, какъ съ ихъ родпымъ: вы такъ жалѣете объ нихъ, что я, говоря съ вами, чувствую какую-то легкость на душѣ моей.... Но кушайте, батюшка! я готовъ проговорить съ вами всю ночь, — и все разскажу вамъ.»

XV.

Стрѣлами острыми твоими
Мнѣ сердце все изъявлено,
И раздираемое ими,
Горитъ, какъ въ пламени, оно.

Крыловъ.

«Вотъ, какъ скоро Андрей Петровичъ поуспокоился, и ему разсказали какимъ образомъ и кѣмъ спасена Наташа, то онъ тотъ-часъ пожелалъ видѣть ея избавителя, который въ это время былъ принесенъ въ домъ его. Я былъ при томъ, какъ Андрей Петровичъ цѣловалъ его руки и ноги, обливая ихъ слезами благодарности. Призванъ былъ докторъ, который, перевязавши раны больнаго, сказалъ, что онъ будетъ живъ. — «Левъ Адамовичъ! будь намъ родной, возми все мое имѣніе; но дай жизнь моему благодѣтелю!» — говорилъ Андрей Петровичъ доктору. — Но, слава Богу, болѣзнь была не опасна, и больной черезъ двѣ недѣли сталъ подни-

маться на ноги. — Наташа ни днемъ, ни ночью не отходила отъ постели своего избавителя: сама подавала ему лѣкарства; при ней перевязывали его раны; сама готовила ему кушать.

«Надо вамъ сказать, что Викторъ Александровичъ (учитель) былъ сынъ бѣднаго дворянина въ нашемъ уѣздѣ; ихъ было пятеро сыновей у отца, а этотъ былъ изъ нихъ средній, но былъ смирнѣе и умнѣе всѣхъ своихъ братьевъ: за что онъ былъ любимъ своими родителями — и не любимъ братьями. Къ несчастію Виктора Александровича, померъ его отецъ, — и онъ на двѣнадцатомъ году отъ роду остался сиротой во власти старшаго брата, который его ненавидѣлъ. Сколько перенесъ несчастій добрый Викторъ Александровичъ, едва можно вѣрить! Онъ, мой любушка, почти съ двѣнадцати лѣтъ, съ тѣхъ поръ, какъ померъ его батюшка, бродилъ, не имѣя, гдѣ главу преклонить; но, вѣдь, Богъ милостивъ, — и Онъ по-

слалъ ему благодѣтелей, которые пристроили его къ мѣсту.

«Умѣлъ же, батюшка, онъ и чувствовать благодѣянія. Когда онъ стоялъ у меня на квартирѣ, бывало, всю почушку промолится; а я, грѣшный человѣкъ, бывало, подойду къ двери на цыпочкахъ, такъ, что и духу не слыхать, да и слышу все: объ комъ, ни объ комъ молится, а видно все о своихъ благодѣтеляхъ; послушаешь, послушаешь, такъ бы вотъ и полетѣлъ я къ нему; ждешь, ждешь, да и заснешь: ни разу не дождался я конца его молитвы. Видно несчастія-то хоть кого научатъ Богу молиться!» — Да, любезный, это правда: ничто такъ не приближаетъ насъ къ Богу, какъ несчастія!... Эта благодѣтельная школа, лучше и прочнѣе всѣхъ Университетовъ образуетъ человѣка; но не всякой способенъ къ этому: — большая часть гибнетъ — и гибнетъ невозвратно..... но это суть сосуды въ рукѣ мастера, которые не вы-

терпѣвъ оныя испытанія, выбрасываются вонъ, какъ негодные къ употребленію.... Но горе и тому, кто устоялъ, — но ничась, измѣнитъ своему назначенію!...—«Ахъ батюшка, какъ вы хорошо говорите! только я грѣшный ничего не понимаю; вѣдь наше дѣло слѣпое; а смерть люблю слушать, когда говорятъ о Божественномъ. Бывало, моя покойница — царство ей небесное! — читала, что твой дьячекъ и Четиминею-то и Прологъ-то,—заслушаешься; а теперь я сталъ, какъ безъ глазъ. Умѣетъ сынъ читать, да не добьешся, чтобъ онъ сѣлъ когда за Божественную книгу; а ужь, кажется, я-ль не пытался учить его уму-разуму, да нѣтъ-ста, не далъ Богъ счастія.» — Что же дѣлать, любезный, вѣрно такъ Богу угодно, что дѣти не всегда бываютъ таковы, каковы ихъ родители!... Но разсказывайте свою исторію: мнѣ до смерти хочется дослушать ее. — « Охъ, батюшка! да-кабы этотъ бездѣльникъ не сынъ мнѣ былъ, такъ и

сердце не болѣло бы.... Но на чемъ, бишь, я остановился-то?» — Вы разсказывали исторію Виктора Александровича. — «Да, вспомнилъ!... То-то былъ предобрый и прекрасный человѣкъ; — но объ немъ разсказывать—это будетъ еще большая исторія; а я разскажу вамъ объ Андреѣ Петровичѣ,—и если время будетъ и ваша милость не поскучаетъ, то поговоримъ еще и о Викторѣ Александровичѣ. Онъ то же много испыталъ и худаго и хорошаго, — больше — худаго!»...

XVI.

Нѣтъ, не будешь ты моя—
Ты богата, бѣденъ я....

Мерзляковъ.

» Викторъ Александровичь выздоравливалъ — и день ото дня становился задумчивѣе, часъ отъ часу грустнѣе. Сколько ни пытался Андрей Петровичь узнать при-

чину грусти его, но все напрасно: — и вѣкъ бы не узналъ, если бы не случай открылъ еще.

Однажды, по вечеру, возвращаясь раньше обыкновеннаго домой и проходя мимо комнаты больнаго, онъ услышалъ разговоръ; почитая большимъ грѣхомъ подслушивать, тутъ онъ не могъ преодолѣть невольнаго любопытства—и остановился у дверей—и слышитъ голосъ своей милой Наташи, которая, заливаясь слезами, говорила Виктору Александровичу: — » Милый другъ мой! зачѣмъ не велишь ты мнѣ открыться батюшкѣ, что я люблю тебя больше жизни моей?... О! ты не знаешь моего батюшки! ты не знаешь, какъ онъ любитъ меня, ты не знаешь всей доброты его!“—„ Нѣтъ моя Наташинька, я знаю все—и не хочу отнимать твоего счастія, не хочу огорчить добрѣйшаго Андрея Петровича.... Ты богата.... и я—не женихъ тебѣ!.... Нѣтъ, я не хочу, чтобъ ты была моею.... никто не скажетъ, чтобъ

я спасалъ деньги, а не тебя!“—„Но другъ мой! это одно только упорство твое—это одна только гордость; любовь не такова!—нѣтъ, ты меня не любишь!“—„О, Боже мой! и она говоритъ, что я не люблю ее!.... Другъ мой! возми мою жизнь—она твоя!.... возми все!.... но оставь мнѣ мою честь! не отнимай спокойствіе моей совѣсти!«—Нѣтъ! кто умѣетъ говорить такъ, тотъ не любитъ еще,—тотъ никогда не будетъ умѣть любить!.... Жестокой! за чѣмъ ты спасъ мнѣ жизнь мою?.. сжалься, убей меня!... Нѣтъ, ты не выдешь изъ этого дома иначе, какъ черезъ трупъ Наташи твоей?.... Мой добрый батюшка, влача старческіе дни свои въ безотрадномъ одиночествѣ, будетъ проклинать тебя, какъ убійцу единственной дочери своей!«...—»Нѣтъ! это уже свыше силъ моихъ!... Боже мой! еще ли чаша бѣдъ моихъ не исполнилась?»—и Викторъ Александровичъ безъ чувствъ упалъ въ постелю.«—

XVII.

О, судьба одно желанье:
Дай всѣ блага имъ вкусить!...

Жуковскій.

» Андрей Петровичь вбѣгаетъ въ комнату больнаго, видитъ его безъ чувствъ; Наташа упала на трупъ своего милаго, стараясь согрѣть его своимъ дыханіемъ, стараясь вдунуть въ него свою жизнь, которая вся безъ раздѣла была отдана ему въ минуту ея спасенія. Она не замѣтила присутствія отца своего; она не слыхала, какъ онъ призывалъ ихъ, называя своими милыми дѣтьми; ни тотъ ни другой не чувствовали его объятій и слезъ. Наконецъ старикъ взялъ милую свою Наташу и унесъ въ ея комнату.

Когда возвратили чувства любовникамъ, то добрый отецъ, взявши свою дочь за руку, привелъ ее къ Виктору Александровичу, и соединяя ихъ руки, сказалъ: —

— Вотъ, Викторъ Александровичь, твоя суженая; я давно любилъ тебя, какъ сына,—будь же имъ на самомъ дѣлѣ..... Вы дурно дѣлали, скрывая отъ меня любовь вашу!.... Ваше счастіе, что я скоро узналъ, а то бы долго еще мучиться вамъ.... Будьте же счастливы, дѣти мои, и буди надъ вами мое родительское благословеніе отнынѣ и до вѣка!... —Аминь! —сказалъ я, входя въ ихъ комнату.«— И вы осмѣлились войти въ такую минуту?—» Отъ чего-же не войти, вѣдь отъ меня не было тайны у Андрея Петровича..... Вотъ, батюшка, было что посмотрѣть! Викторъ Александровичь и Наташа чуть съ ума не сошли, цѣлуя руки и ноги примѣрнаго отца! да и онъ самъ, мой любушка, чуть не ряхнулся, радуясь счастію своей дочки. А когда Андрей Петровичь сказалъ:—» Ну, милыя дѣти, обнимитесь же, да поцѣлуйтесь!«— такъ я, глядя на нихъ, чуть отъ радости изъ окна не выпрыгнулъ!.... Ну, батюшка,

Андрей Петровичь! да такой радости мнѣ отъ роду не было! говорилъ я, утирая слезы рукавомъ халата своего.—» Спасибо, Гаврилушко, спасибо! Я знаю, что ты любишь меня, да и я почитаю тебя роднымъ въ моемъ семействѣ; а потому вся дума моя открыта тебѣ, какъ другу, съ которымъ пріятно мнѣ дѣлить и горькое и сладкое.... Ну, что же? скоро-ль вы пацѣлуетесь, милые голубки мои?... Наташинька: поди-ка, вели принесть сюда самоваръ, да еще чего-нибудь: дай-ка мы погуляемъ на радости!« Милая Наташа выпорхнула, а Викторъ Александровичь, опомнившись, хотѣлъ было-что-то говорить, но добрый старикъ остановилъ его: —» Полно, братъ Викторъ Александровичь, я знаю, что ты хочешь говорить; тебя пугаютъ мои милліоны!.. такого жениха, какъ ты, милліонами не купишь. Слава Богу, я богатъ, а ты добръ и честенъ; ты все имѣешь, чтобъ сдѣлать счастливою Наташу мою:—чего же мнѣ еще хотѣть....

Э, братъ! счастіе не покупается деньгами; оно посылается отъ Бога.... а счастіе моей Наташи дороже мнѣ всего свѣта...· И тебѣ, Викторъ Александровичь, приказываю, какъ отецъ: если Богъ благословитъ васъ дѣтками, не мѣчитесь на деньги, а ищите людей: деньги погибаютъ, а достоинства человѣка пойдутъ съ нимъ во гробъ.« — Такъ говорилъ Андрей Петровичь—и говорилъ еще лучше этого,—вѣдь онъ былъ преумнѣйшая голова, царство ему небесное!

» Пришла Наташа; принесли самоваръ, наставили винъ, закусокъ — и поднялся пиръ горой! Мы съ Андреемъ Петровичемъ такъ подкурнули, что забывши свою старость, запустились въ присядку—умора!... Ужь то-то было веселье—въ вѣкъ не забуду! «—Что у васъ была и музыка?—» Э, батюшка, когда тутъ было!... до музыки-ль!... и музыка не развеселитъ, какъ на сердце-то когтями скребутъ, а и безъ музыки пляшешь, когда сердце прыгаетъ

отъ радости; да намъ, признаться, некогда было и вспомнить объ ней.

Андрей Петровичь, веселясь, не забылъ и дѣла: — » Слушайте, милыя мои дѣти, пусть наша радость, наше счастіе будетъ тайною для всѣхъ; Гаврило нашъ: онъ изъ дома сору вонъ не вынесетъ. Ты, Викторъ Александровичь, выздоровѣвши, перейдешь ко мнѣ на квартиру; съ твоею милою можешь видѣться, когда тебѣ угодно и сколько хочешь; а между тѣмъ, я попроворю кой-чѣмъ распорядиться,—и благословясь, веселымъ пиркомъ, да и за свадебку.«

XVIII.

Нѣтъ надежды на спасенье?
Я роптамъ, унывъ душой.
О, безумецъ! провидѣнье
Было тайный кормчій твой!

Жуковскій.

» Однажды я прихожу къ Андрею Петровичу и застаю его такимъ, какимъ отъ

роду не видалъ: глаза помутились, волоса растрепаны; посинѣлыя губы дрожатъ, какъ листья.

» Я остановился и испугавшись, не зналъ что дѣлать:—ни впередъ идти, ни назадъ воротиться. — » Войди, сядь, Гаврило!«— сказалъ мнѣ отрывисто Андрей Петровичъ, бросивъ на меня взглядъ, отъ котораго я чуть было, вмѣсто стула, не упалъ на полъ.—» Все пропало, Гаврилушко, все погибло! теперь я нищій, а умру—не чѣмъ похорониться!... Дочь моя! милая Наташа! для тебя сбиралъ я богатство цѣлую жизнь мою!... Я молилъ Бога!... я хотѣлъ видѣть тебя счастливою.... и ты пойдешь испрашивать подаянія подъ окнами у тѣхъ, кому ты подавала такъ щедро, кого ты кормила такъ ласкова!«—

» На сухихъ глазахъ его навернулись слезы — и старикъ горько заплакалъ. Я сидѣлъ, какъ окаменѣлый, не смѣя пошевельнуться, не смѣя кашлянуть—и не зная;

что за несчастія случились съ моимъ благодѣтелемъ.

— » Батюшка Андрей Петровичъ! да о чемъ вы такъ сокрушаетесь? вѣдь вы гнѣвите Бога! вы знаете, что Онъ милостивъ. Вы сами же говорили, что Онъ не попуститъ искушенія человѣку выше силъ его!— Такъ осмѣлился проговорить я, трепеща всѣмъ тѣломъ.—» Да, Гаврилушко, духъ бодръ, но плоть немощна!... Если бы еще не было у меня Наташи, или, если-бъ не любилъ ее такъ!«—Да тогда, Андрей Петровичъ, вы бы померли отъ скорби; а теперь, по крайней мѣрѣ, есть кому утѣшить васъ.—» Да! она утѣшитъ меня; но я ее чѣмъ утѣшу, кромѣ бѣдности, которую нажилъ ей въ приданое? — Всѣ мои торговые обороты лопнули—и у меня ни чего нѣтъ, кромѣ ста тысячь долга и безчестнаго имени банкрота!—Получая письма, я все еще крѣпился, все говорилъ: Богъ милостивъ! Наконецъ сего-дня получаю послѣднее письмо, которое доверши-

ло мои несчастія, увѣдомивъ меня о погибели всего моего имущества. Я расчелъ, что за распродажею заводовъ, дома, все еще не расплачусь со всѣмъ долгомъ. Милая Наташа моя еще не знаетъ о своемъ несчастіи; она, сидя подлѣ друга своего, въ невинныхъ мечтахъ своего добраго сердца рисуетъ прелестныя картины счастія въ будущемъ!... О, Боже! какъ я увѣдомлю милую дочь о бѣдствіи.... и въ такую минуту?... Пойди мой другъ, позови сюда Виктора Александровича: ему надо знать все!... Пусть онъ увѣдомитъ свою любезную о несчастіи отца ея — и откажется отъ нее навсегда!... Да смотри, чтобъ дочь моя не замѣтила скорби на лицѣ твоемъ; пощади ее: пусть будетъ счастливою еще хоть минуту.

» Я, вышедши отъ Андрея Петровича, умылся у колодезя (въ кухню идти побоялся, чтобъ мое разстроенное лицо не подало какого-нибудь подозрѣнія; къ тому же всѣ знали, что я былъ въ комна-

тѣ Андрея Петровича), пригладилъ голову, и пошелъ къ Натальѣ Андреевнѣ; вошедши въ комнату, я остановился, какъ вкопаный, боясь движеніемъ моимъ пробудиться отъ прелестнаго сновидѣнія къ горькой существенности. Я никогда не видалъ Наташу красивѣе, какъ въ это время: она спала на диванѣ; голова ея покоилась на колѣняхъ Виктора, который, забывши читать книгу, любовался своею возлюбленною; но на лицѣ его была написана скорбь: онъ предчувствовалъ, что милая Наташа ему не суженая....

«Думая, что Андрей Петровичь ждетъ меня, я тихонько кашлянулъ, и Викторъ Александровичь, оглянувшись, далъ знакъ рукой, чтобъ я подождалъ. — Какъ осторожно ни старался онъ освободиться отъ милой головки, но Наташа тотчасъ вскочила, и, обвивши его своими ручками, спрашивала въ испугѣ:—»Куда ты, другъ мой?« — «Успокойся я съ тобой, и никуда нейду.... а, да вотъ и Гаврило Ѳедоѳ

вичь!... Что скажете хорошенькаго?«—Я, сударь, присланъ за вами отъ Андрея Петровича; пожалуйте къ нимъ на часокъ!...

—« А, такъ это не сонъ я видѣла! съ батюшкой несчастіе!... Пойдемъ, мой другъ, пойдемъ къ нему скорѣй!« — Я не зналъ, что дѣлать и побрелъ за ними съ сокрушеннымъ сердцемъ.—»Милый батюшка! я все знаю, знаю!... зачѣмъ вы таите отъ дочери вашей свои несчастія?«—вскричала Наташа, вбѣгая въ комнату отца своего.—«Это ты, Гаврило, сказалъ ей?« — «Нѣтъ, милый батюшка, не онъ; я сонъ видѣла..., о! престрашный сонъ!«—«Успокойся, дочь моя, твой сонъ обманулъ тебя; грѣшно вѣрить снамъ. Со мной случилась маленькая непріятность; за чѣмъ же знать ее, за чѣмъ обезпокоиваться пустяками? Впрочемъ, пожалуй, ты все узнаешь, если уже тебѣ такъ хочется.... Но разскажи, милая, сонъ свой; посмотримъ, что тебя такъ напугало?«—

«Ахъ, батюшка, страшный сонъ я видѣла.... Мнѣ казалось, что я, вы и Викторъ Александровичь гуляемъ въ какомъ-то прелестномъ саду; всѣ дерева покрыты удивительными плодами, которые до того были зрѣлы, что при малѣйшемъ вѣтеркѣ въ безчисленномъ множествѣ падали наземь и усыпали собой все пространство сада и самыя дорожки; мнѣ жалко было, что мы топчемъ ихъ; вы, разсмѣявшись говорите: вѣдь не льзя, другъ мой, подобрать всего; но пойдемте поскорѣй, вонъ тучки сбираются, мы взглянули вверхъ— и ужасныя тучи неслись на насъ, какъ лютые звѣри. Вдругъ стало темно, какъ въ полночь; поднялся вихрь, и вы схвативъ меня, скрылись въ какой-то древней башнѣ; въ испугѣ, я прижималась къ вамъ и дрожала, какъ листъ;—вы молились;—вдругъ раздался голосъ, какъ бы изъ сводовъ башни, который потрясъ и едва не разрушилъ наше ветхое убѣжище: —«Не бойтесь! это пройдетъ; но молитесь,

молитесь, вамъ еще надо много терпѣть! « —Голосъ умолкъ; тучи разсѣялись, и я тутъ только замѣтила, что съ нами нѣтъ Виктора Александровича;—бросаюсь, бѣгаю по саду, ищу—и нѣтъ его нигдѣ.... —« Да что ты бѣгаешь?« слышу знакомый мнѣ голосъ; оборачиваюсь — и это вы: «вѣдь твой милый унесенъ бурей; она опять принесетъ его къ намъ.... но, дочь моя, онъ тебѣ не сужепый!... намъ опредѣлено терпѣть — и терпѣть много. а болѣе всѣхъ и продолжительнѣе тебѣ; но ты будешь счастливѣе всѣхъ насъ тамъ, гдѣ мы соединимся на вѣки? гдѣ никто и ничто не отниметъ нашего счастія никогда. « — Я хотѣла говорить многое, — о многомъ спросить васъ — какъ вдругъ, отнуда ни возмись, страшилище—змѣй, и прямо бросился на меня; вы заступили меня собою, и въ мигъ я увидѣла только кровавый трупъ вашъ!... и въ тотъ же мигъ я была схвачена чудовищемъ — и увлечена въ пропасть.... Вдругъ является Викторъ,

убиваетъ змѣя; но откуда ни возмись другой ужаснѣйшій змѣй — и появленіе его было жесточайшею смертію моего друга.... Я видѣла растерзанные члены его, я видѣла сердце, еще трепещущее искрой жизни!... Я упала, какъ мертвая, на безцѣнные остатки своего милаго.... и вотъ явилась на каменистомъ утесѣ: передомной море, такъ тихое, что его можно было почесть зеркаломъ, въ которое глядѣлась лазурь неба съ своимъ краснымъ солнушкомъ; зрѣлище было такъ хорошо, что я забыла весь міръ—васъ, батюшка, и Виктора Александровича, какъ будто я родилась съ моимъ утесомъ и для того только, чтобъ созерцать такую великолѣпную картину творенія Божія; увлеченная неземною силою благоговѣнія къ Всемогущему, я упала во прахъ предъ неизповѣдимымъ величіемъ Его.... Вдругъ слышу гласъ: «Это море будетъ для тебя такъ тихимъ до послѣдняго дня міра!« — Я оглянулась — и за мною стоялъ стари-

чекъ, украшенный сѣдинами, съ посохомъ въ рукѣ и въ одеждѣ странника: — «На тебѣ мой посохъ! «—сказалъ старикъ; я протянула руку, чтобъ взять его—и проснулась.... Вотъ, батюшка, что вы скажете теперь? «—

— «Да, это страшный сонъ!... Но я опять скажу тебѣ, милая дочь моя, что вѣрить снамъ грѣшно.... Конечно бываютъ сны отъ Бога; но мы очень грѣшны, чтобы прозирать въ нихъ волю Божію.... Надо молиться Богу, и быть готовымъ на все, что будетъ угодно Его святой волѣ.... Я не только видалъ сны страшнѣе этого, но бывалъ въ самомъ зѣвѣ діавола.... и Богъ спасалъ меня въ ту—же минуту, какъ только вопль моленія вылеталъ изъ устъ моихъ!... Но, другъ мой, здѣшняя жизнь должна быть огнемъ очищенія для насъ отъ грѣховъ праотцевъ и нашихъ собственныхъ: для кого изъ великихъ Святыхъ не была эта жизнь пещью, седмерицею разженною? Мы

сотворены не для этой грубой жизни—мы сотворены для неба; но плоть, какъ земля, по которой мы скитаемся, такъ уродовала себѣ души наши, такъ проросла все существо души, что надо много огня, чтобъ небесное золото выплавилось въ первобытную чистоту свою!... Пусть будетъ что Богу угодно, а наше дѣло быть готовыми принять все отъ рукъ Его съ благоговѣніемъ....

«Точно, мой другъ, Наташинька, со мной случились непріятности; но не пугайся! ты видишь, что я живъ, стало быть не велики онѣ:—мои торговые обороты—всѣ пошли на вѣтеръ, и мнѣ, изъ всего богатства моего, осталась только ты одна.... и на что же мнѣ болѣе?... Другіе и этого лишились; но у меня, благодаря милосердаго Бога, есть еще самое безцѣнное изъ моихъ сокровищъ!... Наташа, другъ мой, не уже ли ты меня любишь меньше? не уже ли я не замѣняю тебѣ всего?«...

«О батюшка, милый батюшка! я не сокрушаюсь, я не буду сокрушаться!... Я богата, пока вы со мной, и пока Викторъ Александровичъ будетъ моимъ!«...

—Но, другъ мой, моя Наташинька, ты не можешь быть женою Виктору Александровичу: посуди, моя милая: онъ бѣденъ, ты еще бѣднѣе.... Погоди, Викторъ Александровичъ, я знаю, что дѣлаю: грѣшно было бы мнѣ—подпрягать себѣ подъ свою пошу постороннаго.... Нѣтъ! вы еще можете быть счастливымъ, и имѣете все право на счастіе! «...

«Сколько ни противился Викторъ Александровичъ, сколько ни умолялъ, что бы не отнимали у него его счастія; но старикъ остался непреклоннымъ — и когда увидѣлъ, что милая Наташа его безъ чувствъ сидѣла, облокотясь на столъ и закрывъ обѣими руками себѣ голову; — то могъ только сказать въ облегченіе участи любовниковъ: — «Не печальтесь, дѣти мои, у Бога еще много милости!—мо-

жетъ быть мои обстоятельства еще поправятся; а вы потерпите, да помолитесь.... Э, эхъ, дѣтушки! не видавши горькаго, не видать и сладкаго!»

«Андрей Петровичъ говорилъ много—и говорилъ лучше этого; но гдѣ же намъ, темнымъ людямъ, упомнить все? — Стало быть умѣлъ онъ говорить, когда мы всѣ и самъ онъ, забывъ всю бѣду, стали посмѣиваться и поговаривать не такъ-то грустное, и старикъ такъ былъ радъ тому, что велѣлъ принести самоваръ, винъ и закуски — и мы такъ подкурнули, какъ будто получили цѣлыя горы сокровищъ.

«Андрей Петровичъ, отпуская меня домой, наказалъ, чтобы несчастіе его было тайною для всѣхъ, до времени.»

XIX.

Но куда-бь не тщился скрыться,
Скорбь вездѣ пойдетъ во слѣдъ.
Гдѣ-жъ возможно защититься
Отъ гоненья лютыхъ бѣдъ? —
Гдѣ, какъ не въ земной утробѣ?...

Капнистъ.

«Цѣлыя двѣ недѣли глядѣлъ я на Андрея Петровича, и цѣлыя двѣ педѣли думалъ, что всѣ его несчастія видѣлъ я во снѣ; только, смотря на скучныя лица Виктора и Наташи, не льзя было сомнѣваться, что все то было и есть на самомъ дѣлѣ; между тѣмъ прежній богатый образъ жизни доказывалъ противное: то же гостепріимство, то же радушіе ко всѣмъ, тѣ же столы для нищихъ и та же всегдашняя милостыня имъ!... Я все видѣлъ, но никакъ не понималъ въ это время Андрея Петровича.

«Однажды повечеру прибѣгаетъ ко мнѣ его работникъ — Митя. — «Гаврило Ѳедо-

товичь! бѣги скорѣй къ Андрею Петровичу,» — едва могъ онъ проговорить, запыхавшись; я хотѣлъ-было спросить его, для чего понадобился я Андрею Петровичу, — но его уже и слѣдъ простылъ. —«Господи! видно опять невзгода какая съ нимъ — любушкой,» — сказалъ я, поспѣшно надѣвая свою сибирку; сердце замерло. Перекрестясь дрожащею рукою, я пустился, что есть мочи, къ моему благодѣтелю. — Прибѣгаю на́ дворъ, вижу всѣхъ, встрѣчающихся мнѣ, спокойными; спрашиваю наскоро: «что у васъ — всѣ ли здоровы?—«Всѣ, слава Богу!»—«Что же такое?»—говорилъ я, пробираясь въ комнату Андрея Петровича.

— «Что, братъ, ты тащишься, какъ къ смерти приговоренный»—кричалъ мнѣ навстрѣчу Андрей Петровичь: — «Смотри-ка любушка мой побѣднѣлъ, весь трясется.... ахъ, Гаврило, да что это съ тобой сдѣлалось?... ужъ не боленъ ли ты?»—«Да, батюшка, Андрей Петровичь,

не мудрено и умереть, если вы еще хоть разъ такимъ же образомъ прилете за мной»—«А, такъ это тебя дурачина Митя перепугалъ! я послалъ его за тобой — и только велѣлъ сказать тебѣ, чтобы ты пришелъ ко мнѣ; — а онъ, чай, всполошилъ тебя, словно овинъ горитъ!—Ну-ка, братъ, выпей-ка, подкрѣпи себя,—а тамъ и поговоримъ мы съ тобою.... Вотъ, я вамъ говорилъ, что Богъ милостивъ: — вѣдь дѣла-то мои, Гаврилушко, поправились, да такъ, что я не только ничего не потерялъ; но еще, слава Богу, и прибылии не мало. — Что? ты, чай, думаешь, что это все во снѣ съ тобой? — Я и самъ такъ думаю: давно ли горевали мы? давно ли думали, что и Самъ Господь отъ насъ отступился?... а теперь, не знаю, какъ и прославить Его великія милости со мною!

«Вчера, да и всѣ эти ночи, мнѣ долго не спалось — а вчера особенно.... какъ ни говори, Гаврилушко, а трудно нести

крестъ!... Такъ вчера ночью не только не спалось, но и слишкомъ сгрустнулось, да такъ, что и не зналъ, куда дѣваться: я за Четійминею, я за Евангеліе — не тутъ-то было — все изъ рукъ валится.... Я зналъ, что дочь моя уже спала; но пошелъ къ ней, думая, что увидавши ее, сколько-нибудь облегчу сердце свое. Вхожу къ ней.... тебѣ не надо сказывать, какъ прелестна Наташа моя, — а въ это время она была точно неземная; ея сонъ если не увеличилъ ея прелестей, то небесное спокойствіе на челѣ ея и улыбка невинности на устахъ показывали, что это существо неземное, что это не дочь смертнаго, который за минуту терзался въ мукахъ о потерѣ куска золота!... Ты знаешь, что я не люблю слишкомъ предаваться нѣжности; но въ эту минуту, какая-то невидимая сила толкнула меня — и я упалъ на колѣни предъ моей дочерью.... Я страстными поцѣлуями покрывалъ постель, на которой покоилось мое сокро-

вице...:— «Спи, спи, милая дочь моя, и будь счастлива хоть во снѣ своемъ,» — говорилъ я, едва удерживаясь, чтобъ рыданіемъ не разбудить свою безцѣнную.... Наконецъ, когда слезы мои начали измѣнять мнѣ—я бросился вонъ,—и въ своей комнатѣ упалъ безъ памяти предъ образомъ Спасителя.... — «Встань!» — слышу голосъ невидимаго: — «еще отсрочивается очищеніе твое огнемъ скорбей.... Но будь мужествень!—тебѣ надо испить чашу горестей до дна!»—«Господи! я грѣшный рабъ Твой — да будетъ воля Твоя, яко на небеси и на земли!» — Едва я успѣлъ сказать это, какъ былъ пробужденъ отворившеюся дверью:—вскакиваю— и вижу—Митя вноситъ мнѣ письмо: какъ долго я уже не получалъ никакихъ другихъ писемъ, кромѣ печальныхъ, то и это письмо я грустно развернулъ.... но что же я вижу, Гаврило?... Все мое богатство цѣло, еще съ прибылью—больше нежели на полмилліона!... Я какъ сто-

ялъ, такъ и упалъ предъ Богомъ, милующимъ насъ грѣшныхъ; чего я ни говорилъ въ эту минуту въ грѣшной молитвѣ моей къ Всевышнему, и изъ словъ, вылетавшихъ прямо изъ души, я не помню ничего,—но помню только, что я изчезалъ весь въ молитвѣ о моей милой Наташѣ. — «Господи!» — говорилъ я — «отними у меня мою жизнь тысячами мученій—всего себя предаю въ святую волю Твою!... Съ благоговѣніемъ и покорностію пойду по терновому пути, влача данный мнѣ Тобою крестъ спасенія.... Но молюся Тебѣ, Владыко мой, пощади, помилуй дочь мою!»... Тутъ я видѣлъ, какъ будто въ зеркалѣ, все, имѣющее придти на домъ мой, — и въ изступленіи закричалъ: —«Господи, да будетъ воля Твоя!»—Вдругъ слышу вздохъ позади себя, оборачиваюсь и моя Наташинька лежала распростертою предъ Богомъ, какъ цвѣтокъ, сорванный бурею!...—«Другъ мой, моя Наташинька! молитва твоя услышана,»—сказалъ я, по-

давая ей письмо.—«Да будетъ воля Твоя, Господи!» — сказала моя дочь, взглянувъ на Небо и отдавая мнѣ письмо. Потомъ бросилась она мнѣ на шею — и я весь былъ омытъ ея слезами.... Я не смою ихъ до конца жизни моей,—пусть будутъ онѣ предгробнымъ омовеніемъ моимъ!... Счастливъ, Гаврилушко, о, какъ счастливъ тотъ, кто въ самыхъ адскихъ бѣдствіяхъ имѣетъ такую дочь какъ я!... Да, я готовъ окупить мое блаженство всѣми возможными бѣдствіями.«...

—»Что же, согласны-ль вы теперь, Андрей Петровичъ, отдать вашу Наташиньку за Виктора Александровича?«—»Какъ же, Гаврилушко, это было моею всегдашнею мыслею съ тѣхъ поръ, какъ я подслушалъ разговоръ ихъ: я очень люблю Виктора Александровича и одного только его съ радостію назову сыномъ моимъ: онъ одинъ только достоинъ получить сокровище мое. Да онъ теперь здѣсь;—пойдемъ къ нимъ!«

»Виктора и Наташу мы нашли за чтеніемъ какой-то книги; какъ скоро они увидѣли насъ, тотчасъ вскочили оба — и Андрей Петровичъ былъ весь осыпанъ ихъ ласками, — и онъ въ свою очередь не зналъ, какъ ихъ назвать, гдѣ ихъ посадить и что имъ сказать.

»Назначенъ былъ день брака — и кажется ничто уже не могло препятствовать благополучію любовниковъ;—но Богу угодно было иначе и кто можетъ противиться Его святому опредѣленію?... У насъ давно уже не было Городничаго, по смерти того, который познакомилъ Француза съ Андреемъ Петровичемъ,—и вотъ наконецъ, пріѣхалъ къ намъ Городничій — человѣкъ молодой и умный, но гордый, игрокъ и проч. и проч.—не тѣмъ будь помянутъ — царство ему Небесное!—»А развѣ и этотъ уже померъ?«— »Какъ же, батюшка, давно—и, къ сожалѣнію, ранняя смерть его была отъ его невоздержной жизни: всѣ дни и ночи

проводилъ онъ въ картежной игрѣ и пьянствѣ.— Однажды до того проигрался, что уже и хмѣль съ него соскочилъ, и онъ, какъ сумасшедшій, бросился домой, проклиная самого себя и весь свѣтъ. Прибѣжавши домой и ходя скорыми шагами по комнатѣ, онъ выдумывалъ средства поправить свое состояніе; наконецъ, онъ ударилъ себя рукою по лбу такъ, что раздалось по всѣмъ комнатамъ, — и лакей Васька, который мнѣ это разсказывалъ, думалъ, что господинъ его уже застрѣлился; — но вдругъ слышитъ голосъ своего господина:—»Ахъ, чортъ возми, да я еще не женатъ:—стало быть могу жениться!.. браво!.. Только гдѣ же бы взять побогатѣе невѣсту?... Я Городничій, молодецъ собой... кажется, кому не женихъ?... Эй, Васька!«—»Чего изволите, сударь?«—»А что, братецъ, каковъ я женихъ, если-бъ мнѣ вздумалось жениться?«—»Да пора бы, сударь, мы всѣ, съ мала до велика, молимъ объ этомъ

Бога.« — »Дуракъ! я тебя не спрашиваю—пора-ли мнѣ жениться,—а спрашиваю каковъ-бы я былъ женихъ?« — »Да, нечего сказать, сударь, такого жениха, какъ вы, со свѣчкой поискать!« — »А, а, дурачина, насилу-то ты понялъ!.. А не знаешь-ли ты, то есть, нѣтъ ли у тебя на примѣтѣ какой-нибудь побогатѣй невѣсты?.. а?«...— »Да вотъ сударь, у Судьи-то нашего дочка—чѣмъ не невѣста—и красавица и пятьсотъ душъ приданаго?« — »Мнѣ, братецъ, ни красоты, ни ума ненужно, былъ-бъ денежки; а у Судьи, кромѣ пятисотъ заложенныхъ душъ, нѣтъ ничего.« — »А у Полковницы Родищевой?« — »И тамъ, братецъ, кромѣ раззоренныхъ душъ, ничего не найдешь, да ея же дочери очень богомольны, а я такихъ терпѣть не могу!« — »Видно же, сударь, вамъ ввѣкъ не жениться!«—»Врешь, дуракъ, женюсь, и какъ-бы ты думалъ, на комъ?«—»Хоть убейте, сударь—ни за что не угадаю!« — »Да я знаю, что тебѣ

не угадать—на Щедровой Наташѣ!.. а?.. что ты на это скажешь?... Тутъ будетъ не тысяча душъ, но милліоновъ пять деньгами!... Купеческая дочь?.. да что нужды! ея милліоны, право, стоютъ всякаго Княжества.«—»Да вы, сударь, сейчасъ изволили говорить, что вы терпѣть не можете богомольныхъ; а, вѣдь, Наталья-то Андреевна чуть-ли не святая; да притомъ же вамъ, я думаю, извѣстно, что она уже совсѣмъ помолвлена, да и свадьба, говорятъ, будетъ въ воскресенье.« — »Э, братецъ, я дамъ волю ей быть святой, сколько ея душѣ будетъ угодно, только-бы побольше было за ней милліоновъ: а что касается до того, что она уже сговорена, то это ни чуть не помѣшаетъ моему счастію: Не ужели старикъ будетъ такъ глупъ, что Городничаго и природнаго дворянина промѣняетъ на учителя?... а если это и случится, то —горе ему! — я заварю такую кашу, что самъ чортъ ею подавится!... Пойди-

ка, пошли комнѣ Квартальнаго Цапцарапкина, двухъ будочниковъ, да моего писмоводителя Крючкотворова,... ступай!... Надобно работать—зѣвать нечего!«—Когда подчиненные, достойные своего начальника; явились къ нему; то онъ, быстро ходя взадъ и впередъ по комнатѣ и при всякомъ поворотѣ прихлебывая большимъ пріемомъ пуншъ, закусывая изъ огромной трубки затяжкой табаку—вдругъ остановился передъ своей командой, съ трепетомъ ожидавшей его повелѣній:—«Слушай ты«—сказалъ онъ Цапцарапкину:—«завтра, чуть свѣтъ, подай мнѣ рапортъ, что ты нынѣшнюю ночь, ходя обзоромъ, встрѣтилъ пьянаго учителя Добролюбова, выходящаго изъ зазорнаго дома; что ты совѣтывалъ ему быть поосторожнѣе,—но онъ, не слушая ничего, ударилъ тебя въ щеку и избранилъ самою низкою бранью.... Наше мудрое Правительство, которое не усыпно заботясь о благосостояніи своего народа, учредило благодѣтельную полицію

къ обузданію строптивыхъ и къ строгому вкорененію правилъ нравственности въ развратныхъ; — что все это происходило при трехъ будочникахъ, которые своею двадцати-двухъ-лѣтнею безпорочною службою заслуживаютъ всякое вѣроятіе.... Слышите вы, дурачье?—говоритс, что вы все видѣли и слышали, что изволитъ рапортовать мнѣ Его Благородіе!... Ты Крючкотворовъ, напиши Цапцарапкину этотъ рапортъ, да смотри — подѣльнѣе, чтобъ самъ чортъ не могъ оправдать, если-бъ его милости вздумалось оправдывать Добролюбова!... А про всякой случай навострите-ка тѣхъ двухъ мѣщанъ, которые у насъ содержатся за воровство, что и они мимоходомъ все это видѣли и слышали; обѣщай имъ уничтоженіе ихъ дѣла и даже по сту рублей деньгами отъ меня, если они на это согласятся; да и васъ я не забуду, если мастерски сработаете эту штуку.« — « Не бось, Ваше Высокородіе, ужь не положимъ на себя охулки« — от-

вѣчали ему блюстители спокойствія. — » Тото же, смотрите—бѣда вамъ, если кто-нибудь изъ васъ спакоститъ!... Ну, ребята, выпейти по стакану вина, да и прощайте!«—Все это точно такъ было у нашего Городничаго.«—А вы, какъ же это узнали? « — « Да узналъ-то я ужь тогда, когда не стало на свѣтѣ ни Андрея Петровича, ни Добролюбова и, ни Городничаго, и узналъ-то отъ самаго мошенника Цапцарапкина, который давно уже безъ мѣста, спился скругу, и онъ-то, однажды, сидя у меня пьяный, разсказывалъ мнѣ эту исторію, слово въ слово, какъ я вамъ говорю; тѣмъ болѣс я ему вѣрю, что точно также слышалъ я отъ самыхъ достовѣрныхъ людей.

» На другой день Городничій, получивши рапортъ отъ Цапцарапкина, тотчасъ отправилъ его при своемъ рапортѣ къ Губернатору, который немедленно снесся съ училищнымъ начальствомъ, выславъ предписаніе: учителя Добролюбова, какъ

обличенаго въ неприличныхъ званію его поступкахъ и буянствѣ, представить въ губернскій городъ для произведенія надъ нимъ судопроизводства; а слѣдствіе на мѣстѣ предписывалось произвести Г-ну Городничему, вмѣстѣ съ Смотрителемъ училищъ—и по произведеніи, въ скорѣйшемъ времени представить оное въ Уголовную Палату.

» Такимъ образомъ нашъ бѣдный Викторъ Александровичъ съ воображеніемъ, полнымъ счастія—и тогда, какъ это счастіе по всему онъ могъ получать неотъемлемымъ; тогда, какъ наканунѣ брака, съ трепещущимъ сердцемъ, онъ готовился идти на дѣвичникъ къ своей невѣстѣ, — вдругъ входятъ къ нему полицейскіе чиновники, которые объявляютъ ему, что онъ берется подъ-арестъ и предается уголовному суду.... Если-бъ громъ, разразившись вдругъ, неожиданно, обратилъ въ ничто скудное жилище его, то это грозное дѣйствіе природы не изумило бы его

такъ, какъ изумили его нечаянные посѣтители, но какъ ни почему съ неожиданными имъ привѣтствіями. Наконецъ онъ думалъ, что это не такъ важно; что онъ можетъ еще побывать у своей невѣсты; что можетъ видѣться съ Городничимъ; — но ему объявили, что его въ сію же минуту отправляютъ подъ стражей въ губерискій городъ Т...; что они не только не могутъ позволить, чтобъ онъ съ кѣмъ нибудь увидался, но даже не имѣютъ для него и столько лишняго времени, чтобъ онъ могъ переодѣться!

» Ни просьбы, ни подарки, ни ругательства, ничто не тронуло изверговъ. Въ отчаяніи, не зная что дѣлать и не имѣя никакихъ средствъ увѣдомить Андрея Петровича,—онъ обратился, наконецъ, къ приходскому учителю, который находился тутъ по приглашенію Виктора Александровича, чтобъ идти съ нимъ на дѣвичникъ: — » Другъ мой! сдѣлай милость увѣдомь обовсемъ, что видишь, Андрея

Петровича! « — Я не другъ твой—и если я теперь здѣсь, то это для того, что мнѣ хотѣлось видѣть, чѣмъ кончатся твои гордые замыслы;—теперь можно надѣяться, что сѣти твоей много поубудетъ.«—Такъ отвѣчалъ, пришепетывая, тотъ, котораго Добролюбовъ называлъ своимъ другомъ и который ни съ какой стороны не заслуживалъ такого названія.—Скотинкинъ (фамилія приходскаго учителя) въ полномъ смыслѣ оправдывалъ свою фамилію; — это дуракъ, какихъ еще мало и между учениками, не только учителями; онъ предъ всѣми и вездѣ пресмыкался; ко всякому лѣзъ съ своей глупой рожей; всѣ передніи ему были знакомы болѣе, нежели его училище; его ни откуда не гнали, а онъ думалъ, что его вездѣ принимали,—и, правду сказать, что онъ иногда и нуженъ былъ; но это только тамъ, гдѣ играли въ карты: эта премудрость, не смотря на его глупость, такъ ему далась, что онъ рѣдко бывалъ въ проигрышѣ, а чаще всего

ему везло и везло не какъ другимъ; — въ этомъ случаѣ мудрено было угадать— умнѣй ли его были тѣ, которые доставляли ему честь играть съ собой. А если, что также случалось, онъ не прочухивалъ никакъ игры, то составлялъ у себя игру, къ которой допускались сидѣльцы питейныхъ домовъ и повѣренные; бывало, спросишь его: — » Сидоръ Павловичъ, у васъ вчера, кажется; гости были? — » Да я не люблю быть праздным: когда самъ не въ гостяхъ, такъ у меня гости.« — » И, кажется, довольно было?—« Да знать-то вся была; неприлично же нашему брату якшаться съ какими-нибудь строкалистами; хоть оно и не по доходамъ, за то по чину и по уму.«—Такъ вотъ, бывало, животики и надорвешь, смѣявшись, слушая такую премудрость ученаго—умора, да и только!

— » А вы, бы, Сидоръ Павловичъ, побольше съ ребятишками—то занимались, а то, говорятъ, что вы вовсе ничему не

учите, да и говорить то все знать, которая такъ милостиво дѣлаетъ вамъ честь своимъ посѣщеніемъ, — и говорятъ, вѣдь, чего не скажутъ краснобаи! — говорятъ, что вы больше любите зайцовъ и карты, нежели учениковъ?...«—» Это, можетъ быть, говорили вамъ о другомъ, а не обо мнѣ,— да и мнѣ не околѣть же изъ-за всякаго мальчишки, я и такъ потерялъ съ ними все здоровье, такъ, что грудью дохнуть нельзя.«—» Да, вѣрю, батюшка, вѣрю: какъ не потерять здоровья съ вашимъ умомъ, трудомъ и заботами!...

«И вотъ этого-то человѣка Добролюбовъ называлъ другомъ своимъ—и этотъ-то другъ такъ отвѣчалъ ему!... Бѣдный Викторъ забылъ, все, — онъ былъ убитъ отвѣтомъ изверга, котораго былъ благодѣтелемъ, имѣя случай защитить его передъ своимъ Начальствомъ; — онъ былъ убитъ до того, что впалъ въ бѣшенство, и если-бъ не былъ удержанъ, то кроткій Викторъ былъ бы убійцею злодѣя.....

Тутъ связали его, какъ разбойника, посадили его въ повозку, — и тройка почтовыхъ умчала бѣднаго Добролюбова.... И тотъ, кто за нѣсколько минутъ до этого готовился возложить на себя пріятныя цѣпи счастливѣйшаго брака, — тотъ связанный пеньковой веревкой, на крыльяхъ вихря мчался отъ бѣдствія къ бѣдствію. «—

XX.

Преплывъ обширный океанъ,
Чрезъ многія пучины, мѣли, —
Собравъ богатства дальнихъ странъ,
Пловецъ стремится къ вѣрной цѣли,
Къ своимъ отеческимъ брегамъ....
.....
Онъ мыслитъ радостно: «я тамъ!»...
Вдругъ буря въ ужасъ все приводитъ —
Корабль скрывается въ волнахъ!
Пловецъ не гибнетъ — но въ слезахъ
Онъ нищимъ на берегъ выходитъ.

Карамзинъ.

У Андрея Петровича былъ, какъ называется, пиръ горой: Священникъ, Ис-

правникъ, Засѣдатели, Судья, Стряпчій и весь Магистратъ; всѣ дворяне цѣлаго уѣзда, все купечество всего города, служащіе и не служащіе — всѣ тутъ были, всѣ, не исключая даже самыхъ бѣднѣйшихъ. — Весь домъ былъ освѣщенъ, точно дворецъ какой. Во всѣхъ комнатахъ были разставлены столы съ закусками и винами; цѣлыя дерева съ свѣжими плодами составляли собою такой садъ въ комнатахъ, какого я больше не увижу до смерти своей. — Андрей Петровичъ былъ очень веселъ, а гости еще веселѣй. — Наталья Андреевна была въ своей горенкѣ съ подружками, которыя пѣли въ это время пѣсни, лакомились сластями, пили чай и грустно глядѣли на печальную подругу и благодѣтельницу, которая сидѣла, какъ приговоренная къ смерти, блѣднѣе полотна и безмолвнѣе ночи.

»Что же это нѣтъ Городничаго?« сказалъ надутый Стряпчій, подходя къ Андрею Петровичу. — »Да онъ прислалъ ска-

зать, что онъ боленъ, что по этому не можетъ быть на дѣвичникѣ, а пріѣдетъ на свадьбу, хотя бы его въ это время клали въ гробъ.» —«Спрѣчь, хотя бы онъ былъ пьянѣй водки,» — пропищалъ Судья. — «Я не за что не дамъ подъ пьянаго обывательскихъ, хотя бы онъ былъ самъ Г. чортъ, а не Г. Городничій; а своихъ-то онъ всѣхъ на заводъ пустилъ,» — проревѣлъ съ громкимъ хохотомъ Исправникъ. — «Чертъ его возми, онъ у меня столько забралъ подъ жалованье, что будь онъ, хоть десять лѣтъ Городничимъ, а я ему не дамъ ни полушки.» —сказалъ Казначей, ощупывая свои карманы. —«А вотъ, погодите, господа! я вамъ сдѣлаю его чудеснымъ Городничимъ; теперь у него нѣтъ ни полушки — и стоитъ только отказать ему въ получаемой имъ винной пропорціи—вотъ онъ и сѣлъ, какъ ракъ на мѣли, — не босъ вытрѣзвится; а то куда-жъ дѣвать ему вино-то: вѣдь, болѣе шести ведеръ въ мѣсяцъ бросаю, какъ въ про-

пасть какую!» — говорилъ добрый хлѣбосолъ цѣлаго города и уѣзда, откупщикъ И.... — «Да, вы, Исай Артемьевичь, сдѣлаете душеспасительное дѣло, удержавъ ближняго отъ смертнаго грѣха, — пьянство великій грѣхъ!» — проговорилъ приходскій Священникъ.

«Таковъ былъ у насъ Городничій и такъ говаривали объ немъ вездѣ, гдѣ его не было — и говаривали еще лучше этого, — а все-таки оставалось еще много недоговоренаго: надо еще сказать, что при всей его петрѣзвости, никто вѣрнѣе его не разчитывалъ — гдѣ, какъ и съ кого взять: нужно ли, бывало, бѣдняку какому вставить и вую тѣсницу въ крышѣ, вмѣсто согнившей, то и неси Городничему золотой, чтобъ далъ позволеніе сдѣлать починку.... да что и говорить! — грабительски разорялъ всѣхъ и каждаго; сверхъ того онъ ничего не покупалъ, все чѣмъ не промышляли граждане—все онъ бралъ, какъ свою собственность, не из-

ключая даже самыхъ лѣкарствъ въ аптекѣ.

« Что же это не ѣдитъ нашъ женихъ?» сказалъ хозяину отставный Полковникъ Барсовъ. — « Товарищъ его Николай Васильевичь Правдинъ давно уже поѣхалъ за нимъ, да что-то до сихъ поръ нѣтъ его. » — Вдругъ закричали : — « пріѣхалъ, пріѣхалъ!« — взоры всѣхъ обратились къ дверямъ, — и вмѣсто жениха вбѣгаетъ Правдинъ, растрепаный, блѣдный какъ смерть; всѣ гости столпились вокругъ него; онъ, подобно вырвавшемуся изъ хладныхъ объятій мертвеца, стоялъ нѣмъ, бросая вокругъ себя страшные взоры и трепеща всѣмъ тѣломъ. Андрей Петровичь, предчувствуя несчастіе, не имѣлъ силы спросить о томъ; онъ только твердилъ, смотря на образъ Спасителя: « Господи, да будетъ воля Твоя! »

« Викторъ Александровичь погибъ, » — прошепталъ, наконецъ, полумертвый Правдинъ.... — « Кто погибъ?... какъ по-

гибъ?» — раздалось въ цѣломъ домѣ. Вдругъ крикъ, крикъ отчаянія, вылетѣвшій, казалось, изъ сердца, разтерзаннаго тиграми, крикъ вырывающій душу, пронесся, какъ роковая вѣсть смерти... Всѣ утихли — и всѣ вдругъ бросились, ища новаго несчастія; — но несчастная была слишкомъ близко:—это была Наталья! — Никто не замѣтилъ, какъ она, услыхавши тревожный шумъ, подбѣжала къ толпѣ, окружавшей Правдина; она успѣла слышать роковую вѣсть—и уже мертвую отнесли ее въ свою комнату. Андрей Петровичъ, какъ будто не видалъ отчаянія дочери; звукъ голоса ея, такъ сильный сердцу его, пронесся мимо, не сдѣлавъ на него ни малѣйшаго впечатлѣнія; онъ весь обратился въ слухъ и зрѣніе, прикованные къ несчастному повѣствователю.

— «Когда я подъѣзжалъ къ квартирѣ своего друга,» — разсказывалъ Правдинъ, — «то меня очень поразили почтовыя лошади и повозка, стоявшія у воротъ квар-

тиры его; но подумавъ что кто-нибудь изъ пріятелей прискакалъ на веселый пиръ друга, я стрѣлой влетѣлъ въ комнаты, и — если-бъ громовая стрѣла, разрушая зданіе, упала передо мной, то и она не окаменила бы меня такъ, какъ то, что представилось глазамъ моимъ:—друга моего вязали веревками Полицейскіе Чиновники!... Я кинулся на нихъ,—и увидѣвъ Скотинина тутъ же, полагалъ, что онъ мнѣ поможетъ;—но онъ—Іуда, схвативъ меня, говорилъ: «Перестань, Николай Васильевичь, защищать государственнаго преступника, если не хочешь самъ быть такимъ же.» — «Замолчи, подлый червь!» — закричалъ я на него въ бѣшенствѣ: — «Другъ мой! Викторъ Александровичь! что съ вами дѣлаютъ?» — «Злоба неизвѣстнаго подлеца; — но онъ обнаружится — и погибнетъ самъ въ той ямѣ, которую мнѣ копаетъ.... Благодарю тебя за твою дружбу!... Бѣги этой змѣи,» — указавъ на Скотинина, — «Разскажи Ан-

дрею Петровичу все, что видишь; не говори, что я невиненъ — онъ это знаетъ самъ; скажи ему, чтобы онъ много не безпокоился; попроси мою Наташу, чтобы она не сокрушалась; потому что ничего не бываетъ безъ воли Божіей — и все къ лучшему.» — Тутъ взяли его Полицейскіе и связаннаго положили въ повозку; ямщикъ хлопнулъ по лошадямъ.... и я остался посреди улицы окаменѣлый, какъ Лотова жена; наконецъ бросился сюда, и вотъ вы видите меня, несчастнѣйшаго изъ всѣхъ друзей міра!»...

«Этотъ разсказъ такъ поразилъ всѣхъ, что никто не зналъ, что говорить и что дѣлать; всѣ глядѣли другъ другу въ глаза — и никто не двигался съ мѣста. Первый Андрей Петровичъ пробудился отъ этого летаргическаго сна. — «Лошадей! къ Городничему! тамъ все узнаю!» — закричалъ онъ. — «Къ Городничему, къ Городничему!» — закричали гости.

«Ба! да не уже ли эта пьяная голова надѣлала намъ столько зла? если это его дѣло, то я клянусь моей головой, что я разобью его башку, какъ негодный черепокъ!» — кричалъ Полковникъ Барсовъ, который любилъ Наташу, какъ дитя свое.

«Домъ Городничаго былъ въ осадѣ: экипажей, народу видимо-невидимо; Городничій не допускалъ къ себѣ никого, сказавшись больнымъ; но послѣ струсилъ, да и было отъ чего, — и выслалъ человѣка—просить къ себѣ Андрея Петровича и гостей его, съ которыми протерся туда же и я.

— «Что это, батюшка Андрей Петровичь?... до сихъ поръ вы были примѣромъ доброты и кротости для всѣхъ своихъ сограждан, а теперь, кажется, вы главою бунтовщиковъ?» — «Андрей-то Петровичь добръ; онъ никогда не перестанетъ быть для своихъ сограждан примѣромъ христіанскихъ добродѣтелей; онъ не бунтовщикъ; но тебѣ надо бы

быть потрезвѣе, чтобъ имѣть время для тѣхъ, которымъ нужно съ тобою объясниться.... Гдѣ Добролюбовъ?» — проревѣлъ грозно Полковникъ Барсовъ. —«Помилуйте, господа, какое же вы имѣете право такимъ образомъ требовать отъ меня объясненіе? Вы знаете—я исполнитель законовъ Правительства, исполнитель воли высшаго Начальства: передъ вами только получилъ строгое предписаніе отъ Губернатора взять подъ стражу учителя Добролюбова и немедленно представить его въ Губернскій городъ; а почему и для чего—вовсе не знаю!»—«Какъ не знаете!» вскричалъ Правдинъ, — «а по чьему же приказанію онъ связанъ, какъ разбойникъ; развѣ это есть въ предписаніи Губернатора?» — «А, голубчикъ, да и съ тобой слѣдовало бы поступить также: вы съ преступникомъ Добролюбовымъ зарѣзали-было Скотинина; ты именно, какъ бунтовщикъ, напалъ на чиновника Полиціи — блюстителя общественнаго спокойствія;

счастливъ ты, что ушелъ, но не уйдешь отъ преслѣдованія законовъ.... Что же я за Городничій, если не буду въ своемъ городѣ искоренять зла при самомъ началѣ его?» — «А, да онъ еще разговорился.

«Оставимте его, господа! это червь, достойный одного презрѣнія; я сей-часъ ѣду къ Губернатору: тамъ все откроется; тамъ найду тайнаго врага, — найду защиту противу козней злодѣя!... Оставьте его, господа!» — говорилъ добрый Андрей Петровичь.

«Городничій, справившійся отъ ужаса, видѣлъ рѣшимость Андрея Петровича немѣдленно ѣхать въ Т....; смѣкнулъ, что онъ не будетъ уже имѣть случая просить руки дочери его, и потому, отведя старика въ другую комнату, сказалъ: Э, Андрей Петровичь, да о чемъ вы хлопочите?... не стыдно ли вамъ такъ шумѣть изъ-за-какого-нибудь учителя?... Вѣдь вы сдѣлались бунтовщикомъ:—знаете, что

васъ жестоко накажутъ законы!... Но я все забуду, назвавъ отцемъ такого почтеннаго человѣка, котораго я люблю и уважаю болѣе всѣхъ на свѣтѣ.... И такъ, вотъ видите, что нѣтъ худа безъ добра: вы будете имѣть зятемъ Городничаго — природнаго дворянина, это не то, что учитель, который вѣкъ будетъ учителемъ!» — «Довольно, довольно!» — прервалъ его Андрей Петровичъ:—«мы съ вами еще увидимся и обо всемъ переговоримъ.»

— «Злодѣй открытъ!» — сказалъ старикъ Щедровъ, вышедши къ намъ, которые съ нетерпѣніемъ ожидали развязки его разговора съ Городничимъ. — «Кто, гдѣ?» — закричали мы. — «Уйдемте скорѣе изъ этого ада!... Вы все узнаете!» — И мы, возвратившись къ Андрею Петровичу, узнали весь разговоръ его съ Городничимъ, который я уже пересказалъ вамъ.

«Трудно было удержать порывы друзей, которые истинно любили Андрея Петровича; трудно было удержать Полков-

ника Барсова. Наконецъ, кое-какъ всѣ усмирѣли, рѣшившись ѣхать къ Губернатору. И такъ, на другой день: Андрей Петровичь, Полковникъ Барсовъ, Судья, Исправникъ, Градской Глава и я съ ними, отправились въ Т....»

XXII.

Я знаю, другъ мой, что за мною
На край бы свѣта ты летѣлъ....

N. N.

«Въ Т.... мы пріѣхали, когда получено было здѣсь извѣстіе, что Наполеонъ уже вторгнулся въ Россію; всѣ были заняты этою роковою вѣстью. Андрей Петровичь отправился къ Губернатору, который принялъ насъ очень ласково; но когда узналъ за чѣмъ мы пріѣхали, то не

могъ скрыть своей горести, что не въ его власти сдѣлать для насъ что-либо; потому что Добролюбовъ, оправдавшійся въ глазахъ добраго Губернатора и оправданный имъ, глубоко чувствуя свои несчастія, рѣшился совершенно посвятить себя отечеству, и при видѣ опасности его, вступилъ въ....скій полкъ, въ званіи Юнкера. Андрей Петровичъ, услыхавши это, сказалъ съ благоговѣніемъ: » Да будетъ воля Твоя, Господи! и да будетъ надъ нимъ благословеніе Божіе!... Мой сынъ поступилъ точно такъ, какъ долженъ поступить всякой благородный сынъ отечества.«—

«Барсовъ съѣздилъ къ Полковнику Добролюбова—и мы увидѣли нашего Виктора Александровича уже не во фракѣ, а въ одеждѣ защитника нашего отечества. Не льзя описать вамъ, какъ было трогательно свиданіе Андрея Петровича съ Викторомъ.... Всѣ плакали, глядя на нихъ. а я думалъ, что уже умру въ слезахъ.—На обѣдъ мы

всѣ были приглашены къ Губернатору, гдѣ нашли Полковника и Офицеровъ того полка, въ который опредѣлился Добролюбовъ. Губернаторъ, какъ скоро увидѣлъ насъ, то подошедши, схватилъ за руку Виктора, и подведя къ Полковнику и Офицерамъ, рекомендовалъ его, какъ человѣка, въ которомъ онъ принимаетъ большое участіе и который по всей справедливости достоинъ дружбы всякаго благороднаго человѣка. — Исторія его была уже извѣстна всѣмъ; почему и приняли его всѣ съ отверстыми объятіями.

«Отселѣ путь жизни Виктора былъ уравненъ для него, какъ нельзя лучше,— и ему осталось только, благословляя Господа и молясь за друзей своихъ, служить вѣрой и правдой отечеству. — Ни одинъ Графской сынокъ не былъ отпущенъ такъ отцомъ своимъ, какъ отпустилъ его Андрей Петровичъ: кажется, онъ любезнаго Виктора своего хотѣлъ всего залить въ золото.— Полкъ Виктора отправлялся уже

въ походъ; но Губернаторъ отпросилъ его на шесть дней, съ тѣмъ, что онъ повидавшись съ своей невѣстой, догонитъ полкъ.

«Мы съ трепетомъ ожидали послѣдствій свиданія любовниковъ; но Наташа доказала, что она необыкновенная женщина: —увидѣвши Виктора, она прежде всего обратилась къ Богу; потомъ уже подошла къ другу своему—и, обнимая его сказала:—«Иди, другъ мой, куда призываютъ тебя долгъ и любовь къ отечеству; а мнѣ —слабой — остается только молиться за тебя и за родину.... Награду свою, моей другъ, получишь всегда; такіе, какъ ты, достойны великой награды отъ Бога!«—

«Викторъ Александровичъ прогостилъ у Щедрова трое сутокъ,—Наташа не устояла противу разлуки съ милымъ:—»Прощай, мой другъ!« могла только сказать она — и безъ чувствъ упала къ ногамъ его.... Викторъ былъ не лучше своей любезной; но когда хотѣли разлучить ихъ,

то они вдругъ ожили, чтобъ умереть для всего въ объятіяхъ другъ друга.... Съ трудомъ могли оторвать одного отъ другой.... Мы всѣ такъ обезсилили подъ тяжкой горестью, что сами едва могли удержаться на ногахъ.... Наконецъ Наташу отнесли въ ея комнату; Виктора усадили въ повозку—и когда бичь ямщика хлопнулъ по лошадямъ, то еще разъ Наташа показалась въ окнѣ, еще разъ мы услышали голосъ ея:—«Прощай, мой милый другъ! прощай на вѣкъ!« и голосъ умеръ, казалось, вмѣстѣ съ нею....

» Андрей Петровичь и Барсовъ сѣли въ повозку съ Викторомъ, а я съ Судьей: эти проводы были тошнѣе похоронныхъ. Никто изъ насъ не имѣлъ силы ни говорить, ни вздыхать, ни плакать. На третьей станціи мы разстались съ Викторомъ Александровичемъ; но что скажу вамъ о прощаньѣ нашемъ? — Мы разставались съ жизнью, а не съ Викторомъ!... И казалось, отъ чего бы посторонним-то такъ

было жалѣть его? — но горе Андрея Петровича было нашимъ горемъ и гораздо несноснѣйшимъ, нежели ему его собственное.... Мы возвратились въ домъ его, какъ будто въ гробъ какой — все было мертво вмѣстѣ съ нами!...

» Да! въ этомъ домѣ, въ которомъ очень не задолго все дышало счастіемъ, въ этомъ домѣ нашли мы пустоту, которая камнемъ давила грудь нашу... Андрей Петровичъ долго сидѣлъ, какъ окаменѣлый, склонясь на столъ и закрывъ обѣими руками лицо свое; наконецъ, облегчивши рыданіемъ и слезами сердце свое предъ Богомъ—сказалъ обычное свое: »да будетъ воля Твоя, Господи!«—потомъ обратился къ намъ и позвалъ съ собой къ дочери.

» Наташу нашли мы гораздо спокойнѣе; но было видно, что это могильное спокойствіе слишкомъ дорого было куплено его... Она читала Евангеліе; въ ногахъ ея сидѣлъ Барсовъ съ мученьемъ въ душѣ, выказывавшемся во всѣхъ чертахъ

блѣднаго лица его — Добрый отецъ затаилъ все въ душѣ своей: съ совершеннымъ спокойствіемъ онъ подошелъ къ Наташѣ и, поцѣловавъ въ лобъ, поздравилъ ее съ добрымъ утромъ. Она крѣпко прижала руку, отца своего къ груди и помолчавъ, сказала: — »Сегодня середа, батюшка? ... Сегодня будутъ у насъ гости?—я выду къ нимъ.«—»Да любезная дочь моя, они уже здѣсь и давно дожидаются; они сегодня у меня обѣдаютъ; если хочешь, такъ и мы съ ними будемъ обѣдать« — говорилъ Андрей Петровичь, радуясь, что нашелъ случай занять милую дочь свою.

— »Какъ, не уже ли Наташа до того была спокойна, что могла интересоваться гостями и была готова принимать ихъ?«— »О! какіе гости — это пищіе, которыхъ она всегда называла гостями своими.

» Андрей Петровичь, Судья, Исправникъ и я обѣдали съ этими гостями; а Наташа и Барсовъ, вмѣстѣ съ людьми, прислужи-

вали за столомъ. Послѣ обѣда она, одѣливъ всѣхъ деньгами, пошла въ сопровожденіи Барсова навѣстить больныхъ съ запасомъ денегъ для ихъ нуждъ.

»Съ этого времени она совершенно посвятила себя страждущему человѣчеству и Богу, какъ ея милый Викторъ посвятилъ себя отечеству.—Добрый Полковникъ Барсовъ всегда былъ съ нею, какъ тѣнь ея, какъ отецъ, неусыпно берегущій милое дитя свое, пока опасностію любезнаго отечества нашего не былъ вызванъ и онъ къ защитѣ его.—Поручивъ Богу свое милое сокровище, онъ сказалъ: »да будетъ благодать Божія съ тобою, дочь моя!«— и, не имѣя силы говорить болѣе — перекрестилъ ее, перекрестился самъ, пришпорилъ коня—и изчезъ отъ насъ, какъ изъ лука стрѣла.«...

XXII.

Ахъ! въ гробѣ мертвые спокойны!
Ихъ время горевать прошло....

N. N.

»Викторъ успѣлъ отличиться въ дѣлѣ подъ С—скомъ — и награжденъ чиномъ Подпорудчика: объ этомъ онъ самъ писалъ къ Андрею Петровичу и къ своей невѣстѣ, воскресая къ новымъ надеждамъ счастія. Потомъ получили мы письмо отъ Барсова, который въ это время былъ уже Генераломъ; онъ до небесъ превозносилъ Добролюбова и радовался за будущее счастіе милой своей Наташи. Добрый Андрей Петровичь радовался такъ же, какъ ребенокъ и мечталъ не лучше его.... Кто не любитъ мечтать и любоваться зарею счастія! Какой несчастный, блуждающій подъ мракомъ ночи, въ неизвѣстной странѣ, не былъ обольщенъ обманчивой искрой огня!...

«Непріятель былъ уже близко нашего города, и мы, не дожидаясь незваного гостя, всѣ перебрались въ наши непроходимые лѣса, оставивъ пустые домà свои не добычу врага. Вскорѣ узнали мы, что нашъ городъ занятъ полчищами Наполеона.

«Чего не разсказывали намъ наши бѣглецы, остававшіеся послѣ насъ въ городѣ: наши храмы были обращены въ конюшни нечестивыми, наша святыня была попираема преступною ногою изверговъ; не говорю уже о домахъ нашихъ, не говорю о тѣхъ, которые остались по чему-нибудь въ городѣ и попали въ плѣнъ къ злодѣямъ....

«Андрей Петровичъ, перевезши въ лѣсъ все имущество свое, самъ съ дочерью оставался въ городѣ, надѣясь, что всегда успѣетъ укрыться въ тайникахъ своего огромнаго дома, а между тѣмъ будетъ полезенъ раненымъ защитникамъ отечества.

Отецъ съ дочерью во всякомъ раненомъ видѣли своего милаго Виктора, котораго однажды и дѣйствительно имѣли счастіе принимать въ своихъ пещерахъ, напол-ненныхъ умирающими отъ ранъ.

— «Какъ можно тебѣ быть здѣсь, моя Наташа!»—говорилъ Викторъ своей невѣстѣ, указывая ей на больныхъ и судорожно сжимая ее въ своихъ объятіяхъ. — «Милый мой! мнѣ пріятно дышать здѣшнимъ воздухомъ: всякая рана, полученная за отечество, для меня святыня!... О! если бы жертвой цѣлой жизни своей я могла хоть сколько-нибудь облегчить страданія защитниковъ святаго мнѣ отечества!... Ты боишься, мой милый другъ, что меня убьетъ этотъ воздухъ?—Нѣтъ, онъ укрѣпляетъ меня для того, чтобъ быть полезною моимъ ближнимъ.»—

«Умѣла говорить Наталья Андреевна; такой умницы и не сыщешь еще; бывало, все бы слушалъ ее—такъ сердце и таетъ! Не люблю я ласкаться около женщинъ;

но бывало не могу оторвать губъ моихъ отъ руки Наташи, и бывалъ счастливъ цѣлый день, когда, бывало, она съ ангельскою улыбкой протянетъ ко мнѣ руку свою! да, цѣлый городъ почиталъ ее Ангеломъ-хранителемъ своимъ....

«Во время опасности города, или селенія, обыкновенно жители вынуждены бывали оставлять домы свои, и если вы найдете кого въ этихъ жилищахъ, то это долженъ быть или мужъ, совершенно жертвующій собою Богу и ближнимъ, или негодяй, какъ гадина, пресмыкающаяся въ пустыхъ гробахъ кладбищъ.... Такъ точно было и съ нашимъ городомъ: въ немъ оставался не одинъ Андрей Петровичъ— Ангелъ-утѣшитель несчастныхъ: тутъ оставалось еще много и негодяевъ, которые ради были случаю безнаказанно дѣлать ужаснѣйшія злодѣйства. — Такъ на примѣръ, въ одномъ изъ сосѣднихъ городовъ, въ которомъ то же ожидали Французовъ, и то же городъ, какъ и нашъ, оставался

пустымъ,—негодяи, изъ тутошнихъ же жителей, обшаривая дома и прибирая все лишнее къ рукамъ своимъ, нашли въ одномъ купеческомъ домѣ самую хозяйку, которая отъ жестокой болѣзни не могла оставить, вмѣстѣ съ семействомъ, дома своего; она знала, что ей оставалось очень мало жить на бѣломъ свѣтѣ, а потому дождаться ли смерти на одрѣ болѣзни, или встрѣтить ее подъ ножемъ убійцы—для нее было все равно; но она никакъ не думала, что ея смерть будетъ самая жестокая и отъ руки злодѣя Русскаго, варварски растлившаго свое священное названіе ужаснѣйшимъ убійствомъ!... При несчастной оставалась только ея дочь — дѣвушка лѣтъ четырнадцати, и преданная ей работница лѣтъ сорока. Злодѣи ради были, что нашли живыя существа въ богатомъ домѣ; они надѣялись, что всѣ сокровища откроются предъ ними; но сколько ни мучили работницу, дочь и самую больную — узнали только, что съ ними

нѣтъ больше десяти тысячь рублей и пудовъ трехъ ломанаго серебра, закопаннаго въ саду подъ яблонсй. Обобравши все, что можно было и зачѣмъ пришли, они при выходѣ замѣтили перстень на рукѣ больной и не могши при всѣхъ усиліяхъ снять съ опухшей руки прельстившую ихъ драгоцѣнность, они, не смотря на отчаянный крикъ дочери и работницы, не смотря на предсмертные стоны умирающей—отрѣзали палецъ несчастной!...Сдѣлавши ужаснѣйшее злодѣяніе, они не замедлили сдѣлать другое—измучили и зарѣзали всѣхъ троихъ: мать, дочь и работницу боясь, чтобъ рано, или поздно не быть обличенными и не получить достойное возмездіе своимъ злодѣйствамъ. Злодѣй и тѣни своей боится: онъ зарѣзалъ бы и ее, если-бъ только можно было. Начальникъ этой злодѣйской шайки остался одинъ на долговременное мученіе совѣсти; прочіе — кто убитъ, кто опился, кто въ плѣну погибъ, а кто безъ вѣсти пропалъ.

« Грабилинъ —имя атамана злодѣевъ — оставался безъ свидѣтеля своимъ злодѣйствамъ; но главнѣйшій свидѣтель оныхъ еще не погибъ—это совѣсть, которая преслѣдовала его вездѣ и всегда. Сдѣлавшись изъ бѣднаго мѣщанина купцомъ первой гильдіи, живя какъ Князь въ пышныхъ чертогахъ, купаясь въ золотѣ,—онъ умиралъ въ ужасныхъ мученіяхъ совѣсти: безпрестанно видѣлъ онъ призраки, которые адски терзали бѣдное сердце грѣшника:— ни постъ, ни молитва, ни милостыня, ничто не помогало. И въ семействѣ своемъ онъ не находилъ утѣшенія: единственный сынъ былъ пьяница и воръ, который безпрестанно обокрадывалъ родителей своихъ, проматывая имѣніе ихъ съ подобными себѣ развратниками; дочери его были также непотребныя дѣвчонки, изъ коихъ старшая, обокравши отца, вышла замужъ за инвалиднаго солдата; другая также безъ благословенія родителей обвѣнчалась съ господскимъ человѣкомъ — послѣдняя была

уродъ — кривая, хромая и притомъ презлая дѣвчонка. Жена его была прекрасная и преддобрая женщина; но тѣмъ мучительнѣе для него, что онъ сдѣлалъ такую женщину своею участницею въ праведномъ Божіемъ наказаніи; — боясь открыть ей свои злодѣянія—и тѣмъ облегчить хоть нѣсколько совѣсть свою, онъ мучился, какъ колдунъ передъ смертью, который, въ ужаснѣйшихъ страданіяхъ не умретъ до тѣхъ поръ, пока не передастъ своего волшебства другому; точно также и этотъ несчастный страдалъ, и не зналъ, кто бы облегчилъ его страданія; ему безпрестанно—днемъ и ночью—представлялись призраки зарѣзанныхъ имъ: то матери, которая раздирающимъ душу голосомъ умоляла пощадить ее и не рѣзать пальца,—которая умоляла, чтобъ онъ убилъ ее, но не мучилъ такъ варварски,—то являлась дочь, бросаясь на изверга, угрожая загрызть его безсильными зубами ребенка;—то вдругъ онъ видѣлъ работницу, которая

съ бѣшенымъ отчаяніемъ бросалась на него, какъ фурія, крича:» «стой, не рѣжь, пощади, злодѣй!—онѣ были твоими благодѣтелями!«... Что и говорить, батюшка, ужасныя наказанія были преступнику! — не приведи Богъ ни врагу, ни супостату!...

«Весь городъ почиталъ Грабилина больнымъ, и всѣ удивлялись, что онъ, въ теченіи десяти лѣтъ, ежедневно ходилъ въ рощу; сколько ни думали, сколько ни толковали, — но никто не зналъ истинной причины тому; а кто, бывало, осмѣливался спросить его о томъ, то онъ всегда обижался до того, что сдѣлавшаго эту нескромность навсегда уже почиталъ врагомъ своимъ и не терпѣлъ быть съ нимъ въ одномъ мѣстѣ. Въ десять лѣтъ таинственныя прогулки его созрѣли до того, что начали подозрѣвать— не кроется ли тутъ что-нибудь недостойное поведенія честнаго гражданина: Городничій, Судья, Стряпчій и Градскій Глава съ Бургомистрами отпра-

вились однажды въ эту рощу и притаились какъ можно ближе къ тому мѣсту, куда обыкновенно хаживалъ Грабилинъ. И вотъ, какъ только они успѣли пріискать себѣ мѣста, вскорѣ явился и самъ несчастный, который стерегущими его былъ еще издали замѣченъ; сперва они слышали невнятное бормотаніе съ самимъ собою; далѣе, по мѣрѣ приближенія, разговоръ его становился слышнѣе, но былъ такъ безсвязенъ, что ничего нельзя было понять изъ него; наконецъ, какъ только онъ пришелъ на извѣстное ему мѣсто, то тотчасъ, приняв видъ умоляющаго, говорилъ голосомъ мученика: «Пощади, помилуй меня, Марья Гавриловна! (имя убитой имъ купчихи). Вотъ десятый годъ прихожу всякой день два раза каяться надъ могилою твоею.... и десятый годъ ты не даешь мнѣ ни минуты покоя!... Ты сама, твоя дочь и работница—во снѣ и наяву — вы вѣчно передо мной съ вашими перерѣзанными горлами, съ твоимъ отрѣзан-

нымъ пальцемъ.... Я имѣю теперь милліонъ.... но каждую копѣйку прогнали вы раскаленнымъ углемъ сквозь сердце мое!... А жена моя!... а дѣти мои!... О! сколько мученій за трехъ человѣкъ, зарѣзанныхъ мною за кусокъ золота, который сжетъ душу мою огнемъ ада!«...

«Засѣвшіе перемигнулись между собою, и вдругъ изступленный грѣшникъ видитъ Стряпчаго: — «А, злодѣй, до сихъ поръ кровь праведная безъ отмщенія!... Но часъ твой пробилъ!... Теперь кайся!... Впрочемъ я слышалъ уже все — и не я одинъ.... Господа, пожалуйте сюда!»

«Злодѣи всегда трусливы; а этотъ злодѣй былъ уже обезсиленный совѣстью и измученный карою отъ Бога; онъ съ первыхъ словъ повалился въ ноги Стряпчаго, закричавъ: «Грѣшенъ, батюшка, грѣшенъ предъ Богомъ и людьми православными!—Марью Гавриловну Лутошкину, ея дочь и работницу я зарѣзалъ!... Здѣсь,

на самомъ этомъ мѣстѣ опѣ погребены преступною рукою убійцы ихъ!»

«Нечего вамъ сказывать объ участи несчастнаго, — онъ былъ наказанъ по закону; богатство его изчезло; злонравныя дѣти его шатаются поміру, испрашивая подъ окнами, Христа ради, кусокъ хлѣба. Жена умерла съ горя: — такъ наказываются злодѣянія въ здѣшнемъ свѣтѣ; вѣрно и въ будущемъ не лучшая участь ожидаетъ ихъ.

«Простите, батюшка, я заболтался и прилѣпилъ къ разсказу объ Андреѣ Петровичѣ вовсе постороннюю исторію; но это для-ради примѣра, что не въ одномъ нашемъ городѣ были злодѣи, которые хуже Француза грабили и варварски убивали своихъ.—Я сказалъ, батюшка, что въ нашемъ городѣ оставалось много своихъ злодѣевъ, изъ числа коихъ былъ злѣйшимъ извергомъ сынъ няньки Наташиной, котораго Андрей Петровичъ нѣсколько разъ избавлялъ отъ солдатчи-

ны. Этотъ негодяй зналъ, что Андрей Петровичь и съ дочерью оставались въ городѣ, который почти безъ обороны былъ взятъ непріятелемъ. Наши негодяи достались въ добычу завоевателю; когда привели ихъ къ допросу, то Терешка (сынъ няньки) узналъ, въ одномъ изъ допрашивавшихъ его, давнишняго своего знакомца—Французскаго Графа—жениха Наташи, который теперь былъ Полковникомъ въ арміи Наполеона и который чрезвычайно обрадовался, нашедши въ Терешкѣ давнишняго, достойнаго себя своего знакомца. Злодѣй, обогащенный злодѣемъ, открылъ убѣжище своего благодѣтеля.... Французъ — не помню его фамиліи—какъ тигръ напалъ на кроткихъ агнцевъ: Андрея Петровича онъ отдалъ въ добычу своимъ солдатамъ, которые, взявши, хотѣли пыткою вымучить, чтобы онъ открылъ имъ, гдѣ скрылъ онъ богатство свое. Трудно было вырвать безчувственную Наташу изъ объятій отца

ея, который все, даже самого себя, отдавалъ на жертву извергамъ, только бы пощадили его сокровище; но когда, не смотря на его отчаянныя мольбы, несчастную оторвали отъ ея защитника, — то вдругъ слабый старикъ съ силою льва бросился на похитителя; яростный и отчаянный крикъ его пробудилъ отъ смертнаго сна милую дочь — и она взглянула, чтобъ видѣть отца своего, который, проколанный штыками варваровъ, палъ къ ногамъ своей дочери!... Несчастная Наташа—мертвая была похищена злодѣями, которые не долго радовались добычѣ своей: — тотчасъ увѣрились, какъ скоро она очувствовалась, что разсудокъ ея умеръ навсегда!... Бѣдная была брошена, и скиталась въ арміи непріятелей, служа ужасною, достойною злодѣевъ, забавою.

«Наконецъ она какъ-то попала въ нашу армію. — Генералъ Барсовъ, прохаживаясь однажды въ станѣ своемъ и мечтая о добрыхъ своихъ пріятеляхъ, о

милой Наташѣ — вдругъ увидѣлъ вдали толпу солдатъ, и спросивши одного идущаго изъ этой толпы, онъ узналъ, что солдаты собрались вокругъ сумасшедшей. Увлекаясь любопытствомъ, Барсовъ подошелъ къ толпѣ, которая съ благоговѣніемъ разступилась передъ нимъ — и онъ очутился съ глазу на глазъ съ сумасшедшей.... Наташа, какъ только увидала его, вдругъ присмирѣла, и приложа руку ко лбу, какъ будто что-то припоминала себѣ.... Но что сдѣлалось съ Генераломъ?... Если-бъ въ одинъ мигъ разразились устремленныя на одного его всѣ орудія полчищъ Наполеона — существованіе его и тогда не уничтожилось бы такъ, какъ въ эту убійственную для него минуту. Онъ узналъ въ сумасшедшей дитя сердца своего — свою милую Наташу! Опомнившись, онъ бросился къ ней, сжавъ крѣпко въ своихъ объятіяхъ.... и тутъ подчиненные его увидѣли, что и Начальникъ такой же человѣкъ, съ та-

кими же слабостями, какъ и всѣ смертные. Барсовъ рыдалъ, какъ ребенокъ, обливая слезами свое сокровище. Бѣдная Наташа — то умоляла его пощадить отца своего, то звала на помощь къ себѣ своего Виктора, чтобъ онъ избавилъ ее отъ варваровъ, то вдругъ видѣла кровь обожаемаго отца своего, приходила въ бѣшенство — и проклинала всѣхъ, какъ убійцъ несчастнаго. При звукахъ голоса Барсова она умолкала и казалось прислушивалась къ чему-то, что было знакомо сердцу ея; но никакъ не могши припомнить, она опять впадала въ прежнее разстройство; опять плакала и смѣялась, не зная чему. — Генералъ употреблялъ всѣ средства, какія только нѣжный отецъ можетъ изыскать, чтобы спасти дочь свою: собраны - были лучшіе доктора изъ всей арміи, которые всѣ единогласно объявили, что одно только время и Богъ могутъ изцѣлить несчастную. Съ душою, разтерзанной безнадежною скорбію, Барсовъ от-

правилъ Наташу въ свою Харьковскую деревню.»

XXIII.

Твой міръ, увы! могилы міръ печальный,
И страшенъ для живыхъ....

N. N.

»Добролюбовъ, не зная своего несчастія, былъ счастливъ на полѣ брани: Полковничьи эполеты и крестъ Св. Георгія были наградою его храбрости и благоразумія; но ужасная тоска змѣей сосала сердце его, и онъ хотя и всегда былъ ласковъ съ подчиненными и хорошъ съ товарищами, но никто и никогда не видалъ улыбки на мрачномъ лицѣ его. Внѣ должности, онъ не жилъ въ здѣшнемъ мірѣ; всегда угрюмъ, всегда молчаливъ, вѣчно одинокъ, онъ казался живымъ мертвецомъ среди людей,

кипящихъ жизнію; одна только битва съ врагомъ раздувала искру жизни, далеко затаенную въ сердцѣ его, — и эта искра при звукѣ брани становилась пламенникомъ, угрожающимъ гибелью врагамъ отечества. Прекращалась война — и нашъ герой съ прежнею безжизненностью возвращался въ станъ свой. Начальники и товарищи Добролюбова употребляли всѣ средства, какія только могутъ изобрѣсть любовь и привязанность къ человѣку, вполнѣ заслуживавшему ихъ братское расположеніе; наконецъ, видя тщетность своихъ усилій, они оставили его въ покоѣ, уважая безвѣстную имъ скорбь добраго служивца своего. При свиданіи только съ Барсовымъ, которое бывало очень рѣдко, какой-то лучъ жизни пробѣгалъ по лицу его; но это была молнія, которая, проблеснувъ во мракѣ ночи, дѣлала его болѣе непроницаемымъ, болѣе ужаснымъ.

«Барсовъ не зналъ, что дѣлать; перебиралъ всѣ способы, чтобы легче открыть

Виктору несчастіе Наташи — и всѣ способы не годились, какъ только онъ съ однимъ изъ нихъ хотѣлъ приступить къ другу своему. Однажды, когда Генералъ сидѣлъ въ ставкѣ своего друга, придумывая какимъ бы образомъ начать говорить ему,— и только что началъ-было отъ Каина, убившаго брата своего Авеля — въ головѣ его вился цѣлый рой несчастливцевъ, потерявшихъ нѣкогда въ неслыханныхъ бѣдствіяхъ женъ и дѣтей, и сидѣвшихъ безъ ропота на гноищахъ, — только-было началъ Его Превосходительство, хотя съ слезами на глазахъ, но съ улыбкою самодовольствія, свою мудрую рѣчь, — вдругъ мечтатель проснулся и прервалъ нашего оратора...» Да, Генералъ, я нынѣшнюю ночь видѣлъ страшный сонъ, ужасный сонъ!... — «Что же ты видѣлъ, другъ мой?» — спросилъ Генералъ, видя, что Викторъ, наклонившись на руку, опять погрузился въ думы. — «Вы помните, Генералъ, Наташинъ сонъ?... я во снѣ очу-

тился подлѣ ея скалы; ужасныя тучи закрыли весь горизонтъ неба — и я видѣлъ скалу во время блеска молніи; я чувствовалъ трепетъ скалы, готовой ринуться въ пучину клокотавшаго моря, подъ гнѣвными ударами неба; я призывалъ свою Наташу, зная, что она должна быть на этой бѣдственной скалѣ.... но кто-то говоритъ мнѣ: « Наташа не твоя— она Божія! » — Вдругъ блеснула молнія— и я увидѣлъ подъ ногами у себя трупъ милой!...»

— « Да, нечего сказать, страшный сонъ,—но, вѣдь сны бываютъ по качеству воображенія; — а, можетъ быть, чрезъ него Богъ хочетъ приготовить васъ къ испытанію...» Но видя, что Викторъ опять задумался и ничего не слышитъ, онъ и самъ было хотѣлъ задуматься — и въ этомъ не успѣлъ.

— « Сердце мое чувствуетъ — я не увижу Наташи моей!...» — говорилъ Викторъ сквозь тоску, противъ которой не могло

устоять и храброе сердце Генерала. — «Нѣтъ, вы увидите ее» — говорилъ трепещущимъ голосомъ Барсовъ. Тутъ разсказалъ онъ Виктору о настоящемъ состояніи Наташи.... Можно представить себѣ, какъ принялъ это несчастный Викторъ!... Цѣлый годъ, по окончаніи борьбы съ врагомъ Россіи, Викторъ жилъ въ деревнѣ Барсова, — и добрый Генералъ, какъ за дѣтьми, ходилъ за несчастными любовниками. Наконецъ Барсовъ и Добролюбовъ, по совѣту медиковъ, привезли Наташу на ея родину. Всѣ граждане, какъ будто чудомъ какимъ, въ одинъ мигъ собрались, окружили карету Барсова — и вотъ надо было видѣть, когда насчастную свою благодѣтельницу увидѣлъ народъ.... Всеобщій стонъ и плачь до того были сокрушительны, что лучше бы не родиться, нежели быть свидѣтелемъ такого убійственнаго произшествія.

«Несчастная вообразила, что она стоитъ предъ пищими, и припявши Барсова за

отца своего, съ нѣжностію попросила у него денегъ; обрадованный другъ ея, тотчасъ представилъ ей нужное количество. И тутъ забыли всѣ сумасшедшую въ своей благодѣтельницѣ: бѣдные и богатые, духовные и дворяне — всѣ бросились, тѣсня другъ друга, за ея милостыней, которая и теперь хранится у всякаго, какъ святыня, какъ знаменіе благословенія Божія. Подавая милостыню, она по обыкновенію, каждому говорила что-нибудь или въ назиданіе, или въ утѣшеніе — что у всякаго также до гроба останется въ душѣ его. Когда всѣ уже получили милостыню отъ нее, тогда подошелъ къ ней Генералъ, прося, чтобы она дала что-нибудь и ему. Наташа задумалась, поглядѣла вокругъ себя и — взглянувши на Барсова сказала: «Для васъ довольно и меня самой!» — Добрый Генералъ не зналъ что дѣлать отъ радости; онъ взглянулъ на небо — и клялся Всемогущимъ, что до гроба не оставитъ своего сокровища....

«Всѣ плакали, всѣ говорили, не зная сами о чемъ и что; одинъ только Викторъ оставался въ бездѣйствіи, съ вѣчнымъ молчаніемъ въ устахъ, съ вѣчною смертью въ глазахъ....

»Наташа была введена въ ту комнату, въ которой она съ отцомъ оставалась ухаживать за больными, потому что это одно жилье и оставалось изъ всего огромнаго дома, цѣлымъ, глубоко находясь въ землѣ и имѣя сообщеніе съ главнымъ строеніемъ только чрезъ глухую каменную лѣстницу; прочее зданіе, какъ вы видѣли, было сожжено злодѣями. — Какъ скоро несчастная вступила въ то мѣсто, гдѣ такъ ужасно разлилось надъ ней—испытаніе Всевышняго,—казалось, весь умъ ея возвратился къ ней: она вспомнила все и какъ мертвая пала на помость, облитый кровью отца ея; но когда Генералъ поднялъ ее, чтобъ вынести изъ этого горестнаго и роковаго для нея жилища — она вдругъ возвратилась къ чувствамъ и, ка-

жется, къ разуму;—и съ рѣшительною силою воли сказала: »Оставьте меня, друзья мои, здѣсь... я не пойду отселѣ до моей смерти!«—Тутъ всѣ уже ясно видѣли, что разсудокъ ея возвратился къ ней—и всѣ со слезами умоляли, чтобы она избрала приличнѣйшее жилище, а особливо добрый другъ и истинный отецъ ея — Генералъ Барсовъ,—какихъ не употреблялъ онъ средствъ, чтобы вызвать милую Наташу свою къ счастію. Онъ отдавалъ ей все свое имѣніе, указывая на красавца Виктора, съ которымъ, по его мнѣнію, ея жизнь процвѣтала бы раемъ. Она, какъ будто, не слыхала ничего, безпрестанно говоря: »Такъ Богу угодно, и я ли дерзну противиться волѣ Его?«— и вдругъ опять впала въ прежній родъ сумасшествія: то говорила, что она видитъ своего отца, которому она ужасно клялась не оставлять его до смерти свой; то плакала, какъ ребенокъ, жалуясь на жестокость людей, которые хотятъ отнять у ней послѣднее ея

утѣшеніе; то клялась Виктору, что она его любитъ больше прежняго,—но что не въ ея власти принадлежать ему; потомъ утѣшала его, какъ мать милое дитя свое, называя его всѣми нѣжнѣйшими именами; то плакалась на судьбу свою, говоря, что вовсе не по силамъ ея тяготѣетъ надъ нею крестъ Божій.... Во все это время бѣдный Викторъ стоялъ, какъ мертвый: ни слезинки въ глазахъ, ни вздоха въ груди—ничто не облегчало горести несчастнаго!...

»Генералъ и граждане, по совѣту между собою, оставили Наташу въ домѣ ея родителя; дочери богатѣйшихъ купцовъ нашихъ сами изъявили желаніе поочередно прислуживать Наташѣ. Генералъ и Викторъ жили противъ ея дома; они также въ свою очередь почти не отходили отъ своего милаго сокровища.

»Наташа всегда молчалива,—и, кажется, припадки сумасшествія миновались; въ церкви мы видимъ ее каждый день и за всякой службой; посѣтителей она прини-

масть ласково,—но вмѣсто разговора подаетъ имъ какую-нибудь изъ Божественныхъ книгъ, — и сколько бы ни читали, она не перестаетъ слушать съ видимымъ удовольствіемъ; въ это время какая-то неземная радость бываетъ видна на ангельскомъ лицѣ ея. Весь городъ нашъ почитаетъ ее святою и молитвенницею своею предъ Богомъ.

»Спустя три года какъ Наташа поселилась въ нашемъ городѣ, она лишилась своего Виктора, который, не переставая быть угрюмымъ, сохъ какъ травка со дня — на день, но былъ все на ногахъ. Однажды Генералъ и Викторъ были чрезвычайно удивлены и обрадованы приходомъ къ нимъ Наташи: это былъ первый ея выходъ къ нимъ, который едва не стоилъ жизни бѣдному Виктору, а Генералъ чуть-чуть съ ума не сошелъ. Въ первый еще разъ въ этомъ жилищѣ скорби проявилась улыбка радости на помертвѣлыхъ лицахъ его обитателей, давно

раззнакомленныхъ съ счастіемъ жизни сей... Но это счастіе было предвѣстіемъ кончины Виктора Александровича. Два дня Наташа не разставалась съ своими друзьями, и во все время этихъ двухъ дней Викторъ такъ былъ счастливъ съ своею милой Наташей, что плакалъ какъ дитя; но когда Наташа стала напоминать ему о смерти и замѣчать ему, что онъ слишкомъ недалекъ отъ нее, то онъ съ радостію младенца сказалъ, что давно ждетъ эту гостью, какъ такое счастіе, которое онъ одно почитаетъ вѣрнымъ.... И дѣйствительно, на третій день Наташинаго посѣщенія, онъ, напутствуемый Св. Дарами Искупителя нашего, приложился къ другу и благодѣтелю своему, и съ радостію, какъ утомленный странникъ, отправился въ свою отчизну... Викторъ Александровичъ уснулъ вѣчнымъ сномъ праведника въ объятіяхъ друзей своихъ и своей милой Наташи...

»Лишившись друга своего, Наташа въ первыя минуты не устояла, чтобы не от-

дать долгъ природѣ; но когда облегчила тоску свою слезами, тогда, перекрестившись, сказала: »Господи, я слаба, очень слаба!... Даждь мнѣ силу посвятить съ этого времени всю жизнь мою Тебѣ только одному!«—И дѣйствительно—съ смертію друга ея все человѣческое, если это еще было въ ней, казалось изчезло навсегда; но для нее оставался еще крестъ, еще лишеніе, не меньшее перваго. Наташѣ суждено было пережить всѣхъ близкихъ, всѣхъ родныхъ сердцу ея....

»Потеря Добролюбова убила старика Барсова до того, что онъ не только не могъ утѣшить Наташу, но едва и самъ не отправился вслѣдъ за своимъ другомъ, въ которомъ онъ потерялъ все, что сирую жизнь его дѣлало пріятною; онъ потерялъ сослуживца, который былъ участникомъ его славы въ великихъ отечественныхъ событіяхъ, съ которымъ онъ дѣлилъ и горькое и сладкое, съ которымъ любилъ говорить о произшествіяхъ знаменитой

войны, и до того увлекался неистощимыми разсказами, что часто онъ кричалъ и командовалъ, какъ будто въ полѣ надъ непріятелемъ. Случалось, батюшка, и мнѣ видѣть его въ этомъ разсказѣ,—такъ вотъ, бывало, волосъ дыбомъ и станетъ!.... какъ, бывало, говоритъ, говоритъ — да вскочитъ, да закричитъ? »Стройся!— Пали!....« А Викторъ Александровичь только улыбается,—а онъ-то бѣгаетъ, кричитъ,—бывало, и въ углу-то мѣста не найдешь, а съ самаго-то потъ такъ вотъ градомъ и валитъ. Викторъ Александровичь, бывало, замѣтитъ, что старикъ ужь изъ силъ выбился, то и начнетъ раскликать, да бьется, бьется, насилу раскличетъ его—и Барсовъ безъ силъ грянется на постель; тутъ Добролюбовъ начнетъ разсказывать свои произшествія: — то-то, бывало, есть чего послушать; а добрый старикъ, бывало, слушая, и плачетъ и смѣется и обнимаетъ Виктора.... Привыкли, батюшка, они другъ къ другу и

любили же одинъ другаго; бывало отлучится ли изъ нихъ кто-нибудь, что случалось очень рѣдко, то другой не знаетъ ужь куда и дѣться съ тоски, какъ будтобы онъ потерялъ душу свою....

Судите же сами, каково было старику Барсову потерять Виктора и на весь остатокъ жизни его?... »Другъ мой!«—кричалъ какимъ-то страшнымъ воплемъ Генералъ:—« зачѣмъ щадила меня пуля вражія?... Въ тридцати сраженіяхъ былъ я — и дряхлый старикъ пережилъ своего Виктора!... Долго ли я, одинокій, буду бродить въ этой ужасной пустынѣ?«...— »Другъ мой, мой благодѣтель! вспомни, что ты не одинъ, что я съ тобой, что ты долженъ еще жить для меня!«—говорила задыхающимся голосомъ Наташа, крѣпко сжимая въ своихъ объятіяхъ неутѣшнаго старика:—»Да, мой другъ, я долженъ жить!... я буду жить для тебя!... но мнѣ хотѣлось, чтобы онъ остался тебѣ.... Богу угодно иначе, да будетъ Его святая во-

ля!«.. такъ говорилъ старикъ изъ глубоко растерзанной души.

«Возвративши земное землѣ, Наташа опять затворилась въ кельѣ своей, жизнь ея опять потекла прежнимъ порядкомъ. Барсовъ вѣчно угрюмый, вѣчно молчаливый, проводилъ съ этого времени жизнь свою подлѣ Наташи, въ чтеніи Божественныхъ книгъ, прерывая занятіе свое тяжкими вздохами. Онъ былъ и нѣжнымъ отцемъ и усерднымъ слугою своего ненагляднаго сокровища и единственнаго утѣшенія, которое еще дѣлало сносною жизнь его.

«Наконецъ не стало и Барсова,—сбросилъ и онъ тяжкую ношу свою, радуясь, что глаза его закроются рукою милой Наташи. Дряхлый старецъ трепеталъ отъ мысли, что онъ переживетъ ее; но Богъ услышалъ молитву добродѣтельнаго, и не далъ ему креста свыше силъ его.

«Десятью годами пережилъ Барсовъ друга своего Добролюбова, и во всѣ де-

сять лѣтъ не было ни минуты, въ которую бы онъ забылъ потерю свою.—Имѣніе свое онъ за годъ продалъ, а наличныя отдалъ въ Опекунскій Совѣтъ, и завѣщаніемъ укрѣпилъ все своей Наташѣ, по смерти которой все оставшееся должно быть раздано по монастырямъ, церквамъ и богодѣльнямъ. Исполненіе воли его поручено Градскому Магистрату.

«Еще разъ человѣчество прогпянуло скорбью на лицѣ Наташи; еще разъ было видно изъ нее, что человѣкъ — все человѣкъ, пока не сброситъ тяготящее иго плоти. Наташа потеряла послѣдняго друга, близкаго сердцу своему; она чувствовала всю тягость одиночества въ неизмѣримой для нея пустынѣ этого свѣта, — и плакала надъ трупомъ друга своего, какъ плачетъ всякой человѣкъ, сдѣлавшій столь великую потерю.

«Съ потерею всего роднаго, всего близкаго душѣ, Наташа перестала совсѣмъ жить для себя; съ потерею послѣдняго

друга, она совершенно посвятила себя ближнимъ и Богу:—ни одинъ несчастный не выходилъ отъ нее безъ помощи, безъ совѣтовъ христіанскихъ: сколько семействъ она исхитила отъ бѣдности; сколько сиротъ пристроила къ мѣстамъ! Ни одно бѣдствіе въ цѣломъ уѣздѣ нашемъ не укрылось отъ ея бдительнаго ока безъ того, чтобъ она на крыльяхъ христіанской любви не летѣла на помощь къ несчастнымъ!.... О, это настоящій Ангелъ-хранитель нашего города.

«Такъ и быть — разскажу вамъ одно происшествіе, чтобы лучше познакомить васъ съ Наташей:—У насъ въ городѣ померъ одинъ бѣдный дворянинъ, оставивъ послѣ себя двухъ маленькихъ сыновей и трехъ взрослыхъ дочерей; мать ихъ давно лежала на смертномъ одрѣ, вмѣсто облегченія увеличивая собою несчастія дѣтей, которые при отцѣ, служившемъ до самой смерти, не знали никакой нужды, которые были богаты только отцемъ и которые съ

смертію его остались въ добычу ужасной бѣдности и тѣмъ болѣе ужасной, что они нисколько не были приготовлены къ ней. Что оставалось дѣлать взрослымъ барышнямъ, учившимся только музыкѣ и танцамъ? Сначала онѣ кое-что продавали—и такъ прожили два горестныхъ для нихъ года, за которыми наступили бѣдственнѣе и безъ надежды: — продавать имъ было нечего; родные, друзья, знакомые давно ихъ оставили и забыли—и всѣ ихъ забыли!... И кто осудитъ ихъ, когда несчастныя рѣшились уже сдѣлать безчестнымъ ремесломъ красоту свою....

«Нашлось много охотниковъ, потому что барышни были удивительныя красавицы. Въ первый вечеръ, когда явились къ нимъ копельковые вздыхатели, и несчастныя стояли на краю гибели,—вдругъ, какъ съ небесъ упала, посреди ихъ Наташа!...И смѣхъ и дерзость и безстыдство — все изчезло, уступивъ мѣсто безмолвному удивленію, робости и стыду....

Что жь бы вы думали, что она сдѣлала?— До того усовѣстила дерзкихъ покупателей красоты, что они у ногъ ея поклялись жениться на своихъ красавицахъ, которыхъ она отдаетъ имъ съ приданымъ отъ себя, невинными и достойными лучшихъ женіховъ.

» Въ самомъ дѣлѣ, нашъ городъ удивленъ былъ вдругъ тремя свадьбами бѣднѣйшихъ невѣстъ и богатыхъ жениховъ; наконецъ узнали, кто былъ причиною этой нечаянности—и злые языки, готорые все заразить ядомъ своимъ, умолкли, какъ умолкаетъ шипѣніе гадовъ при появленіи солнца. Такову силу имѣетъ у насъ Наташа, что и злѣйшій порокъ въ сердцѣ закоренѣлаго грѣшника изчезаетъ при ней, уступая мѣсто раскаянію и добродѣтели! Зоркое око ея такъ сторожитъ ближнихъ своихъ отъ бѣдъ, что нѣтъ ни одного несчастнаго, котораго бы она не облегчила участи прежде, нежели кто-нибудь замѣчалъ его.... И до того всѣ боготворятъ

ее, что не было еще ни одного такого дерзкаго, который бы не терялся и не робѣлъ въ ея присутствіи... Чудное дѣло! до сихъ поръ никто не можетъ вынести огненнаго взгляда ея! я, кажется, и привыкъ уже къ ней, только что она не дочь моя, — а и то, какъ только увижу ее, глаза мои такъ вотъ и приростаютъ къ землѣ. —

« Теперь три сестры, выданныя ею замужъ, живутъ—блаженствуютъ: всего у нихъ много, мужья красавцы и любятъ ихъ безъ души. Братья ихъ, отданные Наташей въ Губернскую Гимназію, кончили науки свои очень хорошо, и теперь съ честію служатъ Государю своему, благословляя свою благодѣтельницу.... Да, батюшка, я не знаю, кто бы дѣлалъ столько добра, какъ Наташа, и за кого бы такъ много и такъ усердныхъ молитвъ возсылалось къ Богу, какъ за Наташу!...

« Теперь Наташа чрезвычайно рѣдко

куда-нибудь выходить — и выходъ ея почитается признакомъ какого-нибудь необыкновеннаго произшествія.

— »Какъ, развѣ Наташа еще жива?«—

»Какъ же, батюшка, Богъ еще милостивъ къ намъ—и хранитъ для насъ наше красное солнышко.«

— »Скажите же, гдѣ она теперь живетъ? я не замѣтилъ ни одного слѣда человѣческаго на всемъ дворѣ Щедрова; да и кромѣ развалинъ, я не видалъ ни одного жилья, годнаго для человѣка?«

»Она живетъ въ этомъ же домѣ, внизу котораго прежде была потайная кладовая; изъ этой кладовой во время непріятеля Андрей Петровичъ сдѣлалъ удобное жилье для раненыхъ защитниковъ отечества, и гдѣ думалъ пробыть съ пользою своимъ соотечественникамъ— и гдѣ такъ вѣроломно былъ преданъ однимъ изъ нихъ. Не мудрено, что вы не замѣтили слѣда человѣческаго къ этому жилищу: къ Наташѣ ходятъ чрезъ заднюю

калитку садомъ—и вотъ почему вы этого не видали.«

— »Благодарю васъ, любезнѣйшій, Гаврило Ѳедотовичъ, за вашъ разсказъ. Признаюсь—отъ меня очень интересуетъ,—и мнѣ бы очень хотѣлось знать участь всѣхъ, занимавшихъ роли въ исторіи Наташи: вы меня очень одолжите, удовлетворивъ моему любопытству и тому участію, которое я принимаю въ судьбѣ вашей Наташи.«...

»Ахъ помилуйте, батюшка, мнѣ такъ пріятно говорить съ вами, какъ будто я медъ пью.... Но простите меня великодушно!—я, по старости лѣтъ моихъ, кое-что и забылъ.... да вотъ, кажется, я не разсказалъ вамъ ни о нянькѣ, ни о Городничемъ, ни о Французѣ;— начну же вамъ съ няньки:— вы помните, что она уговаривала Наташу идти съ нею за городъ; вы помните, что она совѣтовала ей ѣхать съ этимъ злодѣемъ. Какъ скоро

басурманъ схватилъ Наташу и какъ вихорь умчался съ нею, — пянька осталась на мѣстѣ; но вдругъ, услыхавши крикъ ребятишекъ, она и сама закричала, и изуродовавши свое лице, растрепавши волосы, какъ сумасшедшая прибѣжала на дворъ Андрея Петровича; но вѣсть, что Наташа спасена—была для нее роковою; ее насилу привели въ чувство; но никакъ не могли остановить ее отъ крика сумасшествія и ужасныхъ проклятій самой себѣ. Барсовъ былъ свидѣтелемъ всѣхъ этихъ произшествій; онъ прибралъ злодѣйку къ своимъ рукамъ, и вытянувъ изъ нее формальное признаніе всѣхъ ея пакостей, хотѣлъ предать ее суду; но добрый Андрей Петровичь спасъ ее, однакожь не хотѣлъ, чтобы она долѣе оставалась въ его домѣ: почему, купивши ей домикъ, наградилъ ее и отпустилъ съ миромъ. Вотъ какъ Андрей Петровичь наказывалъ враговъ своихъ — и вотъ какъ облагодѣтельствованные имъ платили ему за его

благодѣянія! Несчастная жила у насъ съ того времени, какъ проклятая, отъ которой всѣ бѣгали, какъ отъ чудовища, и она съ отчаянія и тоски, вдавшись въ пьянство, кончила жизнь свою безъ покаянія... Такъ наказывается грѣшникъ, закоренѣлый въ порокахъ и злодѣяніяхъ!... Сыновья ея: — двое, отданные въ солдаты, бѣжали изъ полку, обокрали церковь и, пойманные, наказаны и сосланы въ каторжную работу; третій изъ нихъ, который былъ предателемъ Андрея Петровича, жилъ очень богато, содержа трактиръ въ нашемъ городѣ; никто не зналъ объ его злодѣйствахъ, кромѣ Наташи: но онъ былъ увѣренъ, что она скорѣе подвергнется всѣмъ ужасамъ возможныхъ бѣдствій, нежели рѣшится сдѣлать врагу своему какое нибудь огорченіе, — онъ слишкомъ зналъ святое сердце Наташи — и былъ спокоенъ, имѣя такого молчаливаго свидѣтеля своимъ разбойническимъ поступкамъ. Однажды въ его трактирѣ случился

шумъ между пьяными и драка; хозяинъ хотѣлъ-было одного изъ буяновъ вытолкнуть; но толкнулъ такъ несчастливо, что тотъ, упавши съ лѣстницы, проломилъ себѣ високъ—и хоть бы дохнулъ, такъ жестокъ былъ ударъ!... Несчастный долго содержался въ тюремномъ замкѣ — и при допросѣ, чувствуя грядущій на себя гнѣвъ Божій, признался, что онъ причиной смерти Щедрова, и что въ смутное непріятельское время онъ зарѣзалъ своими руками старика Булатникова, допытываясь, гдѣ сокрылъ онъ богатство свое; зарѣзалъ помѣщицу вдову и двухъ дочерей за деньги, которыя онѣ не хотѣли уступить ему добровольно; — однимъ словомъ: онъ повинился въ семидесяти душахъ, принесенныхъ въ жертву его адскому корыстолюбію!...

» Несчастный вытерпѣлъ ужасивѣйшее законное наказаніе — и не умеръ, чтобъ жить и каждую минуту терзаться тысячами мученій. Изъ его-то признанія узна-

ли о всѣхъ подробностяхъ мученической кончины Андрея Петровича, о чемъ отъ Наташи до сихъ поръ нѣтъ никакого извѣстія. Она не только не обвиняла несчастнаго, но еще ходатайствовала облегчить участь его!... Такъ погибъ послѣдній сынъ Наташиной няни! Какъ не повторить при этомъ: такъ наказывается грѣшникъ, закоренѣлый въ порокахъ и злодѣяніяхъ!... Тяжко вспоминать злодѣянія ближнихъ нашихъ; ибо они одна плоть и кровь со всѣми нами... и злоба одного человѣка есть свойство, болѣе или менѣе, каждаго изъ насъ... и грѣхъ одного есть пятно цѣлаго человѣчества, которое обильными слезами должно смывать съ лица своего предъ любящимъ насъ—Отцемъ Небеснымъ!... И какъ не сказать, что мы, осуждая ближняго, осуждаемъ себя самихъ предъ Небеснымъ Правосудіемъ!«...

— »Ну, а гдѣ теперь Городничій вашъ, который сватался за Наташу?«—»Онъ дав-

но померъ. Имѣніе, какъ я вамъ сказывалъ, онъ все промоталъ; хотѣлъ поправиться извѣстнымъ уже способомъ, но онъ не удался, даже былъ со вредомъ ему: Губернаторъ, принявшій участіе въ Добролюбовѣ, все розыскалъ, всѣ плутни и всѣ злодѣйскіе замыслы обнаружилъ чрезъ умнаго и дѣятельнаго своего чиновника. Городничій былъ лишенъ мѣста; но счастливъ онъ, что дальнѣйшія послѣдствія остановились тогдашними смутными обстоятельствами. Три года шатался онъ, не имѣя куска хлѣба, ни пристанища и вѣчно пьяный; наконецъ нашли его мертвымъ въ кирпичныхъ ямахъ за городомъ.— Квартальный же и теперь шатается у насъ въ городѣ, также безъ мѣста и безъ куска хлѣба, проклиная виновника своего несчастія, и если бы Наташа не помогала ему, то онъ давно бы умеръ съ голода съ своимъ большимъ семействомъ. Достойный сотрудникъ Квартальнаго, письмоводитель, каверзникъ, отставленный отъ

мѣста, вступилъ въ ополченіе и пропалъ безъ извѣстія. О солдатахъ и говорить нечего: они наказаны палками и объ нихъ забыли. Учитель же Скотининъ, бывши на охотѣ, укушенъ своею бѣшеною собакой и издохъ мучительною смертью.

»Остается сказать вамъ кое-что о Французѣ, отъ котораго начались и которымъ кончились бѣдствія Андрея Петровича.— Вотъ что разсказывалъ мнѣ объ немъ покойникъ Барсовъ: »Однажды я шелъ съ своей дивизіей къ М... и, отдѣлившись отъ нее, я былъ далеко впереди; подлѣ меня ѣхалъ мой Добролюбовъ съ вѣчнымъ мракомъ на лицѣ; его угрюмость часто дѣлала и меня угрюмымъ,—и я нѣсколько разъ пытался заманить въ разговоръ моего друга; но видя безуспѣшными самыя сильнѣйшія со всѣхъ сторонъ нападенія,—я и самъ насупился, да такъ, что мнѣ даже самому страшно стало. Долго мы ѣхали въ безмолвіи и, должно быть, одинъ другаго страшнѣй; вдругъ слышу

докладъ, что въ деревнѣ, которая уже была въ виду у насъ, замѣчено необычайное стеченіе народа; я, пробудившись отъ своихъ думъ, только что хотѣлъ распорядиться приказаніемъ—узнать что это такое,—какъ вдругъ вижу, что Виктора нѣтъ уже со мною: онъ уже былъ далеко, несясь какъ стрѣла къ этой деревнѣ; думать было некогда,—пустился и я вслѣдъ за моимъ другомъ.... Когда я прискакалъ въ деревню, то мой Викторъ былъ уже въ толпѣ крестьянъ. Подъѣзжаю — и что же?... Проклятый Французъ—похититель Наташи лежитъ убитый, въ крови, полузамерзшій и надъ нимъ толпа нашихъ мужиковъ съ дубьемъ и рогатинами.... Мой добрый Викторъ все забылъ: онъ видѣлъ только одно страждущее человѣчество и бросился на помощь къ несчастному; осторожно, на своихъ плечахъ, перенесъ онъ его въ теплую избу, куда тотчасъ призванъ былъ лѣкарь, который, перевязавши раны врага, объявилъ, что

онѣ смертельны, и что еще бы нѣсколько минутъ — и онъ погибъ бы отъ Русскаго мороза, который и съ своими не всегда любитъ шутить, а съ незванными гостьми вовсе не умѣетъ любезничать. — Мы узнали, что этотъ Французъ былъ приведенъ въ эту деревню казаками, и полуживой отъ мороза былъ брошенъ нашимъ мужикамъ съ прочими плѣнниками. Мужички видно порядкомъ разочлись съ нехристями. Оставался только одинъ — и это нашъ знакомецъ; изуродованный, онъ просилъ смерти, какъ благодѣянія.... Добролюбовъ, прискакавшій къ толпѣ, тотчасъ узналъ несчастнаго и въ глубинѣ души своей воздалъ благодареніе Господу Богу, что Онъ удостоилъ его быть полезнымъ врагу. — Истекшій кровію и обезжизненный морозомъ, Французъ потерялъ и послѣдніе признаки жизни, какъ скоро былъ внесенъ въ теплую избу; но воззванный къ жизни стараніями и искуствомъ — онъ ожилъ, чтобы видѣть, что

онъ умираетъ на рукахъ того человѣка, которому онъ такъ много надѣлалъ зла... Слезы рѣкой покатились изъ глазъ его— и онъ, судорожно схвативъ руку своего благодѣтеля, сказалъ прерывающимся голосомъ: »Великъ народъ Русскій!... онъ непобѣдимъ!... Благодѣтель мой! ты меня побѣдилъ!... ужасно побѣдилъ!... Россія! ты побѣдишь весь свѣтъ, если вся такова, каковъ этотъ смерт... Усиліе, съ какимъ онъ говорилъ, изторгло у него жизнь, которая едва держалась въ измученномъ тѣлѣ его.... Викторъ кончилъ свое мщеніе надъ врагомъ, предавъ приличнымъ образомъ бренные останки его землѣ, и отъ души проливъ слезы за очищеніе грѣховъ его!... »Никогда я не видалъ«—говорилъ со слезами Барсовъ— »какъ въ это время, сколько Добролюбовъ достоинъ былъ милой Наташи!... Съ этого времени я отдалъ душу мою ему всю—безъ раздѣла... съ этого времени я не жилъ для себя!... и переживъ

его, я остался собственнымъ себѣ гробомъ, въ которомъ такъ мертво, такъ мертво, что сдва ли и самая смерть приноситъ съ собою такое запустѣніе.... При одной только Наташѣ я какъ будто воскресаю; но воскресаю, какъ грѣшникъ къ мученію ада—къ чувству потери моей!«...

«Вотъ, батюшка, какимъ образомъ изчезъ съ лица земли и Французъ — этотъ послѣдній человѣкъ, который такъ много надѣлалъ зла дому Щедровыхъ!... и его смерть была завиднѣйшею въ сравненіи съ прочими сотоварищами его по учиненнымъ злодѣяніямъ. — Признаюсь, во всѣ эти бѣдствія моихъ благодѣтелей, я самъ чуть-чуть не сошелъ съ ума: то-то потерпѣлъ, мой батюшка, то-то поохалъ, то-то пролилъ слезъ'» — Такъ окончилъ свой разсказъ добрый старикъ, рыдая неутѣшно въ память своего благодѣтеля.

Въ душѣ раздѣляя благородную скорбь его, я, однако, очень хотѣлъ спросить еще кое-о чемъ, — и давъ ему успокоиться, я

узналъ отъ него, что Наташа принимаетъ всѣхъ, не только своихъ городскихъ, но даже, если бы кто захотѣлъ посѣтить ее, и изъ проѣзжающихъ. Мой добрый хозяинъ съ удовольствіемъ согласился на мою просьбу — проводить меня къ ней. — Желаніе видѣть такую необыкновенную дѣвицу превосходило мое терпѣніе, — и я до утра провертѣлся на постели, точно на иглахъ. Я боялся, чтобы не оскорбить страдалицы дерзкимъ любопытствомъ моимъ; но необыкновенное желаніе превозмогло все, — и мы съ добрымъ Гаврилою Ѳедотовичемъ въ шесть часовъ утра отправились, какъ пазывается, искать приключеній.

Какъ робѣетъ шалунъ-школьникъ, идя неготовый въ училище, такъ робѣлъ я, приближаясь къ знаменитому дому Щедрова.... Чудное дѣло! по мѣрѣ приближенія моего къ ея жилищу, я робѣлъ все болѣе и болѣе, не зная самъ отъ чего. Ни одной правильной мысли не мелькало въ головѣ моей—всѣ онѣ скользили и изчезали,

точно призраки разстроеннаго воображенія. Наконецъ дверь отворилась — и я вошелъ ни съ чѣмъ: слова мои разлетѣлись съ мыслями, — и я увидѣлъ Наташу — этого ангела во плоти по добротѣ и красотѣ, и эту мученицу по бѣдствіямъ и страданіямъ. Признаюсь, я въ жизнь мою не видалъ ничего прекраснѣе и величественнѣе милаго лица Наташи.... Какъ жаль, что я не живописецъ!... я написалъ бы образъ милой Наташи. Самое темное, гробовое жилище ея, освѣщаемое тусклою лампадой предъ иконою Богоматери, самое могильное безмолвіе дѣлало Наташу необыкновеннымъ существомъ.

— « Матушка Наталья Андреевна, вотъ я привелъ къ вамъ очень добраго человѣка, который братъ всѣмъ намъ по Христѣ... По любви своей, ему очень хотѣлось посѣтить васъ! » такъ говорилъ мой добрый Гаврило Ѳедотовичъ, который, отворивши дверь, и не смѣя пошевельнуться, болѣе загородилъ собою входъ, такъ что я едва

пролѣзъ около него въ комнату Наташи, которая, бросивши на меня одинъ изъ невыносимыхъ взглядовъ, быстро подала мнѣ руку, и сказавши: « Милости прошу, во имя Господне!» — указала мнѣ на старый стулъ, на который я и сѣлъ, не смѣя думать, чтобы это былъ не сонъ. Гаврилѣ Ѳедотовичу приказано было озаботиться угощеніемъ странника, а мнѣ между тѣмъ подала она книгу — и я, развернувъ, читалъ: «Аминь, аминь глаголю вамъ: аще »зерно пшенично падъ на земли не умретъ, »то едино пребываетъ: аще ли умретъ, »многъ плодъ сотворитъ (*). « — И въ другомъ мѣстѣ читалъ: « Иже Христовы суть, »плоть распяша со страстми и похотми.» (**) — Истинно ! — думалъ я — кто, зарытый въ земляную плоть нашу, столько умеръ ради Христа, какъ эта страдалица, достойная всѣхъ возможныхъ благъ въ

(*) Іоан., глав. 12, ст. 24.

(**) Къ Галат., глав. 5, ст. 24

здѣшней и будущей жизни потѣлуи душѣ?... И каковъ долженъ быть плодъ ея предъ Отцемъ Небеснымъ?...

Наталья Андреевна сидѣла предъ мною въ какой-то задумчивости; лице ея сіяло спокойствіемъ праведника, всегда готоваго предстать съ любовію къ пострадавшему насъ ради. Долго глядѣлъ я на этого Ангела,—и изъ всѣхъ чувствъ моихъ уловилъ одно благоговѣніе, съ которымъ бы я готовъ былъ всю жизнь мою умирать у ногъ ея. Наташѣ было ужь лѣтъ около сорока; но она все еще была красива—и выше всякой кисти; какова же она была невѣстой Добролюбова? Признаюсь, если сердце мое было когда-нибудь способно къ зависти, то я въ жизнь мою никому такъ не завидывалъ, какъ счастливому Виктору: согласился бы въ десять разъ большія вытерпѣть бѣдствія, нежели каковы были его, только бы хоть мгновеніе быть любимцемъ ея сердца.

Гаврило Ѳедотовичь внесъ маленькій самоваръ — и никто не можетъ ни вообразить, ни постичь моего блаженства: — я пилъ чай съ такимъ существомъ, которому подобнаго во всю жизнь мою не видалъ и не увижу въ этомъ мірѣ!.... Въ продолженіе нашего завтрака, Наташа говорила мало, но во всякомъ словѣ ея была такая полнота, что во сто лѣтъ жизни моей я не перечитаю и не наслаждусь этимъ краткимъ разговоромъ, который и среди шума и суеты свѣта и въ минуты глубокаго уединенія, звуча въ душѣ моей небесною гармоніей, миритъ меня съ тяжелымъ странничествомъ въ этомъ мірѣ бѣдъ и скорбей.... Не знаю, было ли кому такъ больно разставаться съ душою, какъ больно было мнѣ разстаться съ Наташей.... мнѣ казалось, что какая-то варварская рука отдираетъ тѣло мое отъ души, съ которой оно жило жизнью небожителей. — Чувства мои не скрылись отъ глазъ Наташи—и она, съ ангельскою улыбкой по-

давши мнѣ руку свою, сказала: «мы увидимся!... Я буду молиться за васъ — не забывайте и вы меня!« — Слезы брызнули изъ глазъ моихъ—и я, крѣпко поцѣловавши руку ея, бросился вонъ изъ жилища ангела.... Болѣе не помню ничего, какъ будто вѣчно я лежалъ на постелѣ въ своей квартирѣ, какъ будто вѣчно сидѣлъ у ногъ моихъ добрый Гаврило Ѳедотовичь.— Хозяинъ, замѣтивши, что я проснулся, или опомнился, радостно перекрестился и подалъ мнѣ книжку и съ просфорой отъ Натальи Андреевны..... Мой восторгъ былъ не земной.... я не передамъ его... я не могу этого сдѣлать!... онъ святыней въ сердцѣ моемъ.... Я не ввѣрю его грубымъ сердцамъ.... я не запятнаю его слишкомъ плотянымъ участіемъ ихъ!... Развернувши присланную мнѣ книгу, я нашелъ на ней надпись: « Не забывайте друга, который хотя и новъ для васъ, но очень старо знакомъ съ душею вашей.... Если-бъ я не привыкла къ лишеніямъ въ

здѣшнемъ мірѣ, то и мнѣ не легко бы было разстаться съ вами.... Прощайте! не скорбите! мы увидимся.... Непостижимое для насъ сродство душъ въ этомъ мірѣ ручается за соединеніе ихъ въ вѣчности.... Еще разъ прощайте!... Да будетъ съ вами милость Божія всегда и вездѣ!...«—

Мой добрый Гаврило Ѳедотовичъ до смерти радовался, видя мою радость — и никакъ не хотѣлъ отпустить меня въ этотъ день; но мнѣ тяжело было дышать однимъ воздухомъ съ Наташей и не видѣть ее.— Знаю, многіе будутъ смѣяться, что минутное свиданіе такъ сблизило и сроднило двѣ души; но эту тайну не намъ понимать: она откроется, когда мы сбросимъ грубую чувственность, съ которою никогда и ничего не увидимъ — это законъ природы, надъ которымъ возвышается одна только вѣра, данная во свѣтильникъ блуждающему во тмѣ страстей человѣчеству. Знаю, многіе назовутъ меня, Богъ знаетъ чѣмъ; но все-таки они не будутъ правы, не зная ни

меня, ни Наташи. Жестоко ошибется тотъ, кто скажетъ, что я *влюбился* въ это не-земное существо.... Да, именно неземное,—и надо только разъ увидѣть подобнаго ангела, чтобъ отдать ему и жизнь и душу.... И все это далеко не то, что вы называете—« влюбиться!«—

« Ну, вотъ, батюшка, я, вѣдь, говорилъ вамъ, что наша Наталья Андреевна точно Ангелъ Божій: ее не льзя видѣть — и не любить пуще роднаго; не я одинъ люблю ее, и не вы одни съ перваго раза такъ полюбили ее; — но никогда я не видалъ, чтобъ она такъ полюбила кого изъ посѣтителей, какъ васъ.«

— « Да, Гаврило Ѳедотовичъ! я не знаю чѣмъ заплатить тебѣ за то, что ты доставилъ мнѣ счастіе видѣть этого ангела: я завидую доброму Барсову, который имѣлъ блаженство жить для нее—не говорю уже о Викторѣ.«

« Вотъ, батюшка, стало быть и не осу-

дишь Француза, который изъ-за-нее надѣлалъ столько зла ей?«

— «Напротивъ, Гаврило Ѳедотовичь, этотъ Французъ ужасный злодѣй, какіе только могутъ быть въ этомъ мірѣ: еслибъ онъ истинно любилъ Наташу, то онъ отдалъ бы ей всю жизнь свою, чтобъ сколько-нибудь сдѣлать ей угодное: но онъ своей рукой убилъ отца ея! онъ приказалъ сжечь домъ, въ которомъ былъ принятъ какъ гость, со всею привѣтливостію гостепріимства!... Нѣтъ, это не человѣческіе поступки!... и если не звѣрскіе, то это потому, что сдѣланы были Французомъ, для котораго нѣтъ ничего священнаго....Его раскаяніе въ часъ смерти было не что иное, какъ трусость злодѣя, когда природа рѣшилась сдѣлать ужаснѣйшій шагъ, при которомъ содрогаются самыя желѣзныя души и самыя праведныя предъ Богомъ и ближними. Какъ бы ни забылся человѣкъ въ суетной жизни своей, но когда отворится роковая

дверь гроба, когда прозвучитъ надъ самымъ ухомъ его послѣдняя минута времени: тогда онъ вспомнитъ все—и съ ужасомъ узнаетъ свое назначеніе, которое онъ до сихъ поръ не хотѣлъ знать!... Смерть шутить не любитъ!... мы храбры и рѣшительны на все, пока думаемъ, что она далеко отъ насъ,—но надо быть всегдашними свидѣтелями умирающихъ, чтобъ научиться, какъ должно встрѣтить ее... Видалъ я нашихъ мудрецовъ въ часъ смерти ихъ, мудрецовъ, которые храбровали противъ этого воина, какъ противъ деревяннаго солдатика, мудрецовъ которые почитали себя выше всего на свѣтѣ—и все химерой или ничѣмъ: ужасныя злодѣйства были у нихъ написаны въ законахъ природы, въ которыхъ смерть не бо́льшую роль играетъ у нихъ, какъ ночь, въ темнотѣ которой можно сокрыться отъ преслѣдованій.... Да, видалъ я этихъ жалкихъ мудрецовъ въ ужасный часъ смерти ихъ!... — «Что, любезный, какъ ты ду-

маешь теперь о смерти? бывало спросишь умирающаго: — научи, мой другъ какъ мнѣ будетъ познакомиться съ нею?.... —«Другъ мой! молись за меня — и помни всегда смерть мою—и она будетъ страшна тебѣ, какъ мнѣ! Все изчезло отъ меня, и со мной осталась одна только смерть— ужасная вѣстница, что я жестоко обманулся во всѣхъ расчетахъ суетной жизни моей.... мой другъ! молись, молись за меня!» — вопіялъ страдалецъ, прижимая крестъ—спасительную отраду грѣшника— къ груди своей!... Вотъ, что я видѣлъ и что слышалъ при смертномъ одрѣ мудрыхъ вѣка сего!...

«Ахъ, батюшка, не даромъ же васъ полюбила такъ Наталья Андреевна: такъ вотъ сердце и таетъ, какъ послушаешь васъ.«

»Нѣтъ, добрый старинушка, это не я говорю, а говоритъ истина, дознанная горькими опытами.... По говорить можно хорошо, а быть такимъ Христіаниномъ,

какъ ваша Наталья Андреевна, слишкомъ трудно!... Не всякой достоинъ быть избранъ къ такъ великому самоотверженію.....«

»Что же это, батюшка, давича съ вами сдѣлалось, какъ вышли вы отъ Натальи Андреевны? Вѣдь сколько ни бѣжалъ я за вами, а не могъ догнать; прибѣгаю домой, а вы ужь безъ памяти лежите въ постели. Я испугался, хотѣлъ-было кое-чѣмъ помочь вамъ, но вдругъ за мной прибѣгли отъ Натальи Андреевны,—и я, перекрестя васъ, побрелъ къ ней; она дала мнѣ книгу и просфору, чтобъ я отдалъ вамъ, и, узнавши объ вашемъ обморокѣ, не приказала трогать васъ, пока это пройдетъ само собою. Возвратившись домой, я нашелъ васъ въ томъ же положеніи, въ какомъ и оставилъ не зная, что дѣлать, я сѣлъ у постели вашей и мысленно молился, чтобы Господь Богъ возвратилъ вамъ здоровье ваше; но, слава Богу, вы скоро проснулись — и я

этому такъ обрадовался, что едва утерпѣлъ, чтобы не обнять васъ и съ радости совсѣмъ-было забылъ порученіе Натальи Андреевны.«

»Прощай, Гаврило Ѳедотовичь! говорилъ я, садясь въ повозку:—кланяйся Натальѣ Андреевнѣ!—кричалъ я, уносясь отъ него вдаль на лихой тройкѣ почтовыхъ... Колокольчикъ заливался въ родныхъ распѣвахъ своихъ; лошади мчались какъ вихрь въ полѣ, а ямщикъ, хвативши добрую порцію водки при выѣздѣ изъ города, закатился молодецкимъ голосомъ:

Ахъ, вы горы мои,
Горы Воробьевскія!...

Все это непостижимою тоскою давило душу мою, пока я, утомленный и убаюканный, не заснулъ къ страннымъ грезамъ, въ которыхъ я видѣлъ: то Виктора, то Андрея Петровича, то Наташу, то Барсова; изъ цѣлой группы этихъ явленій осталась, наконецъ, одна Наташа, убран-

ная къ вѣнцу, которая, подходя ко мнѣ, съ ангельскою улыбкою говорила: »Вотъ, наконецъ, я достигла своего счастія!... Прошу тебя радоваться вмѣстѣ со мною!... Мой суженый согласился уже и тебѣ дать пріютъ въ жилищѣ нашемъ!...« Я хотѣлъ было спросить, кто этотъ счастливый смертный, — какъ вдругъ голосъ ямщика: «Извольте вылѣзать, сударь!« — пробудилъ меня отъ пріятнаго сновидѣнія...

XXIV

И вы подобно такъ падете,
Какъ съ древъ увядшій листъ падетъ;
И вы подобно такъ умрете,
Какъ вашъ послѣдній рабъ умретъ!

Державинъ.

Цѣлыхъ два года не слыхалъ я ничего о Наташѣ, и цѣлыхъ два года она ни на минуту не выходила изъ моей памяти; цѣлыхъ два года всякую ночь я видѣлъ ее

въ сонныхъ мечтахъ моихъ... И какъ же я обрадовался, когда мнѣ должно было отправиться въ С—скъ, опять по тракту чрезъ Б..... Съ какимъ восторгомъ я прыгнулъ въ дорожную повозку! какъ длинною казалась мнѣ каждая верста, раздѣляющая меня съ Наташею! какъ тихо тащились лошади, которыя едва не обгоняли вихрь!... Наконецъ начали выказываться предъ мною главы церквей Б.... и сердце мое, встрепенувшись, такъ заныло тоской, что я не зналъ, что дѣлать... ни одной причины тому не мелькало въ головѣ моей.—И вотъ я въ городѣ, — и вотъ я у церкви, подлѣ которой, казалось, столпился весь городъ: останавливаюсь, — спрашиваю: »для чего собрался народъ?«—и мнѣ со слезами отвѣчаютъ: »Похороны!« — Я не проходилъ никогда мимо церкви, гдѣ бывали похороны, чтобъ не зайдти въ нее и не помолиться о успокоеніи души умершаго; но въ это время я входилъ въ храмъ Божій,

оглашаемый рыданіями и стонами тысячи людей, съ какою-то непонятною для меня тѣснотой души. Кое-какъ продрался я къ гробу, надъ коимъ пѣли: »Со Святыми упокой, Христе, душу рабы Твоея....« и надо ли сказать вамъ, кого увидѣлъ я въ этомъ гробѣ?... Но чувство, что я вижу этотъ святой прахъ въ послѣдній разъ въ этомъ мірѣ, превозмогло чувство отчаянной горести.... И я еще полчаса видѣлъ Наташу, которой самая смерть придавала только болѣе выразительности и красоты!.... Такъ вотъ твой вѣнецъ, Ангелъ небесный? Такъ вотъ твое брачное ложе, невѣста Божія? Но ты обѣщала мнѣ, что не замедлишь вызвать меня изъ этой юдоли грѣха!.... Ты обѣщала мнѣ пріютъ въ жилищѣ своего суженаго и вотъ я все еще здѣсь,—и каждый часъ этой горестной жизни будетъ мнѣ цѣлымъ вѣкомъ мученій!... Полчаса я видѣлъ ее въ мірѣ скорбей... и имѣлъ столько силы, чтобъ бросить горсть земли на гробъ ея!...

»Вотъ, батюшка,«—говорилъ мнѣ Гаврило Ѳедотовичъ: — »вотъ и Наталья Андреевна оставила насъ! ни горѣла, ни болѣла, моя любушка! все была, кажется, здоровехонька; вдругъ вздумалось ей, сперва масломъ собороваться; потомъ, на другой день, отстоявши раннюю обѣдню, пріобщилась Св. Таинъ, и третьяго-дня утромъ она призвала къ себѣ Священника, меня и еще кое-кого изъ знакомыхъ. Подали бумагу Священнику; когда онъ ее прочелъ, то мы узнали, что это есть послѣдняя воля ея или духовное завѣщаніе, котораго она приглашала насъ быть свидѣтелями. Имѣніе ея, доставшееся ей послѣ отца и послѣ Барсова, въ билетахъ Сохранной Казны, не смотря на ея христіанскую расточительность, все еще слишкомъ огромно. По завѣщанію ея, всѣ церкви нашего города должны получить, по три тысячи рублей каждая; потомъ нѣкоторые изъ монастырей, числомъ двѣнадцать, должны получить по тысячи рублей; болѣе восми-

десяти домовъ въ нашемъ городѣ, должны быть выстроены для бѣдныхъ семействъ, по ея списку—и каждый домъ въ четыреста рублей; сто сорокъ бѣдныхъ дѣвушекъ должны получить въ приданое по пяти сотъ рублей; двѣ тысячи четвертей ржи и овса должно быть куплено и роздано бѣднымъ для посѣва, — однимъ словомъ: это завѣщаніе есть неслыханное благодѣяніе для бѣдныхъ. Когда мы говорили, что ею оканчивается благочестивый родъ ея, то она сказала, что у нее есть еще родственникъ и назвала васъ, жалѣя, что еще не видала, и, подавая мнѣ свои часы, приказывала ихъ отдать вамъ.— »Эти часы«—сказала она—»подарены мнѣ Викторомъ; пусть же они будутъ у моего брата; — и пусть онъ, умирая, отдастъ ихъ также тому, кого найдетъ близкимъ своему сердцу, какимъ онъ самъ есть для меня... Я умираю, и мнѣ очень бы хотѣлось видѣть его въ послѣднія минуты здѣшней моей жизни.... Онъ увидитъ

бренные останки мои, — скажите же ему, что я прошу его не сокрушаться... Онъ слабъ—я это видѣла... Но скажите ему, что мой духъ со дня знакомства нашего очень часто былъ съ нимъ, а освободившись отъ цѣпей плоти, ему свободнѣе посѣщать друзей своихъ.... Но мы скоро съ нимъ увидимся.... Батюшка, читайте отходную!... Прощайте, друзья мои!... Благодарю васъ за вашу любовь!...» Мы остолбенѣли; Священникъ не зналъ, что дѣлать. По окончаніи молитвы, Наталья Андреевна, приложившись къ кресту, сказала: »аминь!« — и съ райскою улыбкою младенца отдала праведную свою душу въ руцѣ Божіи!...«

Вотъ чѣмъ кончился разсказъ добраго Гаврилы Ѳедотовича!... Вотъ чѣмъ кончились бѣдствія Наташи Щедровой!... Не тѣмъ ли кончится исторія и каждаго изъ насъ?—Рано или поздно надо будетъ сойти со сцены.... и, разыгрывая то Царя, то вельможу, то купца, то разбойника, рано,

или поздно отъ всего этого останется только человѣкъ, которой, увидѣвши себя въ первобытной наготѣ своей, покрытой смрадным тлѣніемъ, увидитъ, до какой степени измѣнилъ онъ назначенію своему.... Увидитъ—и ужаснется, тѣмъ болѣе, что прошедшее невозвратимо!...

Вотъ повѣсть, одно изъ событій 1812 года!—Исторія Наташи не есть плодъ восторженнаго воображенія, — къ несчастію, это истина!... Она не зачата въ головѣ вдохновеннаго поэта, не рождена затѣйливымъ перомъ его;—ее зачатіе—существенность, ее рожденіе — злосчастная судьба дома Щедровыхъ!... Но если бѣдствія Наташи и не совсѣмъ таковы въ самомъ дѣлѣ, то смѣло могу сказать, что они гораздо бо́льшія и горестнѣйшія....

Спустя годъ по смерти Наташи, я былъ опять въ городѣ Б....; но Гаврилы Ѳедотовича уже не засталъ: онъ отправился къ Щедровымъ, которыхъ такъ любилъ до смерти своей.... И я, погрустивъ надъ

прахомъ Наташи и посадивъ елку на могилѣ ея, отправился въ свой путь... Тѣни друзей моихъ въ свѣтлыхъ облакахъ неслись надъ мною, и я, мысленно бесѣдуя съ ними, усладилъ горечь роковой разлуки и облегчилъ тягость тоски осиротѣлаго странничества....

Вотъ, какъ мы заговорились на развалинахъ нашей любезной Москвы.... Какъ и не заговориться — каждая капля Русской крови есть родная каждому изъ насъ.... Но вотъ мы опять начнемъ о врагахъ нашихъ, объ общихъ нашихъ бѣдствіяхъ, объ общемъ торжествѣ Россіи. —

XXV.

Се! тотъ ужасный человѣкъ,
Который зло творилъ весь вѣкъ,
Не зналъ ни Бога, ни закона,
Глаголамъ правды не внималъ,
Тщеславью мѣръ не полагалъ,
Добился чрезъ коварство трона,
Вселенну превозмочь хотѣлъ!
Но вдругъ всѣхъ жертвъ своихъ лишился,
Какъ дубъ вѣтвистый облетѣлъ,
Сострясся, палъ и — сокрушился! —

Шатровъ.

Октября 11-го 1812 года должно быть вѣчнымъ въ нашей памяти. Въ этотъ незабвенный день Москва избавилась своего незванаго гостя, угостивши его на славу. Взорвавъ Кремлевскія стѣны, онъ вышелъ изъ нашей древней Столицы съ желаніемъ и уловками пробраться въ южныя области наши.

Мщеніе врага надъ Москвою доказываетъ что и к великій человѣкъ не далекъ отъ низости, которая и исполина дѣлаетъ презрѣннымъ карлой. Такова участь человѣка,

пока онъ разрѣшится отъ составовъ плоти и крови!... Нѣтъ низости, нѣтъ порока нѣтъ варварства, которые бы не имѣли сѣмени въ сердцѣ каждаго изъ насъ, — сѣмени, которе готово каждую минуту прозябнуть и принести самый горькій плодъ, — плодъ, отнимающій все Божественное въ человѣческой природѣ....

Мирныя предложенія, ожидаемыя Наполеономъ со стороны нашего Благословеннаго Монарха, обманули его, какъ и всѣ его затѣйливые замыслы.... Сколько ни горячился, сколько ни кричалъ, что Европа утомлена войною, что миръ необходимъ для блага народовъ; но миръ нуженъ былъ только ему одному, и — любимцу и любителю войны отказали въ мирѣ.

Наполеонъ хотѣлъ пробраться въ южныя области Россіи — и сюда не пустили: разбивъ полчища его при Маломъ Ярославцѣ, сбили его на дорогу, имъ самимъ опустошенную, по которой онъ пришелъ въ Москву.

И вотъ побѣдитель полвселенной бѣжитъ предъ цѣлымъ свѣтомъ съ стыдомъ и отчаяніемъ въ сердцѣ — бѣжитъ отъ народа, на который онъ хотѣлъ наложить цѣпи рабства, не удостоивши воевать съ нимъ... И что-же случилось? — Крестьянки съ ухватами и кочергами въ рукахъ брали въ плѣнъ непобѣдимыхъ воиновъ Наполеона!... Кто не знаетъ хотя нѣсколько анекдотовъ изъ этихъ дивныхъ событій? Я хотѣлъ разсказать о женщинѣ Рябушенской слободы въ Боровскѣ, которая нѣсколько Французовъ взяла въ плѣнъ и съ однимъ ухватомъ въ рукахъ!... но взамѣнъ этого я разскажу моимъ читателямъ небольшой анекдотъ, еще неизвѣстный, покрайней мѣрѣ мною нигдѣ нечитанный, который вмѣстѣ съ извѣстными будетъ служить рѣзкою чертою Русскаго характера, который такъ дивно побѣдилъ непобѣдимаго.

Кому не извѣстно, сколько пострадалъ Боровскъ отъ бѣшеныхъ полчищъ Наполеона, которыя, видя погибшими всѣ меч-

ты счастливыхъ завоевателей, потерялн вовсе благородное названіе войска и сдѣлались въ полномъ смыслѣ разбойниками. — Одна шайка этихъ варваровъ, ища добычи, а можетъ быть только куска хлѣба, отправилась изъ Боровска по проселочной дорогѣ на село Коллово, откуда пробралась въ село Пырнику, гдѣ мѣльничная плотина на рѣкѣ Протвѣ была разобрана, слѣдовательно переправа чрезъ неизвѣстную рѣку вплавь или бродомъ была не безопасна; но на ихъ счастіе на этой сторонѣ былъ плотъ; натурально, обрадовавшись этому счастію, ихъ столько помѣстилось на этомъ перевозѣ, что едва только не топули на немъ; такимъ образомъ они добрались до средины рѣки. Надо сказать, что на противоположномъ берегу стоитъ деревня Кривская, въ которой большая часть жителей оставалась дома, думая своею рѣкою защититься отъ врага, а можетъ быть и вовсе не ожидая его, потому что и въ Боровскъ онъ пожаловалъ

такъ нечаянно, что въ это время былъ самый многолюдный торгъ въ городѣ: можно догадаться, какова эта нечаянность была для того, кто имѣлъ несчастіе быть въ это время въ городѣ!... Многіе прямо летѣли въ пасть врага!... Какихъ не было тутъ несчастій, и чего не перетерплено?... Но я заговорился!... Вдругъ несчастные жители бѣдной деревушки Кривской увидѣли передъ собой, съ глазу на глазъ, неожиданнаго гостя, который упалъ къ нимъ, какъ снѣгъ на голову; несчастные окаменѣли отъ ужаса, и тогда, какъ надо было думать о спасеніи, они стояли разиня рты!... Крикъ ужаса и крикъ торжества были услышаны въ ближней отъ берега кузницѣ; кузнецъ, выбѣжавши изъ своей мастерской, видитъ, что плотъ съ Французами уже на срединѣ рѣки; у него былъ въ рукахъ топоръ: — подбѣжать къ перевозу, перерубить съ разу канатъ и спрятаться за перевозный столбъ — было дѣломъ одной секунды для счастливаго

храбреца, у котораго никакого расчета не было въ головѣ, когда онъ летѣлъ спасти отъ гибели ближнихъ своихъ!... И если онъ, перерубивши канатъ, и спрятался за столбъ, то это былъ не расчетъ, а только какое-то непонятное чувство самохраненія.... Пули градомъ посыпались на героя, но онъ спасся подъ защитой столба, а плотъ съ пассажирами, отправившись по теченію воды, съ мѣльничной плотины спрыгнулъ такъ неблагополучно, что всѣ пассажиры его остались тутъ надолго ловить бурыхъ. — Такимъ образомъ мужество одного спасло цѣлую деревню, а можетъ быть и не одну, отъ хищности злодѣевъ. Добрый крестьянинъ жертвовалъ жизнію, отваживаясь на слишкомъ смѣлый и даже дерзкій поступокъ; но ему некогда было размышлять, когда онъ видѣлъ такъ близко гибель и не одну свою, а цѣлой деревни: любовь къ ближнимъ увѣнчалась удивительнымъ успѣхомъ его мгновенной рѣшимости.... Таковъ

духъ Русскихъ подъ грубою оболочкой невѣжества! Русскій необразованный народъ искони почитаетъ Царя своего вторымъ Богомъ, а родину свою святынею, за которую умереть почитаетъ мученичествомъ предъ Богомъ!... Мудрено побѣдить такой народъ!... И вотъ причина побѣды надъ непобѣдимымъ!...

Тысячи истинныхъ произшествій, одно другаго чудеснѣе, рѣзкими чертами отпечатали непобѣдимый характеръ Русскихъ. — Побѣду при Маломъ-Ярославцѣ почитаютъ важнѣйшею и такою, которая была явнымъ предзнаменованіемъ, что звѣзда счастія Наполеона затмилась для него навсегда. Выигравши здѣсь сраженіе, непріятель прошелъ бы въ южныя напи губерніи, гдѣ безбѣдно перезимовавши, онъ дождался бы свѣжихъ войскъ изъ Франціи, и тогда борьба съ нимъ если бы и не была гибельна для насъ, то слишкомъ дорого бы обошлась!.. Но, слава Богу,

врагъ сбитъ! — и отселѣ увидимъ его поражаемымъ на каждомъ шагу.

«Фельдмаршалъ двинулся къ Вязьмѣ. »Генералъ Милорадовичъ слѣдовалъ меж- »ду главною арміею и Можайскою доро- »гою, а безстрашные Россійскіе партиза- »ны — Давыдовъ, Сеславинъ, Фигнеръ, »Кн. Кудашевъ и предводитель грозныхъ »казаковъ, Ангелъ-истребитель враговъ »Россіи — Платовъ, преслѣдовали и на »каждомъ шагу поражали непріятеля. »Платовъ разбилъ Наполеоновы полчища »при Колоцкомъ монастырѣ, Милорадо- »вичъ при Вязьмѣ, а Орловъ-Денисовъ вез- »дѣ истреблялъ ихъ. Важнѣйшее пораже- »ніе нанесъ Платовъ непріятельскому »корпусу, спѣшившему подъ начальствомъ »Вице-Короля Италіянскаго изъ Дорого- »бужа къ Духовщинѣ. — Въ сіе же время »Графъ Витгенштейнъ, подкрѣпленный »храбрымъ С.-Петербургскимъ ополченіемъ, »послѣ кровопролитнѣйшаго сраженія, ов- »ладѣлъ Полоцкомъ, преслѣдовалъ непрі-

»ятеля и поразилъ его при Чашникахъ. »Полчища Наполеоновы въ страхѣ и без»памятствѣ обратились въ бѣгство, бросая »пушки, обозы, зарядные ящики и все, »что могло затруднять бѣгство ихъ. — Поч»ти вся Бѣлоруссія и Минская губернія «были очищены отъ непріятелей; а посему »Витгенштейнова (Двинская) армія соеди»нилась въ Волынскою, состоявшею подъ »начальствомъ Чичагова.

»Главная непріятельская армія, обра»щенная въ бѣгство, которое Наполеоновы »бюллетени называли *совершенно про»извольнымъ отступленіемъ* и боко»вымъ маршемъ на С.-Петербургъ, всту»пила наконецъ въ Смоленскъ, и начала »грабить и опустошать оный.» (*)

Высоко на горахъ небесъ
Свѣтило гордое блистало;
Вчера всѣхъ взоры ослѣпляло,
Сегодня смотрятъ — блескъ изчезъ!

(*) Исторія Кайданова, 3. 277.

Вчера мечталъ съ собою ты:
»Взнесусь, пойду надъ облаками,
»Поставлю тронъ между звѣздами,
»Попру Сіона высоты!
»Простру повсюду гнѣвъ и страхъ,
»Устрою небеса чертогомъ
»И буду въ нихъ Всесильнымъ Богомъ!.»
Изрекъ — и превратился въ прахъ! —

Мерзляковъ.

И вотъ, несчастный Смоленскъ сдѣлался опять добычею врага, тѣмъ болѣе жалкою, что варварское мщеніе за гибель цѣлой непобѣдимой арміи обрушилась надъ нимъ со всѣми ужасами бѣшенства!... Наконецъ толпа бродягъ была выгнана и отсюда. Наполеонъ, гонимый страхомъ, убѣжалъ.... Изъ развалинъ Смоленска мы опять теперь видимъ городъ обширный и красивый. Сколько разъ возникалъ онъ изъ своего пепла, какъ Фениксъ, какъ градъ, Богомъ любимый!.. Вѣка прошли, не города, а цѣлыя царства стерлись съ лица земли, а Смоленскъ все еще красуется на горахъ своихъ, и молодъ и веселъ, какъ женихъ въ день брака съ возлюбленною.

Изъ С—ска мы отправились на Р..... Здѣсь мы посѣтили добраго старца Я. И. П., бывшаго Начальникомъ Смоленскаго ополченія. Теперь этотъ маститый старецъ уже и слѣпъ и слабъ, но бодръ еще духомъ Я видѣлъ необыкновенную жизнь въ его навсегда угасшихъ глазахъ; его лице пылало жаромъ юности, когда онъ разсказывалъ мнѣ о событіяхъ, въ которыхъ не рѣдко самъ былъ дѣйствующимъ лицемъ; но, къ несчастію, я не могъ дослушать его разсказа: столъ былъ накрытъ, и мы сѣли обѣдать. Дочери П. уже въ лѣтахъ, и хотя наружность ихъ не совсѣмъ соотвѣтствуетъ внутреннимъ достоинствамъ, но ихъ умъ и привѣтливость доставили намъ много пріятныхъ минутъ, которыя мы провели съ ними, и которыя неизгладимо запечатлѣлись въ моей памяти.... Жизнь человѣка такъ бѣдна истинными пріятностями, что было бы неблагодарностію предъ Богомъ — не цѣнить и не помнить ихъ.

— »Въ нѣкоторомъ царствѣ, нѣкоторомъ Государствѣ жилъ, былъ Царь...»— Не вдругъ я догадался откуда выходилъ басистый взглась разскащика; по вспомнивши, что съ нами не было за столомъ добраго хозяина, я узналъ, что онъ такимъ образомъ проводитъ, безъ зрѣнія, скучную, сидячую жизнь свою.... И что же бы ему дѣлать?... Читать онъ не можетъ, ходить также. — »Мало ли что можно дѣлать и дѣлаютъ безъ зрѣнія и безъ движенія.» — Согласенъ; — но можетъ ли быть струна всегда натянутою — и не лопнуть? — по моему: мѣшай дѣло съ бездѣльемъ, лучше съ ума не сойдешь.

Выѣхавши изъ Р...., моему доброму М. И. хотѣлось заѣхать къ сестрѣ своей, съ которою онъ не видался со дня ея замужства, и которая съ этого времени четыре года не видалась ни съ кѣмъ изъ родныхъ своихъ. Деревня ея мужа, въ которой они жили, была только въ пяти верстахъ отъ станціи, гдѣ намъ надо было

перемѣнять лошадей. Я радовался отъ души за моего М. И., слыша еще въ Р. похвалы сестрѣ и зятю его—и почти раздѣлялъ нетерпѣніе нѣжнаго брата — видѣть ихъ. Пріѣхавши на станцію, М. И. отправилъ своего человѣка въ сельцо Д. — узнать, дома ли зять и сестра его, и узнавши, что они только что отправились къ своей родственницѣ М. П. Б., которой деревня была на нашемъ трактѣ, — мы тотчасъ пустились преслѣдовать нашихъ бѣглецовъ—и къ ночи мы догнали ихъ въ ихъ деревнѣ П.— Не скажу вамъ ничего о свиданіи брата съ сестрой, которые обожаютъ другъ друга, которые не видались слишкомъ долго и которые едва ли имѣли надежду когда нибудь сжимать другъ друга въ родныхъ объятіяхъ, въ нѣмомъ, невыразимомъ восторгѣ небеснаго наслажденія.—Не такая же ли радость ожидаетъ каждаго человѣка въ любящей его отчизнѣ, когда сброситъ онъ плоть свою, какъ сбрасываютъ приличія свѣта, чтобъ

на минуту предаться таинственному, но сладкому влеченію родства, которое намъ иногда напоминаетъ о многомъ, и слишкомъ многомъ!...

Изъ деревни П. мы отпустили почтовыхъ и отправились вчетверомъ (то есть: М. И., сестра его, зять и я), въ каретѣ. Л... къ Б...ой Пріѣхали мы къ вечернему чаю; какъ М. И. былъ въ кругу своихъ ненаглядныхъ гостемъ, то и я былъ осыпанъ со всѣхъ сторонъ ласками, бывши вездѣ и всѣмъ рекомендованъ товарищемъ его путешествія. На другой день мы опять вчетверомъ, и все тѣ же и въ томъ же порядкѣ, посѣтили знаменитаго старца, Генерала Б...ра, у котораго нашли человѣкъ шесть здѣшнихъ помѣщиковъ. Добрый Генералъ былъ съ гостьми своими, какъ отецъ съ семействомъ; но этотъ доблестный старецъ добръ не съ одними своими гостьми:—онъ отецъ, въ полномъ смыслѣ слова, своихъ крестьянъ и благодѣтель ихъ. Это было видно на веселомъ

и счастливомъ лицѣ каждаго его крестьянина, а всего болѣе изъ дѣтской любви ихъ къ своему господину.

Подъѣзжая къ дому Генерала Б...ра, мы были оглушены пѣснями деревенскихъ бабъ, которыя горланили безъ всякой пощады въ домѣ своего господина, наряжая къ вѣнцу дворовую дѣвушку, и всѣмъ этимъ церемоніаломъ хлопотливо распоряжалась сама Генеральша!... Нельзя было не думать, что я видѣлъ простую и счастливую старину нашу, что я видѣлъ прежній простодушный, оригинальный бытъ стариковъ нашихъ.—Въ этомъ домѣ я не слыхалъ ни о картахъ, ни о собакахъ,—и всѣ были заняты, и ни одного скучнаго лица въ цѣломъ домѣ....

—»Теперь мы ѣдемъ къ Г...вой« — сказалъ М. И., выходя отъ Б...ра. И вотъ мы пріѣхали и къ Г...вой. Добрая Г...ва такъ была рада гостю своему, что когда я выскочилъ изъ кареты, то она не вдругъ узнала во мнѣ вовсе ей

неизвѣстнаго; ея восторгъ, при свиданіи съ М. И., равнялся только неподражаемой добротѣ ея сердца, которая доброта выказывалась во всякой чертѣ лица ея. Милыя дочери ея были также очень ради нечаянному свиданію съ своимъ добрымъ знакомымъ, а потому также и съ его сопутникомъ.—Двѣ старшія изъ барышенъ воспитывались въ одномъ изъ лучшихъ нашихъ Институтовъ. Старшая имѣетъ золотую медаль за отличные успѣхи и благонравіе, а младшая серебряную.

Не смотря не небогатое состояніе этой помѣщицы и не смотря на ея большое семейство, имѣніе ея чисто и не заложено нигдѣ, противъ обыкновенія нынѣшняго свѣта. Добрая Г...ва такъ умѣетъ жить, что еще имѣетъ лишнюю копѣйку на траты благочестія, которое видно во всемъ семействѣ ея, какъ знаменіе благословенія Божія.—Проѣзжая сельцо Г...вой, вы увидите каменный храмъ, воздвигнутый Всевышнему, при слишкомъ по-

средственномъ состояніи, тогда, какъ другіе, имѣя состояніе втрое и четверо большее, до того разстроили его, что едва сами не испрашиваютъ подаянія; а о крестьянахъ ихъ и говорить нечего.—Да, мнѣ однажды привелось видѣть помѣщика, который получивши по наслѣдству во владѣніе сто душъ — прекрасное село съ новою каменною церковью и прекраснымъ каменнымъ домомъ, со всѣми удобностями, не только къ достаточной, но и къ привольной жизни—человѣкъ безъ семейства,—и что же бы вы думали, каково онъ поживаетъ? — Поддерживать церковь онъ отказался: храмъ Божій упразднень. Домъ помѣщика пустъ: въ немъ одни совы и нетопыри; а хозяинъ бродитъ изъ двора во дворъ, проиюхивая, не пахнетъ ли гдѣ обѣдомъ, или завтракомъ... Что же сказать о цѣлой деревнѣ? — Это таборъ цыганъ; это лачуги — не дома; это бродяги, а не осѣдлые жители....

Горестны таковыя явленія; но вы ихъ

встрѣтите какъ кару Божію на смертныхъ, — какъ срамъ людской, отъ котораго, съ горестію души, отвращаете взоръ вашъ.... Но какою усладою будетъ для васъ, если взоръ вашъ встрѣтитъ между этими помѣстьями помѣстье Г...вой, гдѣ вы съ преизбыткомъ найдете все, что дѣлаетъ человѣка счастливымъ въ этой жизни!...

Послѣ самыхъ обязательныхъ и откровенныхъ привѣтствій, и напившись чаю, старшая дочь Г—вой сѣла за фортепіано и восхитительная мелодія съ прелестнѣйшимъ голосомъ образованной пѣвицы увлекли сердца наши за предѣлы всего земнаго!... Нигдѣ, ни въ какой Столицѣ не найдете вы прелестей, такъ самовластно, такъ рѣшительно отрѣшающихъ васъ отъ ярма жизни тѣлесной и проникающихъ небесной усладой души ваши, усладой, вѣющей привѣтствіями горнихъ братій нашихъ.... Нѣтъ, нельзя, кажется, найти этого нигдѣ, если тройка почтовыхъ не уне-

сетъ васъ далеко отъ шума Столицъ и городовъ.... Въ тиши дремучихъ лѣсовъ, далеко отъ всего, что называется поннымъ свѣтомъ, въ загрязненной одеждѣ странниковъ, мы нашли то, чего бы напрасно искали въ гостиныхъ вельможъ. Подобный отдыхъ путешественника, по мнѣ, не сравнится ни съ какими пріятностями отягощенной однообразіемъ сидячей жизни.

Не забуду также семейнаго вечера Н-вой, гдѣ малютки - дѣти пѣли подъ фортепіано такъ прекрасно, что нельзя было слушать безъ восхищенія; добрый учитель ихъ Ц—вскій былъ оригинально любезенъ съ своими милыми учениками; до двѣнадцати часовъ почти всѣ мы были такъ счастливы, что, вѣрно, никто изъ насъ не помышлялъ ни о какомъ другомъ счастіи....

Никакъ не понимаю, за чѣмъ время убиваютъ за картами?!... Не ужели глаза человѣка ничего пріятнѣе для себя не найдутъ, какъ очки картъ? не ужели нѣтъ полезнѣйшей дѣятельности для человѣка,

какъ всею силою ума и воли быть прикованнымъ къ картѣ, чтобъ отнять рубль у ближняго, который чрезъ разные закоулки и переулки пріобрелъ звенѣть—дразнить тебя изъ своего тощаго кошелька?... »Что же намъ дѣлать?«—говорятъ.—Я не знаю что вамъ дѣлать — мой всегдашній отвѣтъ; а только спрашиваю и все спрашиваю: не ужели человѣкъ только для картъ—или—карты для человѣка?...

»Вотъ мы и въ М—сквѣ!«—слышу голосъ М. И.—и я просыпаюсь у себя дома; слава Богу! теперь я дома!... »Смотрите же, опишите путешествіе наше въ Смолепскъ« — говорилъ мнѣ, прощаясь со мною, мой добрый М. И. Вотъ я и принялся писать, что кое-какъ и написалъ.

Гдѣ-то сказано: »Послушаніе паче поста и молитвы.«

Прошу не взыскать: чѣмъ богатъ, тѣмъ и радъ!....

Сейчасъ получилъ я 23-й листъ Живописнаго Обозрѣнія съ изображеніемъ Храма Спасителя, который воздвигается въ Москвѣ на мѣстѣ Алексѣевскаго монастыря.—Выписываю прекрасную статью этого журнала, относительно воздвигаемаго храма,—которою и оканчиваю мои Воспоминанія 1812 года.

»Великія событія рождаютъ и помышле»нія великія. Императоръ Александръ, по»бѣдитель Наполеона въ 1812 году, въ »блескѣ величія и славы приписывалъ »побѣду надъ грознымъ врагомъ и спасеніе »Своего царства Всемогущему Богу, и пер»вою мыслію Его, по изгнаніи непріятелей »изъ Россіи, было: соорудить храмъ, ко»торый бы на вѣчныя времена оставался »памятникомъ благословенія Всевышняго »къ великой судьбѣ нашего отечества. »Исторія представляетъ намъ много при»мѣровъ доблести и благородныхъ движе»ній души; но она ничего не можетъ ука»зать выше, прекраснѣе, величественнѣе

»этого благоговѣйнѣйшаго чувства Импера»тора Александра!... Слава, могущество, »побѣда нисколько не затмили въ Немъ »благороднаго, высокаго ощущенія, и эта »минута, когда побѣдитель Наполеона далъ »обѣтъ воздвигнуть храмъ Спасителю Богу, »была одною изъ лучшихъ въ славной »жизни Александра, потому что она вполнѣ показываетъ великую душу Его. Ни»кто изъ земныхъ Царей не достигалъ »славы, равной Его славѣ, и никто не »оказалъ такого высокаго смиренія въ ми»гу побѣды, всегда ослѣпительной, но »въ 1812 году безпримѣрной, дѣлавшей »Императора Александра рѣшителемъ судь»бы народовъ. Нельзя безъ умиленія чи»тать манифеста, подписаннаго Имъ въ »Вильнѣ, въ 25-й день Декабря, 1812 года, »когда онъ изъявилъ волю Свою слѣдую»щими словами: — »Спасеніе Россіи отъ »враговъ, столько же многочисленныхъ си»лами, сколь злыхъ и свирѣпыхъ намѣре»ніями и дѣлами, совершенное въ шесть

»мѣсяцевъ всѣхъ ихъ истребленіе, такъ, »что при самомъ стремительномъ бѣгствѣ, »едва самомалѣйшая токмо часть оныхъ »могла уйти за предѣлы наши, есть явно »изліянная на насъ благодать Божія, есть, »поистинѣ, достопамятное произшествіе, »которое не изглядятъ вѣки изъ бытописа»ній. Въ сохраненіе вѣчной памяти того »безпредѣльнаго усердія, вѣрности и люб»ви къ вѣрѣ и къ отечеству, какими въ »сіи трудныя времена превознесъ себя на»родъ Русскій, и въ ознаменованіе благо»дарности Нашей къ промыслу Божію, »спасшему Россію отъ грозившей ей ги»бели, возпамѣрились Мы въ первопре»стольномъ градѣ Нашемъ Москвѣ создать »церковь во Имя Спасителя Христа, под»робное о чемъ постановленіе возвѣщено »будетъ въ свое время. Да благословитъ »Всевышній начинаніе Наше! Да совершит»ся оно! Да простоитъ сей храмъ многіе »вѣки, и да курится въ немъ предъ Свя»тымъ Престоломъ Божіимъ кадило благо-

»дарности до позднѣйшихъ родовъ, вмѣстѣ »съ любовію и подражаніемъ къ дѣламъ »ихъ предковъ!«

»Такъ выражался Императоръ Алек»сандръ въ первыя минуты Своего торже»ства, и по окончаніи великой борьбы съ »исполиномъ Запада, сорвавъ всѣ лавры »героя, явившись другомъ человѣчества, »Онъ возвратился въ нѣдра вѣрной Своей »Россіи, съ новымъ благословеніемъ и »чувствомъ благодарности къ Творцу Не»бесному.

»Скажемъ же и мы съ Благословеннымъ: »Да совершится храмъ сей! Да простоитъ »онъ многіе вѣки, и да курится въ немъ »предъ Святымъ Престоломъ Божіимъ ка»дило благодарности до позднѣйшихъ ро»довъ вмѣстѣ съ любовію и подражаніемъ »къ дѣламъ ихъ предковъ!«

И прибавимъ: Да будетъ храмъ сей въ вѣки вѣчные воспоминаніемъ, что — »На начинающаго Богъ!« — Да будетъ храмъ сей въ вѣки вѣчные воспоминаніемъ бла-

годѣтельнаго урока Владыкамъ земли, что все могущество ихъ въ десницѣ Вседержителя и крѣпость мышцъ ихъ въ Святой волѣ Его!... Отъиметъ духъ ихъ и изчезнутъ, и въ персть свою возвратятся!....

Велій еси, Господи, чудна дѣла Твоя, и ни едино же слово довольно будетъ къ пѣнію чудесъ Твоихъ!....

Пусть мудрые земли ищутъ причинъ дивныхъ событій внѣ промысла Божія; а мы, воспоминая 1812 годъ, не перестанемъ отъ всей души и отъ всего сердца говорить съ Благословеннымъ Александромъ: »Не намъ, не намъ даждь славу, Господи, а имени Твоему!«

Прибавимъ еще: Даждь славу Имени Твоему, Господи, храня въ могущей десницѣ Твоего Святаго Промысла любимую Тобою Россію и соблюдая въ долгоденствіи безцѣнную жизнь обожаемаго нашего **Монарха Николая Павловича!....** Даждь славу Имени Твоему, Господи, да

разумѣютъ вси языцы, яко съ нами Богъ!... Даждь славу Имени Твоему, Господи, да знаютъ чада Россіи Тебя единаго истиннаго Бога, славнаго въ крѣпости и педремлющаго въ храненіи!....

Не скажу:

Конецъ,

желалъ и надѣялся, что воспоминаніе 1812-го года будетъ вѣчнымъ въ добрыхъ сердцахъ дѣтей благословенной Россіи!....

2007113279